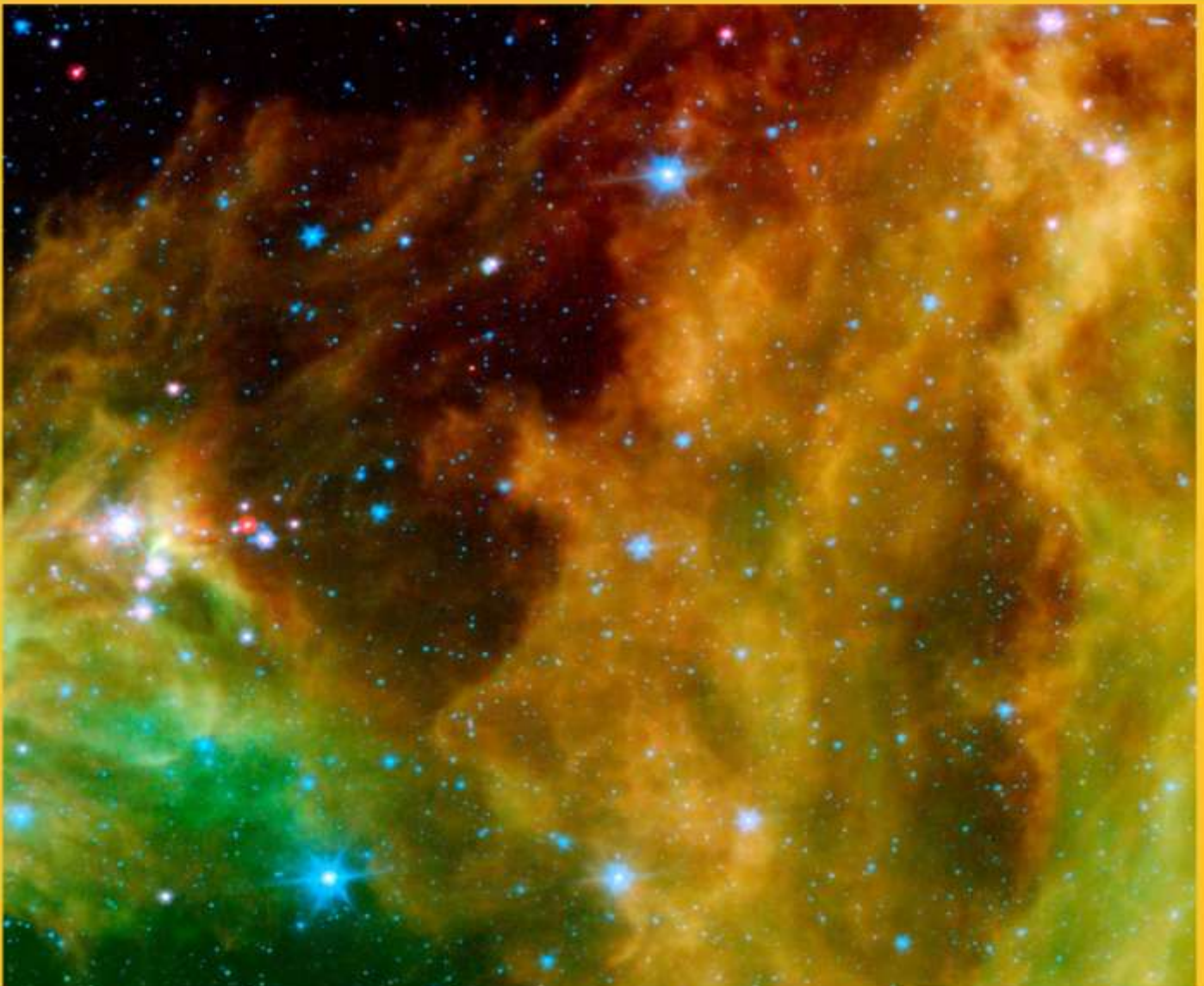

MAY 2026 | ISSUE #5(1.2)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №5(1.2) - 2026. 140 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2026

Article writers, 2026

Scientific public organization
“Professional science”, 2026

Table of contents

INTRODUCTION	5
CULTURAL STUDIES AND ARTS	6
Enicheva A.I. Nominative field of the concept in an artistic work.....	6
Kornev D.A., Rogulenko T.M. Developing a financial model for the theater in the context of digitalization: a digital stand-in.	11
Lu Bingqian. Improving the physical training of sports dance coaches in China in modern conditions	21
Mironchuk E.V., Grebennikova V.A., Kondrashova E.A., Mironchuk Y.E. The phenomenon of soviet constructivism	30
EDUCATION AND PEDAGOGY	39
Belousova E.V. The use of information and communication technologies in the educational process of vocational education for the development of students' cognitive abilities	39
Borisova D.S., Karsanaeva I.N. The implementation of native language learning in schools of the Sakha Republic (Yakutia): students' evaluation and perception.....	44
Goncharenko E.S. The role of authentic materials in expanding the lexical stock and strengthening grammar.....	54
Ma Xiang. Technology of blended learning for music students in China	63
PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY	71
Gribov K.A., Gribova A.V., Tkach O.Y. Psychophysiological mechanisms of the hedonic effect of physical exercise: the role of opioidergic, dopaminergic, and gabaergic systems	71
Kuleshova I.N., Minnikov V.K. Socio-psychological features of vulnerable voters (based on expert research).....	78
Rogozhina O.A., Rodionov A.V. Features of the emotional-volitional sphere in adolescents.....	90
REVIEWS AND ANALYSIS.....	100
Kanibolotsky V.V. Multimedia formats as a tool for increasing audience engagement (case study of the regional media holding primamedia).....	100
Solomatina E.N., Sumarno Lhotse. Internet memes in digital communication of youth	106
SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY	110
Bocharnikov A.A. Protest: types, forms, and manifestations.....	110
Popova J.A. Student self-government in a modern university as a mechanism for involving young people in socially significant activities	118
Strigaleva A.V., Bykova S.S. Consequences of social stigma.....	129
Vlasyeva K.D., Lagutin S.G. Social and psychological factors of mass riots and tactics for their suppression.....	135
CONCLUSION.....	139

INTRODUCTION

The latest issue of the International Journal of Professional Science, No. 5(1.2), brings together research on key aspects of cultural studies, education, psychology, social work, and social policy. The authors focus on the processes shaping the development of modern society in the context of digital transformation, changing communication practices, and increasing demands on the quality of professional training.

The section on cultural arts examines a wide range of issues: from the nominative context of artistic works and the phenomenon of Soviet constructivism to the digitalization of theater and the improvement of the physical training of coaches in sports and dance disciplines. These works emphasize the importance of preserving cultural heritage while simultaneously adapting creative institutions to modern conditions.

The educational section of the issue reflects current trends in the development of pedagogical science and teaching methods. The authors explore the use of information and communication technologies in vocational education, the introduction of native language learning in schools in the Republic of Sakha (Yakutia), the role of authentic materials in the development of language competencies, and the potential of blended learning in music education. The articles presented demonstrate that the modern educational process requires flexible, technologically advanced, and culturally sensitive solutions.

The psychology section of the issue is devoted to the study of psychophysiological, socio-psychological, and age-related personality traits. The articles examine the mechanisms of the hedonic effect of physical exercise, the characteristics of vulnerable voters, and the emotional-volitional sphere of adolescents. These studies expand our understanding of the factors influencing behavior, motivation, and psychological state in various social contexts.

The review and analysis section addresses issues of multimedia formats in regional media and the role of internet memes in young people's digital communication. These materials focus on the transformation of the information environment and new forms of audience engagement.

The section on social work and social policy covers issues of protest, student self-government, social stigma, and the social and psychological factors of mass unrest. The authors offer a scientifically grounded perspective on complex social processes related to the mechanisms of social mobilization, youth engagement, and maintaining social stability.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

CULTURAL STUDIES AND ARTS

UDC 81.133

Enicheva A.I. Nominative field of the concept in an artistic work

Номинативное поле концепта в художественном произведении

Enicheva Aleksandra Igorevna,

Senior Lecturer of High School of Lingvodidactics,
Pacific National University

Еничева Александра Игоревна,
старший преподаватель Высшей школы лингводидактики,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Abstract. *The article examines the key concept of the nominative field of a concept in cognitive linguistics. The complex structure of this field, which unites lexical-semantic groups, phraseological units, synonymous series and associative fields, is analyzed. Particular attention is paid to the specificity of the artistic concept. The work also describes the main methods of objectification of the concept and raises the controversial issue of the existence of syntactic concepts - typical propositions fixed in sentence models. It is concluded that the volume and diversity of the nominative field directly affect the accuracy of reconstruction and description of the concept, reflecting its relevance to linguistic consciousness.*

Keywords: *nominative field of the concept, concept, cognitive linguistics, verbalization, artistic concept.*

Аннотация. *В статье рассматривается ключевое для когнитивной лингвистики понятие номинативного поля концепта. Анализируется комплексная структура данного поля, объединяющего лексико-семантические группы, фразеологизмы, синонимические ряды и ассоциативные поля. Особое внимание уделяется специфике художественного концепта. В работе также описываются основные методы объективации концепта и поднимается дискуссионный вопрос о существовании синтаксических концептов – типовых пропозиций, закрепленных в моделях предложений. Делается вывод, что объем и разнообразие номинативного поля напрямую влияют на точность реконструкции и описания концепта, отражая его релевантность для языкового сознания.*

Ключевые слова: *номинативное поле концепта, концепт, когнитивная лингвистика, вербализация, художественный концепт.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

В работе «Когнитивная лингвистика» З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют номинативное поле концепта как совокупность языковых средств, вербализующих этот концепт. Анализируя языковой корпус, где представлен концепт, можно реконструировать его структуру. Как подчеркивает З. Д. Попова, ключевая задача когнитивной лингвистики — составить максимально полный перечень языковых единиц, которые «объективируют» исследуемый концепт [6].

Восстановление структуры концепта, рассеянного в объективирующих его языковых знаках, предполагает исследование всего репрезентирующего его языкового

корпуса, включая систему устойчивых сравнений с их характерными образами-эталоном [5].

Номинативное поле уникально своей комплексностью: оно объединяет лексико-семантические группы, поля, лексико-фразеологические поля, синонимические ряды и ассоциативные поля. В отличие от других структурных группировок лексики, оно не является естественной единицей языковой системы, а представляет собой исследовательскую конструкцию — упорядоченную совокупность номинативных единиц.

По мнению Е. А. Огневой, в отличие от обычного концепта, который выражается словом или словосочетанием, художественный концепт может быть вербализован в масштабах от отдельной лексемы до целого текстового фрагмента. Художественный текст, будучи фиксацией авторского концепта, задаёт когнитивно-коммуникативное пространство всего произведения и поэтому занимает особое место в системе языковых репрезентаций концепта [4].

По мнению В. А. Кухаренко, наличие концепта в художественном произведении приводит к расслоению информационного потока на два уровня. Первый, поверхностный уровень — это содержательно-фактуальная информация, которая составляет материальную основу текста, развивается линейно и формирует его сюжетное содержание. Второй, более глубокий и имплицитный уровень — содержательно-концептуальная информация. Она раскрывается постепенно и неравномерно, причем некоторые фрагменты текста вносят в ее формирование больший вклад, являясь концептуально значимыми [3].

Следует различать концепты, значимые для коммуникации, и малозначимые. Релевантные концепты обладают широким номинативным полем — то есть для их обозначения существует множество языковых средств, они часто становятся предметом общественного обсуждения и оценки. Напротив, малорелевантные концепты лишены синонимических рядов и иерархических связей, так как отражают узкоспециализированные идеи, знакомые лишь ограниченному кругу лиц.

Существует также третий тип концептов, лишённых чётко выраженного номинативного поля в языке. Они не обладают устоявшимся обозначением и вербализуются лишь через субъективные, окказиональные номинации или описания отдельных своих признаков. Такие концепты могут получать лишь индивидуально-авторские или косвенные наименования, но не имеют единого лексического воплощения для выражения всей своей сути. Ярким примером служит концепт, обозначающий людей, длительное время состоящих в браке, который является антонимом концепта «молодожены». Эта особенность подчёркивает двойственную

природу концепта, который одновременно является и индивидуальным представлением, и достоянием общности.

Способность объединять абстрактное понятие и чувственный опыт роднит концепт с художественным образом. Благодаря этой гибкости и двойственной природе концепт может использоваться в самых разных дискурсах [1].

Неоднородность номинативного поля концепта обусловлена тем, что в него входят как прямые наименования всего концепта (образующие ядро), так и обозначения его отдельных признаков (формирующие периферию). Именно последние раскрывают содержание концепта и вариативное отношение к нему.

Исследование того, как вербально выражается художественный концепт, показывает:

- а) как преобразуются элементы художественной речи при переводе;
- б) почему и в каком объеме возникают лакуны при переводе на структурно отличные языки;
- в) как соотносятся и зависят друг от друга концептуальная и языковая картины мира [4].

В. И. Карасик в своем труде «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» выделяет три основных метода объективации концепта в языке: обозначение, выражение и описание.

Обозначение представляет собой процесс наименования фрагмента реальности. Оно подразделяется на стандартное и уточняющее (свойственное обыденному сознанию) и генерализирующее со специальным уточняющим (характерные для профессиональной коммуникации). В области абстрактных понятий обозначение заключается в именовании качеств и процессов.

Выражение — это совокупность всех языковых и невербальных средств, которые прямо или косвенно раскрывают, конкретизируют и обогащают содержание концепта.

Описание понимается как научные процедуры, направленные на толкование значения имени концепта и связанных с ним обозначений [2].

Он также отмечает, что в номинативное поле концепта, формируемое в ходе лингвокогнитивного анализа, могут входить разнообразные языковые средства: прямые и производные номинации, однокоренные слова, синонимы (включая контекстуальные и авторские), фразеологизмы, пословицы, метафоры, устойчивые сравнения, словарные дефиниции и тематические тексты [6].

Среди ученых возникают дискуссии касательно возможности выражения концептов синтаксическими структурами. Синтаксические построения одновременно

имеют знаковую природу и свои означаемые, так называемые синтаксические концепты.

В концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина, лексические единицы и фразеологизмы трактуются как отражения различных объектов реальной или вымышленной действительности – предметов, концептов или процессов. Исследователи интерпретируют семантику через структуру денотативной ситуации, ядром которой выступает пропозиция. Под пропозицией понимается базовый смысловой каркас, формируемый ключевыми компонентами значения. При этом ни второстепенные члены предложения или его грамматическая структура не учитываются [6].

При регулярном воспроизведении однотипных смыслов в речи язык вырабатывает для них стабильные смысловые показатели. Эти показатели, принимая на себя роль подлежащего и сказуемого, облачают пропозицию в конкретную словесную форму и тем самым переводят ее в статус языковой единицы.

В семантической системе языка выделяются особые единицы – синтаксические концепты. Это элементарные смысловые структуры, закрепленные в типовых моделях предложений. Речевые реализации всегда вариативны, поскольку обусловлены прагматическим контекстом и коммуникативными намерениями говорящего, однако их пропозициональное ядро строится из этих устойчивых концептов.

Таким образом, синтаксический концепт представляет собой обобщенную пропозицию, закрепленную не за отдельным словом или фразеологизмом, а за структурой предложения. Такие концепты функционируют как динамические когнитивные схемы – фреймы и сценарии, а совокупность языковых средств их выражения формирует номинативное поле. Изучение единиц этого поля позволяет выделить инвариантные компоненты концепта. Полнота и гетерогенность номинативного поля прямо пропорциональны степени точности реконструкции концепта.

References

1. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Г. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 3-29.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

4. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
5. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с

UDC 338:792

Kornev D.A., Rogulenko T.M. Developing a financial model for the theater in the context of digitalization: a digital stand-in.

Развитие финансовой модели театра в условиях цифровизации: цифровой дублер.

Kornev Danil Anatolevich
graduate student

Rogulenko Tatyana Mikhailovna

Professor. A.S. Griboyedov Institute of World Economy and International Relations,
State University of Management, RUDN University, Moscow

Корнев Данил Анатольевич

Аспирант ИМПЭ им. А.С. Грибоедова

Рогулenco Татьяна Михайловна

Профессор

ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, ГУУ, РУДН, г. Москва

Abstract. *The article analyzes the economic feasibility of introducing "digital double" technologies in the performing arts. Based on a comparative cost analysis, it is established that in film production the AI avatar serves as a cost-reduction tool, whereas in theater its application is limited to auxiliary functions. The main economic barrier to actor substitution is identified as the elite nature of theatrical services, the value of which is formed through live performance. Consumer demand data (growth in ticket sales, increase in average check) confirm the audience's sustainable willingness to pay a price premium for an authentic theatrical experience. Replacing an actor with a digital copy shifts the product into the category of replicable content, leading to the destruction of the price premium and a decline in the project's economic attractiveness. Institutional constraints on AI double implementation are considered, including industry agreements that equate digital replicas with live performers. The conclusion suggests a probable evolution of the theater's financial model toward increased elitism.*

Keywords: *digital double, artificial intelligence, economics of theater, performing arts market, elite good, price premium, institutional constraints, financial model of theater*

Аннотация. В статье анализируется экономическая целесообразность внедрения технологий «цифрового дублёра» в исполнительских искусствах. На основе сравнительного анализа издержек установлено, что в кинопроизводстве ИИ-аватар выступает инструментом сокращения затрат, тогда как в театре его применение ограничено вспомогательными функциями. Выявлено, что основным экономическим барьером для замещения актёра является элитарный характер театральной услуги, ценность которой формируется за счёт живого исполнения. Данные о потребительском спросе (рост продаж билетов, увеличение среднего чека) подтверждают устойчивую склонность зрителя платить ценовую премию за аутентичный театральный опыт. Замещение актёра цифровой копией переводит продукт в категорию тиражируемого контента, что ведёт к разрушению ценовой премии и снижению экономической привлекательности проекта. Рассмотрены институциональные ограничения внедрения ИИ-дублёров, включая отраслевые соглашения, приравнивающие цифровые реплики к живым исполнителям. Сделан вывод о вероятной эволюции финансовой модели театра в сторону усиления элитарности.

Ключевые слова: *цифровой дублер, искусственный интеллект, экономика театра, рынок исполнительских искусств, элитарное благо, ценовая премия, институциональные ограничения, финансовая модель театра*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе технологического развития, характеризуемом экспоненциальным ростом возможностей искусственного интеллекта (ИИ) и генеративных нейросетей, дискурс о «цифровом дублере» перешел из разряда научной фантастики в плоскость прикладных экономических и юридических решений. Кинематограф, как наиболее технологичная и капиталоемкая индустрия развлечений, уже демонстрирует примеры успешной коммерциализации цифровых аватаров, что подтверждается рыночными прецедентами последних лет. Создание цифрового аватара становится конвейерным процессом: по оценкам студий, стоимость производства виртуальной модели актера с высоким уровнем детализации мимики и жестов может составлять от 250 тыс. рублей, что позволяет экономить до 75% бюджета по сравнению с традиционными съемками [10]. Более того, юридические прецеденты посмертного использования образов (как в случае с цифровым воскрешением Вэла Килмера для фильма «Глубоко, как в могиле» в 2026 году) формируют новый рынок прав на «цифровую личность» [3]. В этом контексте киноиндустрия демонстрирует классический пример замещения дорогостоящего человеческого труда более дешевым и предсказуемым технологическим решением.

Однако экстраполяция данной экономической модели на сферу театрального искусства представляется методологически неверной и экономически несостоятельной. Цель исследования — выявить рыночные перспективы замещения актера цифровым дублером на основе технологий ИИ и оценить влияние этого процесса на трансформацию театра как экономического блага, доступного преимущественно элитарным слоям общества.

Отличие данной работы от существующих исследований состоит в следующем:^[1] выполнен прямой количественный расчёт экономической эффективности замещения живого актера цифровым аватаром на основе сопоставления стоимости ИИ-копии (тарифы Microsoft Azure) и годовых издержек на оплату труда актера (данные SalaryExpert)^[2] на эмпирическом материале 2025–2026 гг. (рыночный прецедент с цифровым двойником Хаби Лейма, статистика Яндекс Афиши) выявлена и подтверждена экономическая асимметрия между кино и театром: в кино цифровой дублер выступает амортизируемым активом, тогда как в театре, функционирующем как рынок люксовых услуг, его внедрение на позицию главного актера экономически нецелесообразно.^[3] обосновано, что театральная услуга в условиях цифровизации приобретает свойства элитного блага, что должно учитываться при формировании финансовой стратегии театров.

В основу исследования положена следующая гипотеза: театр как экономический институт функционирует не на рынке тиражируемого контента, а на рынке уникальных, сиюминутных переживаний, где ключевым, невозпроизводимым технологиями фактором производства является живое человеческое присутствие. В отличие от киноактера, чей контакт со зрителем опосредован камерой и экраном, театральный актер находится в непрерывном, живом взаимодействии с залом, и именно это взаимодействие составляет экономическую суть театральной услуги как элитного блага. Соответственно, внедрение ИИ-дублера на позицию главного действующего лица должно вести не к оптимизации издержек, а к разрушению самого ценностного предложения театра.

Актуальность исследования обусловлена растущим давлением технологических инноваций на традиционные институты культуры и необходимостью выработки научно обоснованной стратегии их развития в цифровую эпоху. Как отмечается в современных исследованиях, ИИ уже активно используется в театре для создания визуального ряда, музыки и даже драматургии, однако вопрос о замене самого артиста остается открытым [1].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Методологическую основу исследования составляет двухэтапный эмпирический анализ. На первом этапе применяется метод сравнительного анализа издержек для количественной оценки экономической эффективности замены живого актера цифровым аватаром. Эмпирической базой послужили:

1. Данные о рыночной стоимости создания цифрового аватара на основе корпоративных тарифов. Для получения объективных данных были проанализированы официальные расценки платформы Microsoft Azure на услугу Custom Text-to-Speech Avatar. Согласно документации Microsoft, стоимость обучения модели аватара составляет €13,021 за вычислительный час (около 1 150 руб. по курсу ЦБ РФ на 06.05.2026 [6]), что при типовых затратах в 20–40 часов формирует диапазон от 23 000 до 46 000 руб. Хостинг конечной точки оценивается в €0,521 в час (около 46 руб. в час, или примерно 33 120 руб. в месяц), а использование в реальном времени €0,521 за минуту активной сессии (около 46 руб. за минуту). Дополнительно оплачивается синтез голоса: €41,665 за 1 млн символов (около 3 680 руб. за 1 млн символов) [13]. Данный источник выбран как эталонный, поскольку отражает цены крупнейшего B2B-провайдера, а не фриланс-услуги.

2. Рыночный прецедент монетизации цифрового двойника. В 2026 году компания Rich Sparkle Holdings приобрела права на цифрового двойника TikTok-звезды Хаби

Лейма за 975 млн долларов (около 88,8 млрд руб. по курсу ЦБ РФ на 06.05.2026 [6]). Сделка включала передачу Face ID, Voice ID и поведенческих моделей для создания ИИ-копии, способной самостоятельно генерировать контент и монетизироваться [11]. Данный прецедент иллюстрирует верхний предел рыночной стоимости цифровой личности и доказывает экономическую жизнеспособность модели в сегменте тиражируемого контента.

3. Данные о рынке театральных услуг. Статистическим подтверждением потребительского спроса на живое искусство служат данные «Яндекс Афиши» за 1 квартал 2026 года. Продажи билетов в театры России выросли на 20,6% год к году, средняя стоимость билета увеличилась на 16% и достигла 2 849 руб. [8]. На этом фоне глобальный рынок «цифрового бессмертия» оценивается в \$35,8 млрд (около 3,3 трлн руб. по курсу ЦБ РФ на 06.05.2026 [6]) и демонстрирует значимость обоих сегментов.

4. Институциональный контекст. Для анализа правовых и экономических аспектов использования цифровых реплик актёров привлечены материалы нового соглашения SAG-AFTRA (2026), регулирующего обязательное лицензирование, согласие и роялти за использование цифровых аватаров [12].

На втором этапе применяется качественный метод анализа прецедентов, включающий изучение публичных заявлений ведущих деятелей театра. В частности, проанализирована позиция художественного руководителя Театра на Покровке Дмитрия Бикбаева, согласно которой «театр живой вид искусства, и театр случается только в те моменты, когда живой человек видит другого живого человека, который испытывает эмоции» [9]. Данные заявления, подкрепленные количественными показателями роста спроса на театральные услуги, позволяют обосновать тезис о незаменимости живого актера как ключевого актива в сегменте люксовых впечатлений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенный эмпирический анализ позволил получить следующие количественные результаты.

Данные о стоимости цифровых аватаров. Согласно официальной документации Microsoft Azure, стоимость обучения модели Custom Text-to-Speech Avatar составляет €13,021 за вычислительный час (около 1 150 руб. по курсу ЦБ РФ на 06.05.2026 [6]), что при типовых затратах в 20–40 часов формирует диапазон от 23 000 до 46 000 руб. Хостинг конечной точки оценивается в €0,521 в час (около 46 руб. в час, или примерно 33 120 руб. в месяц), использование в реальном времени €0,521 за минуту активной сессии (около 46 руб. за минуту), синтез голоса €41,665 за 1 млн символов (около 3 680

руб.) [13]. Верхняя граница рыночной стоимости цифровой личности зафиксирована в сделке 2026 года по приобретению прав на цифрового двойника TikTok-звезды Хаби Лейма за 975 млн долларов (около 88,8 млрд руб.) [11].

Данные о заработной плате актеров. Средняя годовая зарплата актера в РФ составляет 1 583 977 руб., для специалистов высшей категории (стаж более 8 лет) 1 822 256 руб. [15].

Данные о рынке театральных услуг. В 1 квартале 2026 года продажи билетов в театры России выросли на 20,6% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года. Средняя стоимость билета достигла 2 849 руб. (рост на 16% год к году). Общее количество проданных билетов превысило 827 тыс. штук. Средний чек за театральный билет по России составляет 2 055 руб., в Москве 3 940 руб. [8].

Институциональные данные. В 2026 году профсоюз актеров SAG-AFTRA заключил четырехлетнее соглашение, закрепляющее обязательное согласие, лицензирование и выплату роялти за любое использование цифровых реплик актеров [12].

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на перспективы замещения актера искусственным интеллектом в театральной индустрии. Вопреки распространенным опасениям о скорой «технологической безработице» среди артистов, проведенный анализ демонстрирует, что экономическая логика театрального рынка создает существенные препятствия для полномасштабного замещения живого исполнителя цифровым дублером.

Первым и наиболее очевидным результатом является выявление фундаментальной асимметрии в экономической целесообразности применения цифровых дублеров в киноиндустрии и театральной сфере. В кинопроизводстве цифровой аватар представляет собой амортизируемый актив, способный генерировать экономию в долгосрочном периоде. Как показывает рыночный прецедент 2026 года, стоимость создания детализированной ИИ-копии предпринимателя (со всеми атрибутами голоса и манеры общения) составила около \$7 000 (примерно 637 000 руб. по курсу ЦБ РФ на 06.05.2026 [6]) [11]. Эта сумма сопоставима или даже ниже годовых издержек на оплату труда одного актера. Таким образом, при амортизации затрат на создание аватара в течение одного года его использование в киноиндустрии оказывается экономически более выгодным, чем оплата труда живого актера, не считая дополнительной экономии на сопутствующих расходах.

Принципиально иная картина наблюдается в театральной сфере, где каждый показ является отдельным актом производства, а ценность продукта неразрывно связана с

уникальностью живого исполнения. В этих условиях фиксированные издержки на создание цифрового дублера должны окупаться в рамках ограниченного числа показов, что делает проект менее рентабельным. Эмпирические данные о росте рынка театральных услуг подтверждают, что зрительский спрос устойчиво растет именно в сегменте живых представлений. Согласно статистике «Яндекс Афиши», в I квартале 2026 года продажи билетов в театры России выросли на 20,6% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года, а средняя стоимость билета достигла 2 849 руб., увеличившись на 16% [8]. Эти цифры свидетельствуют о том, что зритель готов платить возрастающую цену за аутентичный театральный опыт, ключевым компонентом которого является живое присутствие актера на сцене.

Попытки создания полностью автономных ИИ-актеров в театре на сегодняшний день сводятся к экспериментам преимущественно в области иммерсивного и интерактивного театра, где искусственный интеллект выполняет роль либо вспомогательного визуального инструмента, либо игрового «партнера» для живых актеров. Даже наиболее передовые проекты демонстрируют, что публика готова принимать ИИ только как дополнение к живому исполнителю. Следует также учитывать институциональные барьеры: в 2026 году профсоюз актёров SAG-AFTRA заключил новое четырехлетнее соглашение, закрепляющее обязательное согласие, лицензирование и выплату роялти за любое использование цифровых реплик актёров [12]. Данное соглашение фактически приравнивает экономические условия для цифрового аватара и живого исполнителя, нивелируя мнимую дешевизну ИИ-дублера. Как подчеркивает художественный руководитель Театра на Покровке Дмитрий Бикбаев, «театр живой вид искусства, и театр случается только в те моменты, когда живой человек видит другого живого человека, который испытывает эмоции». По его убеждению, зритель не может испытывать сопереживание к машине, поскольку «только человеческая душа и подлинная эмоциональность способны породить истинную радость от театрального искусства» [9]. Этот тезис находит эмпирическое подтверждение в устойчивом росте спроса на билеты: зрители голосуют рублем за живое искусство, а не за его цифровую имитацию.

С экономической точки зрения театр, особенно в его академическом и репертуарном сегментах, позиционируется как элитное благо. В терминологии Т. Веблена, потребление такого блага связано с демонстративным аспектом, подчеркивающим статус и культурный капитал зрителя [4]. Рост средней цены билета на 16% при одновременном росте продаж на 20,6% [8] является классическим маркером рынка люксовых услуг, где повышение цены не только не снижает, но и стимулирует спрос. Внедрение «цифрового дублера» на позицию главного

действующего лица неизбежно обесценило бы этот статус, лишив театр главного конкурентного преимущества ауры аутентичности и сиюминутного, невоспроизводимого переживания, что согласуется с выводами о ключевой роли инноваций в усилении конкурентных позиций исполнительских искусств [5]. Глобальный рынок «цифрового бессмертия» уже оценивается в \$35,8 млрд, однако его экономическая логика работает в сегменте тиражируемого контента, тогда как театр остается рынком уникальных переживаний. Цифровая копия, какой бы совершенной она ни была, превращает сценическое событие в просмотр записи, что нивелирует ключевое конкурентное преимущество театра перед более дешевыми и доступными формами досуга.

Ограничения исследования. Следует признать, что сделанные выводы основаны на анализе текущего состояния технологий и рыночной конъюнктуры. Возможны как минимум два фактора, способных изменить прогнозируемую траекторию развития. Во-первых, радикальное снижение стоимости создания цифровых дублеров: если технологии достигнут уровня, при котором создание фотореалистичного цифрового аватара актера станет сопоставимым по стоимости с пошивом сценического костюма, экономические барьеры могут быть существенно снижены. Во-вторых, изменение потребительских предпочтений: формирование нового поколения зрителей, для которых цифровая среда является естественной средой обитания, а ценность «аутентичности» живого исполнения менее значима, чем для текущей аудитории театров.

Этические и правовые аспекты. Отдельного обсуждения заслуживает проблема прав на использование цифрового образа актера. В российской правовой практике данный вопрос остается неурегулированным. Как показывает опыт проекта «Shido Twin» в Японии, ключевым условием реализации подобных инициатив является получение явно выраженного согласия актера (или его наследников) на создание и использование цифрового двойника, а также четкое определение границ такого использования. В противном случае внедрение цифровых дублеров будет сдерживаться не только экономическими, но и юридическими рисками.

Направления дальнейших исследований. Перспективным представляется изучение следующих вопросов: эконометрическое моделирование спроса на «живой» и «цифровой» театр с использованием методов условной оценки (contingent valuation); анализ влияния цифровых дублеров на структуру занятости в театральной индустрии, включая не только актеров, но и технический персонал; исследование потенциала использования ИИ в драматургии и режиссуре, что может оказать более глубокое влияние на театральный процесс, чем замещение актеров.

Таким образом, в отличие от кинематографа, где цифровой дублер является закономерным этапом технологической эволюции и оптимизации издержек, в театре его внедрение на позицию главного действующего лица экономически нецелесообразно. Оно подрывает саму основу ценностного предложения театра как элитного культурного актива и рынка уникальных, невозпроизводимых переживаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Технологическая готовность к замещению актера цифровым дублером в театре находится на достаточно высоком уровне, что подтверждается успешной реализацией проектов цифровых двойников [3] и экспериментальными разработками. Однако полномасштабное внедрение этих технологий сдерживается не техническими, а экономическими и институциональными факторами.

2. Экономическая эффективность полного замещения живого актера цифровым дублером в театре представляется сомнительной. Основная причина заключается в том, что ценность театрального блага для зрителя неразрывно связана с аутентичностью живого исполнения. Замена актера цифровой копией переводит продукт в категорию «воспроизводимого» контента, что ведет к снижению готовности зрителя платить премиальную цену и, как следствие, к потере экономической привлекательности проекта.

3. Наиболее вероятным сценарием является развитие гибридных форматов, в которых цифровые дублеры и ИИ-технологии дополняют, но не заменяют живого актера. Экономически оправданными нишами для применения цифровых двойников являются образовательный процесс, репетиционная работа и создание цифровых версий спектаклей для дистрибуции в альтернативных каналах.

4. Внедрение цифровых дублеров может парадоксальным образом усилить элитарный характер традиционного театра. По мере распространения цифровых копий и массового доступа к ним, живое театральное исполнение приобретает дополнительную ценность редкости и аутентичности, что создает предпосылки для дальнейшего роста цен на билеты и закрепления театра в качестве статусного потребления для высокодоходных групп населения [4; 8].

5. Необходимо развитие правовой базы, регулирующей создание и использование цифровых двойников актеров. Отсутствие четких норм в этой сфере создает как риски нарушения прав артистов, так и неопределенность для потенциальных инвесторов в технологии цифровых двойников в театре.

Таким образом, можно утверждать, что цифровой дублер актера в театре в обозримой перспективе будет выполнять функции технологического компонента, а не субститута живого исполнителя. Театр как институт, основанный на уникальности живого контакта между сценой и залом, сохранит свои сущностные характеристики, однако его экономическая модель будет эволюционировать в сторону усиления элитарности и сегментации аудитории на массовый цифровой и премиальный живой сегменты.

References

1. Актер Машков заявил, что в спектакле «Охота жить» использовали ИИ // Газета.ru: [сайт]. 2025. - 14 сент. - URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/09/14/26726630.shtml>
2. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц. ; общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2023. – 288 с.
3. В Лас-Вегасе представили сгенерированного искусственным интеллектом Вэла Килмера // Коммерсантъ : [сайт]. – 2026. – 17 апр. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8603779> (дата обращения: 06.05.2026).
4. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. – М. : АСТ, 2022. – 416 с.
5. Дмитриева Н.В., Тихонова О.Ю., Котова Т.В., Царегородцева С.Р. Инновации как важный фактор конкуренции в сфере исполнительских искусств // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 3, № 10. – С. 24–35.
6. Курс евро к рублю на 06.05.2026 // Банк России : [сайт]. – URL: https://www.cbr.ru/currency_base/daily/ (дата обращения: 06.05.2026).
7. Пайн II Б. Дж., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений: Как превратить покупку в захватывающее действие / пер. с англ. – 2-е изд., пересм. – М. : Альпина Паблишер, 2023. – 396 с.
8. Спрос на театры в России вырос на 20% в первом квартале 2026 года // Ria.city: [сайт]. – 2026. – 27 марта. – URL: <https://ria.city/moscow/424228132/> (дата обращения: 06.05.2026).
9. Худрук Театра на Покровке рассказал, сможет ли ИИ заменить живого актера // NEWS.ru : [сайт]. – 2025. – 6 окт. – URL: <https://news.ru/theater/hudruk-teatra-na-pokrovke-rasskazal-smozhet-li-ii-zamenit-zhivogo-aktera>
10. Цифровое воскрешение за 250 тысяч: как нейросети заменяют умерших актеров и почему это выгодно киностудиям // iXBT Live : [сайт]. – 2026. – 10 апр. –

URL: <https://www.ixbt.com/live/movie/cifrovoe-voskreshenie-za-250-tysyach-kak-neyroseti-zamenyayut-umershiih-akterov-i-pochemu-eto-vygodno-kinostudiyam.html>

11. Цифровые копии людей оценили в сумму от нуля до почти 1 млрд долларов // Оху.Аз : [сайт]. – 2026. – 27 марта. – URL: <https://oxu.az/ru/v-mire/cifrovye-kopii-lyudej-ocenili-v-summu-ot-nulya-do-pochti-1-mlrd-dollarov>

12. Actors union and studios seal deal amid growing AI concerns // The Week : [сайт]. – 2026. – 6 мая. – URL: <https://www.theweek.in/news/entertainment/2026/05/06/actors-union-and-studios-seal-deal-amid-growing-ai-concerns.html>

13. How to estimate pricing (training compute) for a custom tts avatar? // Microsoft Q&A : [сайт]. – 2026. – 17 апр. – URL: [https://learn.microsoft.com/en-au/answers/questions/5861993/how-to-estimate-pricing-\(training-compute\)-for-a-c](https://learn.microsoft.com/en-au/answers/questions/5861993/how-to-estimate-pricing-(training-compute)-for-a-c)

14. Zelenskaya E., Shakina E. A. Efficiency of performing arts: evidence from data envelopment analysis for Russian theaters // The Journal of Arts Management, Law, and Society. – 2023. – Vol. 53. – P. 273–290.

15. Actor Salary in Russian Federation // SalaryExpert : [сайт]. – 2026. – URL: <https://www.salaryexpert.com/salary/job/actor/russian-federation>

UDC 796.01

Lu Bingqian. Improving the physical training of sports dance coaches in China in modern conditions

Совершенствование физической подготовки тренеров в КНР по спортивным танцам в современных условиях

Lu Bingqian,

Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow

Лу Бинцянь,

Московский государственный университет спорта и туризма, г. Москва

Abstract. *The purpose of this study is to provide a theoretical justification for improving the physical training of sports dance coaches in China in modern conditions. It is established that the existing system of physical training of coaches in China reveals a number of structural contradictions between the increased requirements of competitive practice and traditional educational models. The key components of physical training of a specialist coach are identified, and the principles of its improvement are determined, taking into account the specifics of the Chinese sports education system. The author concludes that it is necessary to integrate functional training, methods of developing special endurance and means of choreographic training into a single pedagogical system.*

Keywords: *sports dances, physical training of the coach, PRC, professional competence, functional training, special endurance, dance sport.*

Аннотация. *Цель настоящего исследования состоит в теоретическом обосновании направлений совершенствования физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР в современных условиях. Установлено, что существующая система физической подготовки тренеров в КНР обнаруживает ряд структурных противоречий между возросшими требованиями соревновательной практики и традиционными образовательными моделями. Выявлены ключевые компоненты физической подготовки тренера-специалиста, определены принципы её совершенствования с учётом специфики китайской системы спортивного образования. Автором сделан вывод о необходимости интеграции функционального тренинга, методов развития специальной выносливости и средств хореографической подготовки в единую педагогическую систему.*

Ключевые слова: *спортивные танцы, физическая подготовка тренера, КНР, профессиональная компетентность, функциональный тренинг, специальная выносливость, танцевальный спорт.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

Развитие спортивных танцев в Китайской Народной Республике за последние 2 десятилетия приобрело поистине масштабный характер. По данным Китайской федерации спортивных танцев, по состоянию на 2024 год в стране насчитывается более 12 000 зарегистрированных клубов и секций по данному виду спорта, а общее число занимающихся превышает 15 миллионов человек. Подобный количественный рост неизбежно порождает острую потребность в высококвалифицированных тренерских кадрах, способных не только передавать техническое мастерство, но и обеспечивать грамотное физическое развитие спортсменов на всех этапах многолетней подготовки.

Вместе с тем, существующая система профессиональной подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР, по мнению ряда исследователей, не в полной мере отвечает современным требованиям соревновательной практики, прежде всего в части физической составляющей тренерской компетентности. [1]

Несмотря на достаточно обширную исследовательскую базу, вопрос совершенствования именно физической подготовки тренеров (а не спортсменов) по спортивным танцам в КНР остаётся, по существу, слабо разработанным. Большинство существующих работ различных китайских исследователей, сосредоточено либо на подготовке спортсменов, либо на общих вопросах педагогики танца, оставляя в стороне специфические физические требования, предъявляемые к тренерскому составу.

Цель исследования – теоретически обосновать и систематизировать направления совершенствования физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР в современных условиях.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором впервые предпринята попытка комплексного теоретического анализа физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР как самостоятельного объекта педагогического исследования. Кроме того, автором разработана структурно-функциональная модель физической подготовленности тренера-специалиста применительно к условиям китайской системы спортивного образования.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении автором научных представлений о содержании профессиональной компетентности тренера по спортивным танцам и систематизации педагогических подходов к её формированию. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных автором теоретических положений при разработке учебных программ профессиональной подготовки тренеров по спортивным танцам в вузах КНР, а также при совершенствовании содержания курсов повышения квалификации тренерских кадров.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили: нормативно-правовые документы в области физической культуры и спорта КНР, включая Национальную программу физической подготовки населения на период 2021–2025 гг. и Концепцию «Здоровый Китай – 2030»; учебно-методические пособия по подготовке педагогов-хореографов, изданные в России и КНР. Так же автором были исследованы научные публикации в рецензируемых журналах РИНЦ и ВАК. [2]

Методология исследования строилась на принципах системного подхода, компетентностного подхода и деятельностного подхода. При написании статьи,

автором применялись следующие методы научного познания: теоретический анализ и синтез, сравнительно-педагогический анализ, метод теоретического моделирования, обобщение и систематизация.

Результаты и обсуждение

Современное состояние системы физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР. Необходимо прежде всего констатировать, что спортивные танцы (танцевальный спорт) вошли в программу высшего физкультурного образования Китая сравнительно недавно – в конце 1990-х годов. К 2024 году, по данным Министерства образования КНР, специализацию «спортивные танцы» в рамках направлений «Физическая культура» и «Хореографическое искусство» предлагают более 180 вузов страны.

Подготовка тренеров осуществляется преимущественно на базе факультетов физического воспитания, однако содержание образовательных программ существенно варьируется от вуза к вузу. Это порождает значительную неоднородность уровня физической подготовленности выпускников. [3]

Анализ учебных планов ведущих китайских вузов, осуществляющих подготовку специалистов в области спортивных танцев, позволил выявить характерную структуру физической подготовки будущих тренеров (таблица 1).

Таблица 1.

Структура физической подготовки в программах подготовки тренеров по спортивным танцам в вузах КНР (анализ типовых учебных планов)

Компонент физической подготовки / Доля в учебном плане (%)	Основные средства	Ключевые физические качества
Общая физическая подготовка (ОФП). Доля в учебном плане – 18%.	Бег, плавание, гимнастика, силовые упражнения	Общая выносливость, сила
Специальная физическая подготовка (СФП). Доля в учебном плане – 24%.	Хореографический тренинг, партерная гимнастика, упражнения на равновесие	Координация, гибкость, ловкость
Функциональный тренинг. Доля в учебном плане – 12%.	Стабилизационные упражнения, TRX, пилатес	Сила кора, постуральный контроль
Хореографическая подготовка. Доля в учебном плане – 31%.	Классический танец, народный танец, современный танец	Пластичность, ритmicность, выразительность
Теоретические дисциплины (физиология, биомеханика). Доля в учебном плане – 15%.	Лекции, семинары, практикумы	Теоретическая база

Как видно из таблицы 1, хореографическая подготовка занимает наибольшую долю учебного времени (31%), тогда как функциональный тренинг, несмотря на его

признанную эффективность, представлен весьма скромно – лишь 12%. Это, по всей видимости, отражает традиционный крен китайской системы подготовки в сторону художественно-эстетического компонента в ущерб физиологически обоснованному развитию двигательных качеств.

Принципиально важно разграничить физическую подготовку спортсмена и тренера. Если для спортсмена физическая подготовленность является непосредственным инструментом достижения соревновательного результата, то для тренера она выполняет иные, не менее значимые функции: [4]

– тренер должен быть способен демонстрировать двигательные образцы. Тренер должен не просто показывать движение, а воспроизводить его с достаточной точностью и выразительностью. Это требует поддержания собственного двигательного потенциала на достаточно высоком уровне;

– тренер обязан выдерживать значительные физические нагрузки в ходе учебно-тренировочных занятий, продолжительность которых в профессиональных клубах КНР нередко достигает 6–8 часов в день;

– физически подготовленный тренер обладает более развитой кинестетической чувствительностью, что позволяет ему точнее диагностировать двигательные ошибки учеников.

Опираясь на концепцию «двойной компетенции» С.В. Шанкиной и результаты анализа современных исследований в области физической подготовки танцоров [5], можно выделить 5 ключевых компонентов физической подготовленности тренера по спортивным танцам (таблица 2). [6]

Таблица 2.

Компоненты физической подготовленности тренера по спортивным танцам и их содержание

Компонент / Значимость для тренерской деятельности (по 5-балльной шкале)	Содержание	Преобладающие методы развития
Специальная выносливость. 5,0	Способность поддерживать высокую интенсивность двигательной активности на протяжении всего тренировочного занятия	Интервальные нагрузки, аэробный тренинг
Координационные способности. 4,8	Точность воспроизведения сложных двигательных структур, ритмическая точность, вестибулярная устойчивость	Хореографический тренинг, упражнения на равновесие
Гибкость и подвижность суставов. 4,6	Амплитуда движений в суставах, необходимая для демонстрации технических элементов	Стретчинг, пилатес, партерная гимнастика

Компонент / Значимость для тренерской деятельности (по 5-балльной шкале)	Содержание	Преобладающие методы развития
Силовые качества (преимущественно силовая выносливость). 4,3	Способность выполнять силовые элементы (поддержки, вращения) без снижения качества	Функциональный тренинг, упражнения с отягощениями
Постуральный контроль и стабильность кора. 4,7	Способность поддерживать правильное положение тела в пространстве, устойчивость позвоночника	TRX, пилатес, стабилизационные упражнения

Следует подчеркнуть, что специальная выносливость получила наивысший балл значимости (5,0). Это объясняется тем, что тренер по спортивным танцам в условиях КНР работает, как правило, с несколькими группами в течение дня, при этом постоянно находясь в движении – показывая элементы, корректируя позиции партнёров, двигаясь вместе с учениками под музыку. По существу, его двигательная активность в течение рабочего дня сопоставима с нагрузкой профессионального спортсмена. Данное обстоятельство кардинально отличает тренера по спортивным танцам от тренеров в большинстве других видов спорта, где демонстрация движений занимает значительно меньшую долю рабочего времени. [7]

Анализ существующих образовательных программ и научной литературы позволил выявить ряд системных противоречий в подготовке тренеров по спортивным танцам в КНР:

1. «Первое противоречие». Между художественно-эстетической направленностью традиционных программ и объективной потребностью в физиологически обоснованном развитии двигательных качеств;
2. «Второе противоречие. Между академическим характером вузовской подготовки и реальными требованиями профессиональной практики;
3. «Третье противоречие». Между общедоступностью современных методов функционального тренинга и их недостаточным внедрением в образовательные программы;
4. «Четвёртое противоречие». Между высоким уровнем физических требований к тренеру в практической деятельности и отсутствием стандартизированных критериев физической подготовленности в квалификационных требованиях.

Преодоление указанных противоречий требует системного пересмотра подходов к физической подготовке тренеров. Исследования в области функционального тренинга в спортивных танцах убедительно демонстрируют, что целенаправленное развитие

стабилизационных функций мышечного корсета позволяет существенно повысить качество исполнения технических элементов и снизить риск травматизма.

Применение метода deliberate practice («намеренной практики») в подготовке китайских латиноамериканских танцоров показало статистически значимое улучшение показателей специальной физической подготовленности. [8]

На основе проведённого теоретического анализа представляется возможным сформулировать систему принципов совершенствования физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР.

Таблица 3.

Принципы совершенствования физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР

Принцип	Содержание
Профессиональной направленности	Содержание физической подготовки тренера должно определяться спецификой его профессиональных функций, а не копировать программы подготовки спортсменов.
Интегративности	Требует органичного сочетания средств ОФП, СФП, функционального тренинга и хореографической подготовки в единой педагогической системе.
Непрерывности	Предусматривает поддержание достигнутого уровня физической подготовленности на протяжении всей профессиональной карьеры тренера (разработан С.В. Шанкиной).
Индивидуализации	Учитывает возрастные, гендерные и функциональные особенности конкретного тренера при планировании физических нагрузок.
Научного обоснования	Требует опоры на актуальные данные спортивной физиологии, биомеханики и педагогики при разработке программ физической подготовки.

Реализация данных принципов предполагает конкретные организационно-педагогические меры. В частности, в учебные планы вузов, готовящих тренеров по спортивным танцам, целесообразно включить специализированный курс «Физическая подготовка тренера-хореографа» объёмом не менее 144 академических часов.

Содержание курса должно включать

- теоретический раздел (основы физиологии труда тренера, принципы планирования физических нагрузок;
- профилактика профессиональных заболеваний опорно-двигательного аппарата);
- практический раздел (функциональный тренинг, специальная выносливость, восстановительные методы).

Теоретическая модель физической подготовки тренера по спортивным танцам. Обобщение результатов теоретического анализа позволяет предложить структурно-функциональную модель физической подготовки тренера по спортивным танцам в КНР, включающую 3 взаимосвязанных блока (таблица 4).

Таблица 4.

Структурно-функциональная модель физической подготовки тренера по спортивным танцам в КНР

Блок модели / Цель блока	Основные средства и методы	Ожидаемые результаты	Критерии оценки
Блок 1. Базовая физическая подготовка. Цель блока: Формирование общего физического фундамента профессиональной деятельности	Аэробный тренинг (бег, плавание, велосипед), силовые упражнения с умеренными отягощениями, общеразвивающие упражнения	Достаточный уровень общей выносливости, силы, быстроты	Нормативы ОФП для педагогов физической культуры КНР
Блок 2. Специальная профессиональная физическая подготовка. Цель блока: Развитие физических качеств, специфичных для тренерской деятельности в спортивных танцах	Хореографический тренинг, партерная гимнастика, ритмические упражнения, упражнения на равновесие, тренинг вестибулярного аппарата	Высокий уровень координации, гибкости, специальной выносливости, постурального контроля	Профессиональные стандарты WDSF для тренеров категории «А»
Блок 3. Функциональный и восстановительный тренинг. Цель блока: Обеспечение долгосрочной профессиональной дееспособности, профилактика травматизма и профессиональных заболеваний.	Пилатес, TRX, стабилизационные упражнения, миофасциальный релиз, стретчинг, дыхательные практики	Стабильность кора, профилактика заболеваний позвоночника, быстрое восстановление после нагрузок	Функциональные тесты FMS (Functional Movement Screen)

Предложенная автором модель принципиально отличается от традиционных подходов, принятых в китайских вузах, прежде всего наличием самостоятельного блока функционального и восстановительного тренинга.

Исследования показывают, что у тренеров по спортивным танцам с большим стажем профессиональной деятельности (более 10 лет) в 67–73% случаев выявляются те или иные патологии опорно-двигательного аппарата, прежде всего связанные с поясничным отделом позвоночника и суставами нижних конечностей.

Целенаправленная профилактическая работа, включённая в систему физической подготовки тренера, способна существенно снизить данные показатели.

Выводы

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Прежде всего, было установлено, что существующая система физической подготовки тренеров по спортивным танцам в КНР характеризуется рядом структурных противоречий. Главным протворечием, является несоответствие между художественно-эстетической направленностью образовательных программ и реальными физическими требованиями профессиональной тренерской деятельности.

Установлено, что физическая подготовленность тренера по спортивным танцам представляет собой самостоятельную профессиональную компетенцию, структура которой включает 5 взаимосвязанных компонентов:

- специальную выносливость;
- координационные способности;
- гибкость и подвижность суставов;
- силовые качества;
- поструральный контроль.

Совершенствование физической подготовки тренеров должно строиться на системе принципов, включающей принципы: профессиональной направленности, интегративности, непрерывности, индивидуализации и научного обоснования.

Таким образом, разработанная автором настоящего исследования структурно-функциональная модель физической подготовки тренера по спортивным танцам, включающая блоки базовой, специальной профессиональной и функционально-восстановительной подготовки, создаёт теоретическую основу для реформирования образовательных программ в вузах КНР.

References

1. Мордвинцев, А. А. Система движений и действий в танцевальном спорте / А. А. Мордвинцев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 1-1(52). – С. 136-140.
2. Хуан Ченьчень, Добротворская С.Г. Формирование профессиональных навыков студентов – будущих учителей хореографии на примере китайской школы танца: учебнометодическое пособие / Хуан Ченьчень, С.Г. Добротворская. – Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. – 37 с.

3. Физическая культура и спорт в Китайской Народной Республике: коллективная монография / Т.В. Долматова, Е.В. Кузнецова, Е.С. Акиншев, Г.А. Слуцкий; под общ. ред. Т.В. Долматовой; ФГБУ ФНЦ ВНИИФК. – М., 2023. – 248 с.
4. Рапопорт, Л. А. К вопросу организации обучения танцевальным движениям в спортивных танцах / Л. А. Рапопорт, Д. Р. Веленгурский // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2022. – № 9. – С. 106-111.
5. Шанкина С.В. Теория и методология формирования системы непрерывной профессиональной подготовки специалистов спортивных бальных танцев: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / С.В. Шанкина. – Тамбов: ТГТУ, 2011. – 418 с.
6. Application of Functional Training in Sports Dance Training // PMC (PubMed Central) [Электронный ресурс]. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9441389/> (дата обращения: 06.05.2026).
7. Кузовникова, Т. Б. Воспитательные функции бальной хореографии и танцевального спорта / Т. Б. Кузовникова, Е. В. Багирова // Культура и образование. – 2025. – № 2(57). – С. 154-166.
8. Ронь, И. Н. Структура и особенности физической подготовки спортсменов танцевального спорта на тренировочном этапе / И. Н. Ронь, Д. В. Ястребов, А. С. Гарбузова // Перспективы науки. – 2021. – № 10(145). – С. 133-136.

UDC 72

Mironchuk E.V., Grebennikova V.A., Kondrashova E.A., Mironchuk Y.E. The phenomenon of soviet constructivism

Феномен советского конструктивизма

Mironchuk Elena Valentinovna,

Senior Lecturer, Faculty of Fine Arts and Folk Crafts,
Federal State Educational Institution of Higher Education
"State University of, Education" Moscow

Grebennikova Victoria Andreevna,

student of the Faculty of Fine Arts and Folk Crafts,,
Federal State Educational Institution of Higher Education
"State University of, Education" Moscow,

Kondrashova Evgeniya Alexandrovna,

student of the Faculty of Fine Arts and Folk Crafts,,
Federal State Educational Institution of Higher Education
"State University of, Education" Moscow,

Mironchuk Yuri Eduardovich,

doctor of polyclinic No. 59
State Budgetary Healthcare Institution DSP No. 59
of the Moscow Department of Health
Мирончук Елена Валентиновна,
старший преподаватель
факультета изобразительного искусства и народных ремёсел,
ФГАОУ ВО "Государственный Университет Просвещения",
город Москва
Гребенникова Виктория Андреевна,
студент факультета изобразительного искусства и народных ремёсел,
ФГАОУ ВО "Государственный Университет Просвещения",
город Москва
Кондрашова Евгения Александровна,
студент факультета изобразительного искусства и народных ремёсел,
ФГАОУ ВО "Государственный Университет Просвещения",
город Москва
Мирончук Юрий Эдуардович,
врач поликлиники № 59
ГБУЗ ДСП № 59 Департамента здравоохранения г. Москвы

Abstract. This article analyzes the phenomenon of Soviet constructivism, tracing its evolution from the 1920s to the monumentalism of the Stalin era. Three phenomena are highlighted: the theoretical platform of constructivism, the ensemble of the Exhibition of Achievements of National Economy (VDNKh), and the art of book and poster design. The article examines the origins and fundamental principles of constructivism (geometricity, laconism, functionality), its influence on book design and posters, including the use of photomontage and new typographic solutions. An overview of the transformation of book and poster art is provided – from constructivist experiments to the academic rigor of the 1950s. The VDNKh ensemble is characterized as a reflection of changing design and architectural approaches: from pre-war solutions to the Stalinist

classicism of the 1950s. The conclusion emphasizes that Soviet constructivism formed a holistic artistic system that influenced global design culture, and that its principles became the foundation of the national school of architecture and design.

Keywords: *constructivism, industrial art, geometry, Stalinist classicism, style, architecture, book design, poster, photomontage, synthesis of arts.*

Аннотация. *В данной статье авторами анализируется феномен советского конструктивизма, и прослеживается его эволюция от 1920-х годов до монументализма сталинской эпохи. В фокусе три явления: теоретическая платформа конструктивизма, ансамбль Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) и искусство оформления книги и плаката. Рассматриваются истоки и основные принципы конструктивизма (геометризм, лаконичность, функциональность), его влияние на книжное оформление и плакат - в т.ч. применение фотомонтажа и новых типографских решений. Дается обзор трансформации книжного и плакатного искусства – от экспериментов конструктивизма к академической строгости 1950-х годов. Характеризуется ансамбль ВДНХ как отражение смены дизайнерских и архитектурных подходов: от довоенных решений к сталинскому классицизму 1950-х годов. В заключении подчёркивается, что советский конструктивизм сформировал целостную художественную систему, повлиявшую на мировую проектную культуру, а принципы конструктивизма стали фундаментом отечественной школы архитектуры и дизайна.*

Ключевые слова: *конструктивизм, производственное искусство, геометрия, сталинский классицизм, стиль, архитектура, книжное оформление, плакат, фотомонтаж, синтез искусств.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

Советский конструктивизм представляет собой уникальное явление в мировой художественной культуре, сформировавшееся под влиянием кардинальных социально-политических преобразований после Октябрьской революции 1917 года. В своём развитии он прошел сложную эволюцию – от радикальных формальных экспериментов 1920-х годов до монументализма сталинской эпохи. Настоящая статья посвящена анализу трёх ключевых моментов советского конструктивизма: теоретической платформе конструктивизма, архитектурно-дизайнерскому ансамблю Выставки достижений народного хозяйства (далее ВДНХ) и искусству оформления книги и плаката. Рассмотрение этих явлений в их взаимосвязи позволяет проследить трансформацию художественных принципов и идеологических установок, определявших развитие отечественного конструктивизма на протяжении нескольких десятилетий.

Актуальность темы обусловлена не только возросшим в последние годы интересом к советскому культурному наследию, но и необходимостью осмысления теоретических оснований и практических достижений отечественной школы архитектуры и дизайна во многом определивших пути развития мирового художественного конструирования, который стремился преобразовать советскую материальную среду посредством решения реальных повседневных задач [1 – 9].

Как известно из литературных источников [10], конструктивизм (от лат. *constructio*, что означает «конструкция») возник в Советском Союзе (СССР) как художественное направление, подчеркивающее роль конструкции, а не композиции, как основы художественного выражения, основное правило которого было – форма отражает функцию. Движение сформировалось под влиянием работы «Конструктивистской рабочей группы», основанной в 1921 году. В её состав входили Б. Арватов, О. Брик, А. Ган, К. Иогансен, А. Родченко, братья Стенберги, В. Степанова, К. Медунецкий и другие.

Название группы отражало важный этап художественных поисков русского конструктивизма, в ходе которого создавались абстрактные композиции с преобладанием структурных, геометрических принципов, известных как «конструкции».

С конструктивизмом тесно связано явление «производственного искусства», теоретическая концепция которого окончательно сложилась в 1922-1924 годах в статьях Б. Арватова, О. Брика, Б. Кушнера, Н. Тарабукина. Эта концепция подчеркивала необходимость интеграции искусства с материальным производством и отказ от традиционной станковой живописи в пользу создания утилитарных предметов, которые бы организовывали новую материальную среду социалистической жизни. Как отмечается в исследовании, члены УНОВИС и ИНХУК демонстрировали резко агрессивное отношение к традиционному искусству прошлого и продвигали «коллективное творчество в духе коммунизма».

Согласно литературным источникам [10, 11], в развитии конструктивизма можно выделить три основных периода:

1. Первый период (1919-1921 гг.) - возникновение стиля, связанное с деятельностью УНОВИСа в Витебске (К. Малевич, Э. Лисицкий, М. Шагал,) и первыми экспериментами в области объемных конструкций.
2. Второй период (1922-1924 гг.) - ранний конструктивизм, время теоретического оформления концепции и поиска областей практического применения. В этот период активно работали Л. Попова, А. Родченко, В. Степанова, создававшие проекты в области дизайна одежды, ткани, мебели.
3. Третий период (середина 1920-х гг.) - классический конструктивизм, когда окончательно складывается методика проектирования не отдельных предметов, а комплектов оборудования и многофункциональных трансформирующихся объектов.

Следует выделить, основные принципы конструктивизма: ясность геометрических форм, сдержанность и целостность, которые преподносились как часть идеологии нового времени. Практичность неразрывно связывалась с эстетикой.

Ярким примером воплощения конструктивистских принципов является проект «Рабочего клуба» Александра Родченко, представленный на Всемирной выставке 1925 года. По замыслу автора, клуб должен был стать центром агитации и просвещения, где большинство предметов были подвижными и могли изменять свою форму в зависимости от потребностей посетителей. Красно-чёрный шахматный столик с вращающейся столешницей и встроенными ящиками стал материальным выражением идей конструктивизма.

Значительный интерес для нашего исследования, представляет упомянутая выше, Международная выставка декоративных искусств и художественной промышленности прошедшая в Париже в 1925 году, которая стала триумфом советского конструктивизма, представив его как единую систему художественных приемов в архитектуре, дизайне мебели, интерьере, текстиле и одежде. В 1924-1925 годах была основана творческая организация конструктивистов ОСА (Объединение современных архитекторов), разработавшая функциональный метод проектирования, основанный на научном анализе особенностей функционирования предметов и пространств.

Учитывая то, что конструктивизм тесно связан с архитектурой, мы считаем необходимым, в нашем исследовании обратиться к советскому архитектурному наследию, а именно к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке ВСХВ открывшейся в 1923 году, впоследствии переименованной в ВДНХ.

Как известно, ВДНХ представляет собой уникальный ансамбль, в котором нашли отражение эволюция советского дизайна и архитектуры от довоенного периода до 1950-х годов. Комплекс ВСХВ (ВДНХ) служил не только символом советской власти, но и методическим центром по обмену опытом, что выделяло его среди западных коммерческих художественно-промышленных выставок [12].

Для довоенного периода (1930-е - 1940-е гг.) характерно большое разнообразие композиционных решений. Ярким примером конструктивизма был павильон «Махорка» спроектированный архитектором К. Мельниковым. Здесь движение посетителей по задумке архитектора, осуществлялось по вертикали, как и само расположение сдвинутых от основной оси застекленных помещений павильона. Второй пример – рифленые фасады павильона «Советская Арктика» (1939 г., архитекторы Г. Глушенко и Б. Виленский) и ступенчатый купол павильона «Главмясо» (1939 г., архитектор Ф. Белостоцкая). После реконструкции 1954 года ансамбль приобрел черты сталинского ампира, где все элементы сводились к единому стилю «дворца с колоннами». Архитекторы сочетали классические формы с декором, заимствованным из различных народных традиций. Этот стиль отражал культурную модель, в которой элементы народного искусства интегрировались в классическое наследие.

Дизайн интерьеров выставочных павильонов также заслуживает особого внимания, так как он демонстрировал уникальный синтез искусств. Произведения искусства, такие как живописные панно, рельефы и скульптуры, здесь пребывали в гармонии с реальными продуктами сельскохозяйственной деятельности, фотографиями, текстами и наглядными материалами.

Характерным примером служит интерьер павильона «Кролиководство» (1952-1954, архитекторы В. Телятников и А. Зайцев). В центре павильона была установлена пирамидальная конструкция, украшенная гипсовыми скульптурами и рельефами авторства В. Ватагина. На вершине находилось скульптурное изображение крольчихи-рекордсменки, а основанием композиции служила холодильная установка с витринами продукции. На вершине этой композиции находилось скульптурное изображение рекордной крольчихи, а в основании располагалась холодильная установка с витринами, демонстрирующими продукцию. Эта композиция наглядно иллюстрирует полное подчинение искусства задачам демонстрации народно-хозяйственных достижений и его неотделимость от них

Необходимо также отметить, что влияние конструктивизма провилось и в печатной графике, книжном искусстве и плакатах, где конструктивизм проявлялся через минималистичные геометрические формы, динамичные компоновки и ограниченную цветовую палитру (в основном красный и черный цвета), а также через активное использование фотографии и наборных типографских элементов. Кроме того, новый подход к оформлению книги характеризовался отказом от традиционной иллюстративности в пользу конструктивной организации всех элементов печатного издания. Наборные элементы, шрифт, фотомонтаж стали равноценными участниками создания целостного визуального образа [13 - 17].

Значимость данного явления отмечена в деятельности типографов, революционная деятельность которых нашла отражение в книгах, спроектированных Эль Лисицким в 1920-е годы, а также в обложках и плакатах Александра Родченко. Ключевым событием, в данном направлении, стало сотрудничество В. Маяковского и А. Родченко, которые в 1923-1925 годах создали серию рекламных плакатов для государственных предприятий (Резинотрест, Моссельпром, ГУМ). Это сотрудничество положило начало конструктивистскому плакату. Как писал Родченко: «Мы полностью завоевали Москву и полностью сдвинули, или, вернее, переменили старый царски-буржуазно-западный стиль рекламы на новый, советский» [18].

Характерной чертой нового направления стала серийность плакатов и использование фиксированных рекламных фраз, таких как «Нигде, кроме, как в Моссельпроме!». Также активно применялись графические и знаковые элементы,

восклицательные знаки и стрелки. В. Маяковский одним из первых начал использовать юмор и неологизмы в рекламных плакатах.

Кроме того, плакат в советское время был одним из самых распространенных приемов агитации и пропаганды. В этом жанре работали выдающиеся художники: Д. Моор, А. Дейнека, Кукрыниксы, В. Лебедев и многие другие. Особое место занимают «Окна РОСТА» (1919 г.), представлявшие собой огромные листы с рисунками и стихотворными текстами, создававшиеся В. Маяковским и другими художниками в лубочно-частушечной манере.

Именно 1924-1925 годы считаются временем рождения конструктивистского плаката. В этот период советские художники подняли этот жанр до уровня высокого искусства, создав плакат новой «конструкции», который не только информировал и агитировал, но и «революционно перестраивал» сознание советских граждан художественными средствами, свободными от излишеств традиционной описательности.

Необходимо отметить, что важным конструктивным методом, стало внедрение фотомонтажа как художественного средства полиграфического издания. Документальность фотографии позволяла передать картину реальной жизни, показать успехи в развитии промышленности и социальной сферы советской России, сопоставить ее прошлое и настоящее.

Одним из ярких примеров является издание поэмы В. Маяковского «Про это» (1923 г.), оформленное фотомонтажами А. Родченко. В процессе создания эскизов художник фотографировал себя или свою жену, интегрируя эти изображения в четкую геометрическую композицию. Каждый мастер фотомонтажа использовал свои уникальные приемы: Лисицкий объединял несколько образов в один сложный, Клуцис создавал особую пространственную структуру, а Родченко стремился к ассоциативности и парадоксальности [19].

При этом, уже в 1930-е годы конструктивизм в СССР оказался под давлением, уступив место помпезному сталинскому классицизму. Одним из выдающихся теоретиков и практиков книжного оформления на рубеже 1920-1930-х годов был Л.И. Гессен, который в своих работах акцентировал внимание на строгом научном подходе и достижениях новой типографики, однако призывал к более сдержанному, «классическому» стилю.

Важное место в истории советской книги занимает издательство «Academia», основанное в Петербурге в конце 1921 года. Художники этого издательства не только создавали иллюстрации, но и разрабатывали орнаменты, титульные листы, оформляли переплеты и суперобложки. Стиль издательства отличался от конструктивистских

экспериментов и представлял собой дорогие издания в классическом духе, которые завоевывали награды на международных выставках и пользовались признанием библиофилов.

Заключение

На основании вышеизложенного, можно заключить, что феномен советского конструктивизма охватил различные направления советского дизайна и архитектуры. Проведенное нами исследование в этой статье, позволяет нам утверждать, что базовые принципы конструктивизма –функциональность, связь с производством – стали фундаментом отечественной школы дизайна. Эксперименты К. Мельникова, Э. Лисицкого, А. Родченко, и других советских архитекторов и художников в области формообразования, их работа с новыми материалами и технологиями определили пути развития не только советского, но и мирового дизайна.

Таким образом, советский конструктивизм, несмотря на все идеологические трансформации, сформировал целостную художественную систему, оказавшую значительное влияние на мировую проектную культуру и сохранил актуальность для современных архитекторов и дизайнеров.

References

1. Бахлова, Н. А. Приемы трансформации формы в современном костюме / Н. А. Бахлова, О. А. Чеботаева, Н. С. Иванова // Проблемы теории и методологии предметного образования. Изобразительное искусство. Декоративно-прикладное искусство. Дизайн: Межвузовский сборник статей. Том №6. – М.: МГОУ, 2022. – С. 132-137
2. Ермилова, Д. Ю. Советский конструктивизм как творческая концепция в дизайне XX века / Д. Ю. Ермилова // Сервис plus. – 2017. – Т. 11, № 3. – С. 54-70.
3. Львова, И. А. Процесс преобразования геометрических форм в объекты средового проектирования / И.А. Львова, Н.С. Львова // Развитие креативности личности в современном цифровом мультикультурном пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Елец, 14.04.22 г. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2022. – С. 176-182.
4. Мирончук, Е. В. Значение дизайна в организации предметно-пространственной среды стационарного медицинского учреждения / Е. В. Мирончук, Р. Ю. Косухин, Ю. Э. Мирончук // Инновации в социокультурном пространстве: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 18 апреля 2024 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2024. – С. 111-117.

5. Ларионова, Н. Л. Инновационные материалы в дизайне интерьера / Н. Л. Ларионова, Е. В. Мирончук, К. А. Кондрашова // Искусство и дизайн в контексте развития современного гуманитарного образования: Сборник научных статей факультета ИЗО и НР. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Эдитус", 2024. – С. 148-155.
6. Мирончук, Е. В. Современные эргономические требования к организации офисного пространства: создание здоровой и продуктивной среды / Е. В. Мирончук, В. М. Двоеглазов, Д. Э. Мирончук // Талант и энергия молодых ученых как необходимый фактор современного развития художественно-педагогического образования: Сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции, Мытищи, 15 апреля 2025 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Эдитус", 2025. – С. 100-110.
7. Мирончук, Е. В. Экологические принципы в проектировании интерьерных пространств / Е. В. Мирончук, Ю. В. Урюпина, Д. Э. Мирончук // Инновации в социокультурном пространстве : Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 27 февраля 2025 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2025. – С. 84-87.
8. Мирончук, Е. В. Влияние современного дизайна на эффективность банковской сферы / Е. В. Мирончук, В. М. Двоеглазов, Ю. Э. Мирончук // International Journal of Professional Science. – 2025. – № 3-2. – С. 48-55.
9. Петрова, Е. С. Советский конструктивизм / Е.С. Петрова // Журнал института наследия. – 2019. – № 4(19). – С. 6 -11.
10. Рунге, В.Ф. История дизайна, науки и техники. Учеб.пособие. - М.: Архитектура-С, 2006. - 225 с.
11. Ковешникова, Н. А. История дизайна: учебное пособие / Н. А. Ковешникова; Н. А. Ковешникова. – 2-е изд., стер.. – М.: Изд-во Омега-Л, 2012. – 256 с.
12. Зиновьева, О.А. Восьмое чудо света. ВСХВ-ВДНХ-ВВЦ. Справочник. - М.: ЗАО "Издательство Центрполиграф", 2014. - 352 с.
13. Бархатова, Е. В. Конструктивизм в советском плакате: Soviet constructivist poster / Е.В. Бархатова. – М.: Контакт-Культура, 2005. – 34 с.
14. Лаврентьев, А. Н. История дизайна: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052400 Дизайн / А.Н. Лаврентьев; А. Н. Лаврентьев. – М.: Гардарики, 2008. – 303 с.
15. Монахова, Л. Д. Особенности цифровой иллюстрации в эпоху развития искусственного интеллекта / Л.Д. Монахова, А.В. Коробанов, Е.В. Киселева // Kant. – 2023. – № 2(47). – С. 350-355.

16. Санькова, А.Н. Бумажная революция: практический дизайн 1920-х годов / А.Н. Санькова // Революция в искусстве и новации в художественном образовании: Материалы Международной научной конференции памяти А.А. Дубровина, ректора МГХПА им. С.Г.Строганова в 1999–2007 годах, М.:, 24.11.17 г. – М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2017. – С. 216-219.

17. Мирончук, Е. В. Использование кейсового метода как продуктивной образовательной технологии в формировании компетенций студентов педагогического вуза / Е. В. Мирончук, Ю. Э. Мирончук, Л. Д. Монахова // Педагогика искусства: Проблемы, исследования, новые материалы: Материалы научно-практической конференции факультета изобразительного искусства и народных ремёсел, Мытищи, 14 февраля 2023 года. – Мытищи: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение ВО "Государственный университет просвещения", 2023. – С. 104-110.

18. Лаврентьев, А.Н. Ракурсы Родченко / А.Н. Лаврентьев. – М.: Искусство, 1992. – 222 с. :

19. Клуцис, Г. Фотомонтаж как новый вид агитационного искусства. Изофронт. Классовая борьба на фронте пространственных искусств. Сборник статей объединения «Октябрь» / под ред. П. И. Новицкого. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1931.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 377

Belousova E.V. The use of information and communication technologies in the educational process of vocational education for the development of students' cognitive abilities

Применение информационно-коммуникационных технологий
в учебном процессе СПО для развития когнитивных способностей студентов

Belousova Ekaterina Vasilievna

Teacher

GBPOU «Magnitogorsk Pedagogical College»

Magnitogorsk

Белоусова Екатерина Васильевна,

преподаватель

ГБПОУ «Магнитогорский педагогический колледж»

г. Магнитогорск

Abstract. *The article is devoted to the analysis of methodological aspects of integrating information and communication technologies (ICT) into the educational process of secondary vocational education in order to develop students' cognitive, cognitive-based, and professional competencies. Special attention is paid to the study of the advantages of digitalization of education, including increasing students' motivation, activating their cognitive activity, and developing their digital literacy. The article also discusses the issues of individualization of the educational process and the introduction of the latest educational resources and technologies, which are key factors in modernizing the system of vocational education.*

Keywords: *digitalization of education, integration of ICT, cognitive development, cognitive abilities, digital literacy, vocational education.*

Аннотация. *Статья посвящена анализу методических аспектов интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательный процесс СПО с целью развития когнитивных, познавательных и профессиональных компетенций студентов. Особое внимание уделяется исследованию преимуществ цифровизации образования, включая повышение мотивации учащихся, активизацию их познавательной деятельности и формирование цифровой грамотности. Рассматриваются вопросы индивидуализации образовательного процесса, внедрения новейших образовательных ресурсов и технологий, что является ключевым фактором модернизации системы профессионального образования.*

Ключевые слова: *цифровизация образования, интеграция ИКТ, когнитивное развитие, когнитивные способности, цифровая грамотность, профессиональное образование.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Цифровизация образовательного процесса является неотъемлемой частью трансформации системы профессионального образования, направленной на активное внедрение и использование ИКТ. Это способствует достижению образовательных

результатов, соответствующих современным требованиям рынка труда и общества, а также формированию ключевых компетенций, таких как самостоятельность, активность, креативность, критическое мышление и адаптивность в условиях цифровой трансформации. Значимую роль в этом играют когнитивные способности личности.

Когнитивные способности представляют собой сложную интегративную систему ментальных процессов и когнитивных навыков, обеспечивающих восприятие, обработку, хранение и использование информации для решения задач, принятия решений, адаптации к динамическим условиям окружающей среды, обучения и коммуникации. Эти способности являются фундаментальными для когнитивного функционирования и играют ключевую роль в повседневной жизнедеятельности человека.

Ключевые когнитивные способности включают:

1. Восприятие — это когнитивный процесс, направленный на интерпретацию сенсорной информации, поступающей от органов чувств (зрение, слух, осязание, вкус, обоняние), с целью формирования целостного восприятия внешнего мира. Восприятие является основой для всех последующих когнитивных процессов, так как оно обеспечивает первичную обработку сенсорных данных.

2. Внимание — это способность сосредотачиваться на определенных аспектах информации при одновременном подавлении влияния отвлекающих факторов.

3. Память — это когнитивная функция, включающая процессы кодирования, хранения, структурирования и воспроизведения информации.

4. Мышление — это процесс когнитивной обработки информации, направленный на генерацию новых идей, решение задач и принятие решений. Мышление включает логическое рассуждение, абстракцию и формирование сложных ментальных моделей, что позволяет человеку адаптироваться к новым условиям и решать нестандартные задачи.

5. Языковые способности — это комплекс навыков, связанных с речью, чтением, письмом и восприятием устной и письменной речи. Эти способности обеспечивают коммуникативные функции человека, позволяя ему обмениваться информацией, выражать мысли и чувства, а также участвовать в социальных взаимодействиях.

6. Навыки решения задач — это способность идентифицировать и применять эффективные стратегии для достижения поставленных целей или преодоления препятствий. Эти навыки включают креативность, гибкость мышления и способность оценивать альтернативные решения, что является важным аспектом когнитивного функционирования в сложных и динамичных условиях.

7. Когнитивная гибкость — это способность адаптироваться к изменениям, переключаться между задачами и находить нестандартные решения проблем. Этот аспект когнитивной пластичности является важным для эффективного функционирования в условиях неопределенности и динамичных изменений окружающей среды.

8. Метакогнитивные навыки — это способность осознавать и контролировать собственные когнитивные процессы, а также оценивать свои сильные и слабые стороны в когнитивной деятельности. Метакогнитивные навыки позволяют человеку эффективно управлять своим когнитивным ресурсом, оптимизировать обучение и решение задач, а также развивать свои когнитивные способности.

Интеграция ИКТ в учебный процесс колледжа способствует развитию коммуникативных навыков, когнитивных способностей и цифровой грамотности студентов. Одним из ключевых преимуществ использования компьютерных технологий является значительное повышение мотивации к обучению за счет визуализации учебного материала с помощью мультимедийных ресурсов, таких как интерактивные плакаты, эпитафии, презентации, фотографии и видеоролики. Это позволяет связать изучаемый материал с реальными жизненными ситуациями, делая процесс обучения более увлекательным и ориентированным на практическое применение знаний.

Использование интерактивных методов подачи учебного материала способствует переходу от традиционного пассивного усвоения знаний к активному и конструктивному процессу когнитивного развития. Студенты получают возможность воспринимать информацию нелинейно, самостоятельно моделировать процессы и явления, возвращаться к ключевым фрагментам, повторять виртуальные эксперименты и анализировать результаты. Это способствует формированию глубоких и устойчивых знаний, а также развитию аналитических способностей и критического мышления.

В условиях трансформации содержания и структуры современного профессионального образования особое значение приобретает развитие креативности студентов. ИКТ способствуют преодолению стереотипов, выработке инновационных подходов к решению профессиональных задач и более глубокому пониманию учебного материала. Это позволяет студентам эффективно адаптироваться к требованиям цифровой эпохи, развивать когнитивные способности и быть конкурентоспособными на рынке труда.

Эффективность применения информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе была отслежена на учащихся 3 курса ГБПОУ «Магнитогорский педагогический колледж» на занятиях по психологии методом наблюдения и тестирования обучающихся.

Было установлено, что интерактивные презентации на занятиях обеспечивают активное вовлечение студентов в процесс освоения нового материала, способствуя развитию их коммуникативных навыков и навыков публичного выступления. Используя различные педагогические стратегии, такие как запрос на формулировку понятий на основе представленного текста или поручение изложения отдельных вопросов одному или нескольким учащимся, можно способствовать развитию навыков работы в команде, аналитических способностей и критического мышления.

Практика показывает, что для сохранения интереса и мотивации студентов наиболее эффективным методом является итоговое закрепление знаний в форме тестирования. Оптимальная структура теста включает несколько вопросов, подчеркивающих ключевые моменты темы, что позволяет объективно оценить уровень усвоения материала, выявить пробелы в знаниях и скорректировать дальнейшую образовательную траекторию. Время выполнения теста составляет несколько минут, что обеспечивает быстрый и объективный контроль.

Таким образом, интеграция информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс колледжа является неотъемлемой частью повышения качества профессионального образования и развития когнитивных и познавательных способностей студентов. Это способствует достижению образовательных целей, соответствующих современным требованиям общества и вызовам времени, а также формированию у студентов ключевых компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации.

References

1. Алексеев С. А. Отношение студенческой молодежи к развитию и применению технологии искусственного интеллекта // Управление устойчивым развитием. – 2023 – № 4 – С. 73-77. URL: <https://elibrary.ru/CAQHQJ> DOI: https://doi.org/10.55421/2499992X_2023_4_73
2. Волкова, И. И., Уразова, С. Л., Писарева, М. Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75-81. DOI: 10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81.
3. Гафурова Н.В. Педагогическое применение мультимедиа средств [Текст]: учеб, пособие / Н.В. Гафурова, Е.Ю. Чурилова. — 2-е изд. перераб. и доп. — Красноярск:Сиб.федер.ун-т, 2015.
4. Жукова, Н. М. Роль компетентностно-ориентированных задач как интегративных дидактических единиц формирования профессиональных компетенций /

Н. М. Жукова, П. Ф. Кубрушко, М. В. Шингарева // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2016. – № 1. – С. 51–55.

5. Зеер Э. Ф., Церковникова Н. Г., Третьякова В. С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. – 2021 – Т. 23, № 6 –С. 153-184. URL: <https://www.elibrary.ru/NDPSAT> DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-153-184>

6. Кургинян С. С., Осаволук Е. Ю. Опросник когнитивной флексибельности (СЕ/): адаптация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. – 2018 – Т. 39, № 2 – С. 105-119. URL: <https://elibrary.ru/TEUMEF> DOI: <https://doi.org/10.7868/S0205959218020101>

7. Немов, Р. С. Общая психология. Познавательные процессы и психические состояния : учебник и практикум для вузов / Р. С. Немов. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 1271 с.

8. Сапа, А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24-30

9. Трайнев, В.А. Новые информационные коммуникационные технологии в образовании / В.А.Трайнев, В.Ю.Теплышев, И.В.Трайнев: Ун-т информатизации и управления. – М.: Дашков и КО, 2017.

10. Трофимов, Е. Н. Профессиональное образование: современные подходы и перспективы развития : монография / Е. Н. Трофимов [и др.]. – М. : Литературное агентство «Университетская книга», 2019. – 188 с.

UDC 37.091

Borisova D.S., Karsanaeva I.N. The implementation of native language learning in schools of the Sakha Republic (Yakutia): students' evaluation and perception

Borisova Diana Semenovna

Postgraduate student
Faculty of Education, Beijing Normal University
Beijing, China

Karsanaeva Irina Nikolaevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Instructor,
the Department of Foreign Languages №2,
The Presidential Academy (RANEPA), Moscow,
Russian Federation.

***Abstract.** The article provides a comprehensive analysis of the problem associated with integrating the native language into the educational system of the Sakha Republic (Yakutia), based on data from a student survey. According to the Federal State Educational Standard, teaching the native language can take up to 25 % of all lesson hours. However, in practice, the actual language skills and cultural understanding achieved by students are well below the expected standards. The present circumstances emphasize the critical need to systematically identify barriers and develop evidence-based approaches to overcome them. The empirical basis of the study comprised an analysis of scientific and methodological literature and data from an anonymous online survey conducted among students of "national classes" in the Sakha Republic (Yakutia), where instruction is primarily delivered in the native language and includes regional academic subjects. The total sample comprised 122 (n=122) students from grades 5-9 across nine schools in eight districts of the Sakha Republic (Yakutia). According to the survey results, 70–86 % of respondents note support for the native language from the school, and 85 % of students consider it important for their lives. At the same time, the survey analysis has identified interrelated issues hindering the full integration of the native language into the educational process: the 44% of students reported that teachers instruct in the native language during the classes, which is not enough for language acquisition and maintaining and 47% find native language-related homework difficult for accomplishment, which reveals that there is not deep integration to native language that would help more students to acquire it better. Besides, students perceive the temporal contraction of native language, where the majority of students noting the diminishing trend in secondary school. The obtained results emphasise the need to improve the mechanisms for integrating the native language, with a focus on increasing the regularity of language practice, enhancing the methodological base, and maintaining the instructional workload at an appropriate level.*

***Keywords:** native language, regional curriculum subjects, indigenous language classes, national culture.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Introduction. The United Nations General Assembly has declared 2022 - 2032 the International Decade of Indigenous Languages. Its goal is to raise public awareness of the threat of extinction facing such languages and to mobilize resources for their preservation. Researchers note that globalization and the associated social changes have accelerated this process over the past century [4; 5].

Languages that are not used by all segments of society are particularly vulnerable — this is common in multilingual countries. The languages and cultures of indigenous peoples in

the Arctic and sub-Arctic regions are especially at risk, as they are affected by urbanization, migration, industrial development of territories, environmental changes, and the spread of information and communication technologies [1, p. 29; 2; 7].

Numerous studies demonstrate how much student learning is enhanced when native knowledge and ways of knowing are integrated into school curricula and pedagogy. Implementing native knowledge in educational contexts could serve as a key tool for enculturation, since education defines the individual as a member of a particular society with its own worldview, ethos, and social representation [6; 8; 9, p. 292].

In the Russian Federation, the right to study native languages and national culture is legally enshrined. Federal state educational standard allocates up to 25 % of instructional time to regional and school-based curriculum components. However, as studies show, the existence of formal guarantees does not ensure the actual transmission of knowledge [2]. This gap between policy and practice highlights the need for more effective implementation strategies.

Looking ahead, Zhirkov E. P. contends that national schools - and native language education in particular - lay the groundwork for a more democratic society. He argues that teaching children in their mother tongue will help them learn more efficiently and, ultimately, will contribute to the survival and ongoing vitality of the Sakha ethnicity [10]. This perspective underscores the broader societal benefits of preserving indigenous languages through education.

Materials and Methods. The study employed the following methods: analysis and synthesis of scientific and methodological literature, analysis of regulatory documentation, sociological survey.

Data was collected via an anonymous online questionnaire, which was distributed to students throughout the republic studying in "national classes" – the classes where the education process is conducted mainly in the native language, and the curriculum of which includes regional subjects, such as native languages, literature reading in the native language, and national culture courses. The total sample comprised 122 (n=122) students from grades 5-9 across nine schools in eight districts of the Sakha Republic. The responses were structured on a five-point Likert scale ranging from “Strongly Agree” to “Strongly Disagree”, enabling their further quantification. The analysis that follows moves beyond descriptive statistics to qualitatively interpret the prevailing trends and critical patterns within the data.

The 79 female respondents (64.8%) and 43 male respondents (35.2%) predominantly with ages ranging from 10 to 17 participated in the questionnaire. The majority were concentrated between 11 and 15 years old, with the largest single-year cohorts being 14-year-olds (n=28, 23%) and 13-year-olds (n=25, 20.5%). This age distribution corresponds to

students in grades 5 through 9, with relatively even representation across these secondary school grades: Grade 7 (n=29, 23.8%), Grade 8 (n=28, 23%), Grade 9 (n=26, 21.3%), Grade 6 (n=20, 16.4%), and Grade 5 (n=19, 15.6%). The majority, 78 students (63.9%), of the respondents were from rural schools, whereas the students from the urban schools comprised 44 (36.1%) students.

The questionnaire was designed in Google Forms and comprised *four sections according to the research questions of the study, and each contained eight questions.*

Results and Discussion.

I. Students' Perception on School Commitment to Native Language (NL).

The students' responses reveal that schools have a strong symbolic and visible commitment to native language. The majority of students (70-86% combined 'Agree' and 'Strongly Agree') think that the school promotes NL development, holds related events and extracurricular activities, displays national visual elements, and verbally emphasizes the importance of regional and federal subjects. This indicates that the translation of the official policy of cultural inclusion into a perceptible cultural environment is successful, which, in turn, fosters a basis of institutional legitimacy for native Language in the school space.

However, it further reveals significant fractures upon closer examination. A drastic drop in agreement to 41.8% on the question 4 – "Besides Sakha, our school teaches other indigenous languages..." – reveals a gap in the scope and equity of this commitment. This gap indicates, that the system privileges major Sakha culture over the languages and knowledges of other indigenous peoples (for instance, Evenki, Even), suggesting that inclusion is hierarchical.

Furthermore, the students' responses show that temporal dimension of this commitment is unstable. Approximately 40% of students feel that less time is devoted to NL in secondary school compared to primary school. This student perception empirically proves the primary complaint from teacher interviews and the talks about "inadequacy of time" in during class observation. It leads to the paradox which can be interpreted as: the system is perceived to retreat from its native language commitments as students' progress through their education level, undermining the potential for sustained, deep integration and contradicting the institutional rhetoric of importance.

The findings show that schools implement native language through various means, which encompasses visual components, native language instruction, extracurricular activities dedicated to NL, and events designed to cultivate students' national identity, in addition to promoting and sustaining native language. However, students also point out that these conditions become less prevalent as they progress to secondary school, particularly with

regard to time.

II. Translation of Commitment into Classroom Practice.

The main parameter for assessing the implementation of native language was students' evaluation of classroom practices within their schools. Their responses show that in their schools NL integration is irregular. This indicates to a gap between the school's visual environment and the depth and consistency with which NL is implemented pedagogically. Importantly, it has to be noted, that students' responses in this section reflect their experience with school teaching staff in general and not limited to the teachers of regional subjects. It was done to observe whether NL values are embedded in the wider school culture or remain fragmented within specific subjects. Students report moderately positive experiences with overall classroom practices. It can be seen that the majority (71.31%) agree that teachers encourage participation in national contests and events, which means that teachers encourage NL engagement beyond the classroom. Furthermore, most students are satisfied with the overall quality of native language instruction in their schools (68.85%).

However, a closer examination reveals some serious gaps pointing to pedagogical limitations both within and beyond NL-specific classes. Most distinctively, fewer than half of the students (44.27%) agree with the statement that teachers speak in native languages during the classes, which illustrates that even in national classes formally dedicated to language and culture, there is no full linguistic immersion, and the use of native languages across the broader curriculum is likely minimal. Similarly, only a few of students reported on consistent and active pedagogical integration. Just under half agree that teachers frequently organize various activities dedicated to NL (47.54%) or invite community guests to share knowledge (47.54%). Thus, this indicates that immersive, community-connected pedagogical approaches are special events rather than general daily practices. Another indicator supporting this argument is that the statement on NL-focused homework in the questionnaire received the lowest level of agreement (33.60%), proving that the integration of native language across the curriculum is exceptionally rare.

The discussed data develops a picture of inconsistent teacher agency and a fragmented approach to native language. Although teachers of regional subjects may act as motivators and effective instructors, it appears that other teachers employ practices that reinforce native language inconsistently or simply ignore. This indicates that, according to students, native language in schools is the responsibility of specific teachers and subjects, and is not employed by the whole curriculum. As a result, the students' experiences show that schools implement NL fragmentally and do not employ it as framework for general education.

Table 1

Student perceptions of teacher practices in native language instructions

Question	Strongly agree	Agree	Neutral	Disagree	Strongly disagree	Agree+ Strongly agree
1. I am satisfied with the quality of teaching NL at my school.	45,08%	23,77%	22,13%	8,20%	0,82%	68,85%
2. Teachers mostly speak in our native language.	32,79%	11,48%	35,25%	11,48%	9,02%	44,27%
3. Teachers often draw comparisons with our national culture, history, and traditions during lessons.	28,69%	27,05%	28,69%	12,30%	3,28%	55,74%
4. During lessons, teachers organize various activities dedicated to traditional knowledge.	24,59%	22,95%	27,05%	14,75%	10,66%	47,54%
5. Teachers frequently assign homework focused on NL.	18,85%	14,75%	33,61%	19,67%	13,11%	33,6%
6. Teachers encourage us to participate in various national competitions and events.	31,97%	39,34%	18,85%	2,46%	7,38%	71,31%
7. Sometimes during classes, we invite various guests who share information about NL and tell stories from their own lives.	20,49%	27,05%	24,59%	17,21%	10,66%	47,54%
8. At times, the teacher organizes field trips to museums, theaters, exhibitions, etc.	31,15%	27,05%	21,31%	11,48%	9,02%	58,2%

To interpret Table 1, it is essential to define the scope of the term 'teachers'. The questionnaire did not specify them as "teachers of regional subjects". Students responded based on their general experience of the teaching staff and school subjects across school. Thus, the low level of agreement regarding language immersion (44.27%) and NL-related homework (33.6%) suggests that, for most students, the use of the native language and the integration of native language content are largely limited to specific lessons rather than being integral to the teaching and learning as a whole. This compartmentalization positions NL as a separate "subject" rather than an interdisciplinary framework, which, in turn, reflects a systemic limitation of integration.

III. Textbooks as Structural Intersection.

The teachers take the abstract idea of native language and turn it into practical classroom. They decide how to present the provided material, bringing NL to life through their pedagogy. In other words, they represent the “who” of implementation. The textbooks, in turn, contain and convey NL content. They are the result of decisions made within an educational

structure, i.e., they represent the official, institutionalized version of NL approved by the system. Therefore, it was important to find out whether students think the textbooks match the school's commitment to NL and if they are effective learning tools.

Students acknowledge the existence of NL-oriented textbooks and supplementary materials. The majority agree that the content of textbooks reflects ethnic and cultural diversity (68.32%) and contains NL-focused exercises (62.30%). Besides, the students reported that the school library is well-stocked with relevant books issued by the local publishing house (68.85%). This indicates a foundational level of resource visibility, which aligns with the earlier documented institutional commitment.

However, the responses shifted considerably regarding the quality and usability of these resources. Thus, the agreement with the statement that "textbooks on native language are new and relevant" dropped to 59.02%, which means that a significant proportion of students find the materials outdated or disconnected from their contemporary reality. Even more critically, only 40.98% of students found it easy to complete assignments from textbooks on regional subjects. These points directly to usability issues in the materials, which may be voluminous, linguistically complex, or poorly designed, creating a barrier to independent learning and mastery. This students' experience corresponds with the teacher's complaint about the "voluminous textbooks" and their complexity, with their consequent need for guidance and translation into simpler language. Besides, only 41.80% of students agreed with the statement that primary school textbooks focus on developing NL skills, and only 44.26% feel that secondary school textbooks have a better focus. Considering this fact and the high rates of neutral and disagreeing responses on these questions show that the students are uncertain about textbook progression.

In summary, the student data on resources depicts a constrained structure. Thus, while the existing textbooks fulfill a basic requirement for NL inclusion, their relevance, accessibility, and sequential logic perceived by students remain problematic. But one thing is for sure: students find them difficult and ambiguous. This issue transforms textbooks from teaching aids into components of a roadblock, which makes the deep engagement required for NL acquisition especially challenging. Thus, while the system provides the shell of support, its material core often fails to adequately sustain the pedagogical ambitions it is intended to serve.

IV. Perceived Value and Personal Engagement

The questionnaire data show a contradictory perception of native language by students. According to students' responses, they perceive NL as important and necessary knowledge, but further data shows a gap between students' abstract recognition of NL and real interest in its learning. Thus, as shown in Table 2, 83.61% of students agree that learning

NL in school is "very important and beneficial," and an even higher percentage (85.25%) affirm that "NL is vitally important for the people". It has an advantage for schools as the importance of NL is acquired by students, but the primary goal of NL implementation has to make NL personally meaningful for each student.

On the other hand, this contrast between high normative beliefs and low personal involvement defines the main pedagogical challenge: to transform verbal recognition of value into real, everyday practice. It is not enough that students realize the value and importance of native language, the primary task is to increase an interest in it in order to make students attend events, and use this knowledge in their lives. Thus, when students are asked about their own participation in NL-related events and extracurricular activities, the level of agreement drops dramatically, with only 42.62% of them reporting that they actively participate in school national events, and only 37.71% attend extracurricular NL-related activities. This gap in engagement, which is almost 45 percentage points between beliefs and behavior, is the central paradox of this data set. This suggests that for many students, NL remains a valuable abstraction, i.e., it is an important part of their ethnic identity, but it is not a priority in their personal practice at school. Potential explanations for this gap can be competing academic pressures, lack of engaging extracurricular activities, or a pedagogy that, while considered "satisfactory" (68.85%), that do not promote deeper engagement for all students.

Crucially, students themselves point towards a systemic solution. Over half (52.46%) of students want to increase the hours devoted to NL in school. Thus, if we have previously learnt that students participate little in NL-related school events (37-42%), which could lead to the thought that they are not interested; their own request for more time indicates the opposite. They are interested, but the current time allocation for it in schools is not enough. This student-articulated demand for structural change directly echoes with the central complaint from teachers and discussions during class observation. Their demand underscores that the engagement gap may be, in part, a consequence of constraints rather than students' disinterest.

Furthermore, the data reveals that while a majority of students find it easier when teachers explain subjects in their native language (52.46%), whereas a significant minority of students still report that they have difficulty with assignments related to NL (47.54% disagree or strongly disagree that they have "no difficulty"). To sum up, despite the apparent indifference (the low participation rate described earlier), students want to learn more about NL (52% request additional hours), but the current system does not allow it yet. Additionally, almost half of the students face objective difficulties in understanding the material (either due to the language of instruction or the complexity of the assignments).

The student data reveal a population that is ideologically ready for deep native

language integration but the system lacks in structural and pedagogical support in fulfilling that potential. Thus, students understand why they need native language (to preserve their culture and identity), but no one has explained or created the conditions for them to learn and use it in their modern lives. This pattern provides evidence for the argument that the system successfully instills the value of NL but, through its allocation of time, design of extracurricular activities, and variable pedagogical depth, inadvertently limits the scope for students to translate that value into sustained, voluntary commitment. The result is that students emerge as witnesses to this implementation gap, whose strong beliefs highlight the promise of NL education, and whose moderated participation reveals the persistent structural and pedagogical barriers to its full realization.

Table 2

Student personal engagement and attitudes toward native language

Questions	Strongly agree	Agree	Neutral	Disagree	Strongly disagree	Agree+ Strongly agree
Normative valuation and identity						
1. It is very important/ beneficial to learn NL in school.	50.82%	32.79%	10.66%	4.10%	1.64%	83.61%
2. NL is vitally important for our people.	54.10%	31.15%	9.84%	1.64%	3.28%	85.25%
Personal behavioral engagement						
3. I actively participate in school NL events.	25.41%	17.21%	31.15%	14.75%	11.48%	42.62%
4. I attend extracurricular classes focused on NL.	26.23%	11.48%	18.85%	18.03%	25.41%	37.71%
Demand for structural support						
5. I would like more time to be devoted to NL in school.	19.67%	32.79%	29.51%	10.66%	7.38%	52.46%
Experiential and pedagogical factors						
6. I am well-informed about my republic's peoples & culture.	30.33%	25.41%	28.69%	12.30%	3.28%	55.74%
7. I have no difficulty completing NL assignments.	25.41%	22.13%	34.43%	10.66%	7.38%	47.54%
8. It is easier when the teacher explains in my native language.	32.79%	19.67%	28.69%	12.30%	6.56%	52.46%

Conclusion. The data from the student questionnaire provides a key perspective in triangulating of this study, moving the analysis from the systemic (policy, textbooks) and activity-based (teachers, class observation) to the experiential (students) level. Collectively, the obtained data from students provide an accurate verdict on the central contradiction between transformative potential and systemic constraints. The students' responses confirm that this contradiction is a lived reality shaping their educational experience. The students' responses provide a quantitative proof of the contradiction between the impressiveness of the intended curriculum goal and the scarcity of the provided resources for its achievement.

On one hand, students' strong belief that native language is important shows that the project native language legitimization as a foundation for national development, identity, and cultural and linguistic preservation is successful. As a result of this success, students recognize the value of native language, which means the value of oneself, family, nation, language and culture. On the other hand, their reports on the constrained time for regional subjects, fragmented practice of native language, and uneven engagement in national events and NL-related extracurricular activities within the school walls show the lack of proper conditions in reality. The 45-percentage-point "engagement gap" between valuing native language (85%) and actively participating in it (42%) is the evidence to this contradiction. This is a natural result when a holistic, identity-forming endeavor is squeezed into the framework of 1-2 hours a week and with the use of complex textbooks. Thus, the school curriculum fails to provide the immersive, sustainable, and integrated environment that is necessary to convert abstract value into real practice.

Therefore, the student completes the chain of evidence that the current school system is contradictory. Their strong convictions highlight the value of a transformative project, while their limited experience and explicit demands reveal the need for restructuring. Their perception serves as a powerful argument that, in order to implement native language successfully, the system must not only highlight its importance but architecturally support the depth and consistency that the students themselves recognize as lacking.

References

1. Bitkeeva A, Ivanova N, Kaplunova M, 2022. Yakut language in the modern education system of the Republic of Sakha (Yakutia): Actors, debates, new challenges. *Scientific Dialogue*, 11(9): 27–45. doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45
2. Borgoyakov S, 2017. The Condition and Prospects of Native Languages in the Russian System of Education. *Science and School*, 6: 20-30. <http://nauka-i-shkola.ru/node/128>
3. Filippova V, Filippova S, 2024. Language attitudes and orientations of Sakha children and youth aged 13-18 in conditions of balanced bilingualism (on the example of schoolchildren in Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik of NEFU Vol. 21, No. 3*: 173–183. doi: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-173-183
4. Gavrilyev Ch, Podoinitsyna I, 2024. Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia). *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, 2(339): 81–93. doi: 10.53598/2410-3691-2024-2-339-81-93

5. Gibson M, 2014. Preserving the heritage of extinct or endangered languages // Net.lang: on the way to multilingual cyberspace: Coll. Of articles. Transl. from English / ed. Of the translation by E. I. Kuzmin, A. V. Parshakova, M.: Interregional Center of Library Cooperation. http://ifapcom.ru/files/News/Images/2014/net_lang_rus_web.pdf
6. Ismagilova Z, 2011. Integration of national culture in the educational process. Problems and Prospects of Education Development: Proceedings of the 1st International Scientific Conference Vol. 1:134–137. <https://moluch.ru/conf/ped/archive/17/282>.
7. Ivanova N, 2022. Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): The Yakut language at the beginning of the 21st century (ethnopsycholinguistic aspect), Novosibirsk, Russia, ISBN 978-5-02-041499-0.
8. Korshunova N, 2025. Ethnocultural socialization of university students: Factors, stages, results. Bulletin of the I. Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, 1 (126): 117–122. doi: 10.37972/chgpu.2025.126.1.014.
9. Vasilyeva O, Okhlopkov V, 2021. School education of indigenous small-numbered peoples of the North: Between cultural preservation and quality of education. Educational Studies Moscow 4: 285–310. doi: 10.17323/1814-9545-2021-4-285-310.
10. Zhirkov E, 1992. How to revive a national school: Ideas and new approaches. A Concept. Steps of the Republic of Sakha (Yakutia): An action programme. Ways and mechanisms of implementation, Moscow

UDC 811.111

Goncharenko E.S. The role of authentic materials in expanding the lexical stock and strengthening grammar

Роль аутентичных материалов в расширении лексического запаса
и закреплении грамматики

Goncharenko Elena Stanislavovna,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Moscow Automobile and Road Construction State University (MADI), Moscow, Russia
Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI), Moscow, Russia.

Гончаренко Елена Станиславовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры "Иностранные языки" МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный университет), Россия, г. Москва
МТУСИ (Московский Технический Университет Связи и Информатики), Россия, г. Москва.

Abstract. *The modern system of higher professional education imposes increasingly high requirements on graduates of technical universities in terms of foreign language proficiency. This is primarily due to the rapid internationalization of science and production. According to available data, more than 70 % of technical standards regulating the transport and IT industries exist exclusively in English, which makes foreign language competence not an optional, but a professionally necessary quality of a specialist. This article is devoted to the theoretical understanding of the role of authentic materials in the process of forming lexical competence and consolidating grammatical skills among students of technical specialties-directions "Transport" and "Information Technologies", in the conditions of bachelor's and master's degrees. It is established that authentic materials provide a natural context for mastering industry vocabulary and grammatical constructions characteristic of professional discourse. The author concludes that it is necessary to systematically integrate authentic sources into the educational process, taking into account the level of training of students and the specifics of the professional field.*

Keywords: *authentic materials, grammar skills, technical university, professionally oriented training, communication competence, bachelor's degree, master's degree.*

Аннотация. Современная система высшего профессионального образования предъявляет к выпускникам технических вузов всё более высокие требования в части владения иностранным языком. Это объясняется, прежде всего, стремительной интернационализацией науки и производства. Согласно имеющимся данным, более 70 % технических стандартов, регламентирующих отрасли транспорта и ИТ, существуют исключительно на английском языке, что делает иноязычную компетенцию не факультативным, а профессионально необходимым качеством специалиста. Настоящая статья посвящена теоретическому осмыслению роли аутентичных материалов в процессе формирования лексической компетенции и закрепления грамматических навыков у студентов технических специальностей – направлений «Транспорт» и «Информационные технологии», в условиях бакалавриата и магистратуры. Установлено, что аутентичные материалы обеспечивают естественный контекст усвоения отраслевой лексики и грамматических конструкций, характерных для профессионального дискурса. Автором сделан вывод о необходимости системной интеграции аутентичных источников в учебный процесс с учётом уровня подготовки обучающихся и специфики профессиональной области.

Ключевые слова: аутентичные материалы, грамматические навыки, технический вуз, профессионально ориентированное обучение, коммуникативная компетенция, бакалавриат, магистратура.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

В настоящее время, вопрос о том, какие учебные материалы наиболее эффективно формируют лексическую и грамматическую компетенции у студентов нефилологических специальностей, приобретает особую теоретическую и практическую остроту. Традиционные учебники, как правило, предлагают адаптированные, методически обработанные тексты, в которых лексика и грамматика введены дозированно и искусственно. Аутентичные же материалы, то есть тексты, аудио- и видеозаписи, созданные носителями языка для носителей языка без образовательной цели, содержат язык в его живом, функциональном состоянии. Именно это свойство делает их незаменимым инструментом в системе профессионально ориентированного обучения иностранному языку (ESP – English for Specific Purposes). [1]

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что в рамках настоящего исследования, автором впервые предпринята попытка систематизировать теоретические основания применения аутентичных материалов в контексте данных специальностей с разграничением по уровню подготовки.

Цель исследования – теоретически обосновать роль аутентичных материалов в расширении лексического запаса и закреплении грамматических навыков у бакалавров и магистров технических специальностей «Транспорт» и «Информационные технологии».

Теоретическая значимость исследования заключается в авторской систематизации и уточнении научных представлений о дидактическом потенциале аутентичных материалов в технической аудитории. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных автором выводов при проектировании рабочих программ дисциплины «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной деятельности» для соответствующих направлений подготовки.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных учёных в области лингводидактики, методики преподавания иностранных языков и теории ESP.

Методологическую основу исследования составляют 3 взаимодополняющих подхода. Коммуникативный подход (Д. Хаймс, Д. Нунан), компетентностный подход (И. А. Зимняя, А. В. Хуторской), контекстный подход (А. А. Вербицкий).

В процессе написания статьи, автором применялись следующие методы научного познания:

- теоретический анализ научной литературы;
- синтез и обобщение данных из различных источников;
- сравнительно-сопоставительный анализ отечественных и зарубежных концепций; классификация и систематизация видов аутентичных материалов;
- моделирование теоретических схем.

Перечисленные методы позволили сформировать целостное теоретическое представление об изучаемом феномене без проведения эмпирического эксперимента.

Результаты и обсуждение

Применительно к специальностям «Транспорт» и «Информационные технологии» можно выделить несколько принципиально различных типов аутентичных материалов, каждый из которых обладает собственным лексико-грамматическим потенциалом (таблица 1). [2]

Таблица 1.

Типология аутентичных материалов для технических специальностей

Тип материала	Примеры для направления «Транспорт»	Примеры для направления «ИТ»
Технические стандарты и регламенты	ISO 39001 (Road Traffic Safety), ICAO Doc 9859	ISO/IEC 25010 (Software Quality), IEEE 829
Научные статьи и конференционные материалы	Transportation Research Record, Journal of Advanced Transportation	ACM Computing Surveys, IEEE Transactions
Профессиональные отчёты и white papers	Отчёты МКЖД (UIC), IATA Annual Review	Отчёты Gartner, McKinsey Technology Trends
Техническая документация	Руководства по эксплуатации ТС, сервисные мануалы	API-документация, user manuals, README
Мультимедийные материалы	Видеолекции TED (транспорт, логистика), подкасты	Конференции Google I/O, Microsoft Build
Новостные и аналитические тексты	FlightGlobal, Railway Gazette International	Wired, TechCrunch, Ars Technica

Как следует из таблицы 1, каждый тип аутентичного материала активирует специфический лексический пласт и закрепляет определённые грамматические явления, что позволяет преподавателю целенаправленно конструировать учебный маршрут.

Механизмы влияния аутентичных материалов на лексический запас. Усвоение лексики через аутентичные материалы принципиально отличается от заучивания

словарных списков. Для перехода слова из пассивного словаря в активный необходимо от 10 до 16 контекстуальных встреч с ним. Аутентичные тексты обеспечивают именно это: лексическая единица встречается в разнообразных синтаксических позициях, с различными коллокатами, в разных функциональных регистрах. Студент, работающий с документацией IEEE, видит термин «latency» не как изолированную единицу, а как элемент устойчивых словосочетаний: «network latency», «reduce latency», «latency-sensitive applications» – и тем самым усваивает не только значение слова, но и его сочетаемостный потенциал. [3]

Для технических специальностей особую роль играет терминологическая лексика, которая, по наблюдениям исследователей, составляет от 30 до 40 % всего словарного состава профессиональных текстов. При этом значительная часть терминов в областях транспорта и ИТ является интернациональной или заимствованной из английского языка, что создаёт благоприятные условия для «лексического переноса» – использования студентом уже имеющихся знаний из родного языка при работе с аутентичным иноязычным текстом. Вместе с тем именно здесь кроется опасность «ложных друзей переводчика»:

- слово «actual» – в английском техническом тексте означает «фактический», а не «актуальный»,
- слово «control» – «управление», а не «контроль» в смысле «проверка».

Аутентичные материалы, в отличие от адаптированных, содержат подобные случаи в естественном контексте, что позволяет студенту сформировать верные семантические связи.

Следует также подчеркнуть роль аутентичных материалов в формировании так называемого академического словарного запаса. Академический список слов (Academic Word List, AWL), включает 570 лексических семей, которые встречаются во всех академических дисциплинах и составляют до 10 % академического текста. Систематическая работа с научными статьями и отчётами по профилю специальности позволяет студентам технических направлений усваивать этот пласт лексики в профессионально значимом контексте, что существенно повышает эффективность усвоения по сравнению с изолированным изучением.

Механизмы закрепления грамматики через аутентичные материалы. Вопрос о роли аутентичных материалов в формировании грамматической компетенции несколько сложнее, поскольку традиционно грамматика считается областью эксплицитного обучения с опорой на правила. Однако, аутентичные материалы, в особенности видеоматериалы BBC Learning English и подобные ресурсы, позволяют представить грамматические явления в коммуникативном контексте, что качественно

меняет характер их усвоения. Грамматика перестаёт восприниматься как набор абстрактных правил и начинает осознаваться как инструмент передачи смысла. [4]

В профессиональном дискурсе транспортной отрасли и сферы ИТ есть грамматические явления, которые встречаются с принципиально иной частотностью, чем в общеязыковых текстах.

- технические стандарты и регламенты насыщены пассивными конструкциями и модальными глаголами, выражающими степень обязательности требований;
- научные статьи изобилуют номинализацией и причастными оборотами;
- документация к программному обеспечению активно использует условные предложения и императивные конструкции.

Таблица 2 иллюстрирует частотность ключевых грамматических явлений в различных типах аутентичных текстов технической направленности.

Таблица 2.

Частотность грамматических явлений в аутентичных текстах технической направленности (теоретическая модель)

Грамматическое явление	Научные статьи	Техническая документация	Новостные тексты
Пассивный залог	Высокая	Средняя	Низкая
Модальные глаголы (shall, must, should, may)	Средняя	Высокая	Средняя
Причастные обороты	Высокая	Средняя	Средняя
Номинализация	Очень высокая	Средняя	Средняя
Условные предложения (тип 1–3)	Средняя	Очень высокая	Низкая
Времена группы Perfect	Высокая	Средняя	Высокая
Инфинитивные конструкции	Высокая	Высокая	Средняя
Императивные конструкции	Низкая	Очень высокая	Низкая

Приведённые в таблице 2 данные наглядно демонстрируют, что целенаправленный отбор аутентичных материалов позволяет обеспечить максимальную концентрацию того или иного грамматического явления в учебном контексте. Преподаватель, работающий с темой «Пассивный залог», получает в технических стандартах ISO или IEEE идеальный аутентичный материал: каждое второе предложение содержит пассивную конструкцию, причём в функционально мотивированном употреблении – обезличенность технического требования. [5]

Дифференциация подходов для бакалавров и магистров. Существенным аспектом, который нередко остаётся за рамками обсуждения в научной литературе, является необходимость дифференцированного подхода к использованию аутентичных материалов в зависимости от уровня подготовки:

- бакалавры, как правило, находятся на уровне B1–B2 по шкале CEFR и только начинают погружаться в профессиональный дискурс;
- магистры, напротив, уже имеют базовую профессиональную подготовку и, зачастую, опыт работы, что принципиально меняет их взаимодействие с аутентичным профессиональным текстом: они способны активировать предметные знания для понимания незнакомой лексики из контекста.

Таблица 3 систематизирует рекомендуемые типы аутентичных материалов и педагогические задачи для каждого уровня.

Таблица 3.

Дифференциация аутентичных материалов по уровню подготовки

Параметр	Бакалавриат (1–4 курс)	Магистратура (1–2 курс)
Уровень CEFR	B1–B2	B2–C1
Рекомендуемые типы материалов	Новостные тексты отраслевых изданий, обучающие видео, техническая документация к бытовым устройствам	Научные статьи, стандарты ISO/IEEE, корпоративные отчёты, патентная документация
Объём текста	300–600 слов	800–2000 слов
Основная лексическая задача	Усвоение базовой отраслевой терминологии, общеакадемической лексики	Расширение терминологического тезауруса, усвоение коллокаций и устойчивых выражений профессионального дискурса
Основная грамматическая задача	Закрепление базовых временных форм, пассивного залога, модальных глаголов	Работа с номинализацией, причастными конструкциями, сложными синтаксическими структурами
Характер работы с материалом	Управляемая (guided), с опорой на глоссарий и пре-текстовые задания	Частично самостоятельная, с акцентом на критический анализ и синтез информации
Ожидаемый результат	Формирование базовой профессиональной лексической компетенции	Развитие автономии в работе с профессиональными иноязычными источниками

Таким образом, как следует из таблицы 3, принцип постепенного снятия «лесов» (scaffolding), операционализированный применительно к языковому обучению вполне применим к организации работы с аутентичными материалами в техническом вузе: [6]

- бакалавр нуждается в значительной методической поддержке при работе с аутентичным текстом;
- магистр, напротив, должен всё в большей мере опираться на собственные стратегии работы с иноязычными источниками.

Нельзя, разумеется, обойти стороной и проблему трудностей, с которыми сталкиваются студенты при работе с аутентичными материалами. Главная из них – несоответствие между уровнем языковой подготовки и сложностью профессионального текста. Именно здесь принцип Крашена $i+1$ требует особого внимания: [7]

- материал должен быть достаточно сложным, чтобы стимулировать развитие;
- материал не должен быть настолько трудным, чтобы вызывать коммуникативную тревожность и демотивацию.

Решением служит методически грамотная организация пре-текстовой, текстовой и пост-текстовой работы, а также использование стратегий вывода значения слова из контекста (contextual guessing), которые относят к числу ключевых умений, формируемых при работе с аутентичными материалами.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о цифровых аутентичных материалах, роль которых после 2020 года существенно возросла. Для студентов ИТ-специальностей это прежде всего онлайн-документация (GitHub, Stack Overflow, официальные сайты разработчиков), для студентов транспортных специальностей – базы данных инцидентов, аналитические платформы отраслевых ассоциаций. Подобные ресурсы обновляются в режиме реального времени, что обеспечивает актуальность лексики и соответствие профессиональным реалиям сегодняшнего дня. Кроме того, цифровые аутентичные материалы содержат гиперссылки, инфографику, интерактивные элементы. Всё это создаёт мультимодальную среду, которая, по данным ряда исследований, повышает запоминаемость лексических единиц на 20–25 % по сравнению с работой с линейным текстом.

Выводы

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как научное, так и прикладное значение. В процессе исследования было установлено, что, аутентичные материалы обладают уникальным дидактическим потенциалом в контексте профессионально ориентированного обучения иностранному языку в техническом вузе: они обеспечивают естественный, функционально мотивированный контекст для усвоения отраслевой лексики и закрепления грамматических конструкций, характерных для профессионального дискурса транспортной отрасли и сферы

Различные типы аутентичных материалов: технические стандарты, научные статьи, профессиональная документация, мультимедийные ресурсы, активируют специфические лексические пласты и концентрируют различные грамматические явления, что открывает возможности для целенаправленного педагогического проектирования.

Установлено, что принцип дифференциации является ключевым при отборе аутентичных материалов: бакалавры и магистры нуждаются в принципиально различных по сложности, объёму и характеру методического сопровождения источниках. Цифровые аутентичные материалы представляют собой перспективный ресурс, сочетающий актуальность содержания с мультимодальностью подачи, что особенно значимо для студентов технических специальностей, профессионально работающих в цифровой среде.

В целом, системная интеграция аутентичных материалов в учебный процесс технического вуза следует рассматривать не как методическое дополнение, а как концептуальную основу преподавания иностранного языка в профессиональном контексте.

References

1. Бабанова, С. Ю. Научно-техническая конференция на иностранном языке как заключительный этап изучения иностранного языка в техническом вузе / С. Ю. Бабанова, И. Л. Валицкая // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 5. – С. 187-191.
2. Симонова, О. Б. Модель Тейлора как фактор усвоения материала в обучении иностранному языку в техническом вузе / О. Б. Симонова, Е. А. Николаева, И. А. Кашурина // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 217-219.
3. Широколобова, А. Г. Обучение иностранному языку в техническом вузе по модели смешанного обучения в LMS "Английский пациент" / А. Г. Широколобова, Г. В. Широколов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 171-184.
4. Барашян, В. К. Синквейн как эффективная дидактическая технология в обучении иностранному языку в техническом вузе / В. К. Барашян, О. Б. Симонова // Казанская наука. – 2023. – № 11. – С. 75-77.
5. Володина, Д. В. Возможности искусственного интеллекта в обучении иностранному языку в техническом вузе (на примере больших языковых моделей) / Д. В. Володина, Ю. С. Юрьева // Педагогическое образование. – 2024. – Т. 5, № 10. – С. 97-104.

6. Пивкина, Н. Н. Практика применения методов геймификации при обучении иностранному языку студентов технического вуза / Н. Н. Пивкина // Глобальный научный потенциал. – 2025. – Т. 1, № 11(176). – С. 223-226.

7. Башкирова, О. А. Значимость обучения «письменной речи» при изучении иностранного языка в техническом вузе / О. А. Башкирова, Е. В. Тихонова // Казанская наука. – 2024. – № 9. – С. 83-85.

UDC 378.147

Ma Xiang. Technology of blended learning for music students in China

Технология смешанного обучения студентов музыкальных специальностей в КНР

Ma Xiang

Postgraduate student, Altai State Institute of Culture, Barnaul

Ма Сян

Аспирант, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул

Abstract. *This study is devoted to the theoretical understanding of mixed learning technology in relation to the professional training of students of musical specialties in higher educational institutions of the People's Republic of China. The main results of the study are to define the conceptual framework, describe the models of rotation, inverted class and flexible model in the context of music pedagogy, as well as to systematize the factors that determine the specifics of their application in the PRC. The author concludes that blended learning creates fundamentally new opportunities for individualizing the educational process in music universities in China, provided that competent methodological support is provided.*

Keywords: *mixed learning, music education, PRC, higher school, inverted class model, rotary model, digital educational technologies, online learning, pedagogical technologies.*

Аннотация. *Настоящее исследование, посвящено теоретическому осмыслению технологии смешанного обучения применительно к профессиональной подготовке студентов музыкальных специальностей в высших учебных заведениях Китайской Народной Республики. Основные результаты исследования состоят в определении понятийного аппарата, описании моделей ротации, перевёрнутого класса и гибкой модели в контексте музыкальной педагогики, а также в систематизации факторов, обуславливающих специфику их применения в КНР. Автором сделан вывод о том, что смешанное обучение создаёт принципиально новые возможности для индивидуализации образовательного процесса в музыкальных вузах Китая при условии грамотного методического сопровождения.*

Ключевые слова: *смешанное обучение, музыкальное образование, КНР, высшая школа, модель перевёрнутого класса, ротационная модель, цифровые образовательные технологии, онлайн-обучение, педагогические технологии.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

Музыкальное высшее образование в Китайской Народной Республике переживает сегодня один из наиболее динамичных периодов своей истории. Стремительный рост числа студентов, обучающихся по музыкальным специальностям, расширение сети профильных вузов и консерваторий, а также масштабная цифровизация всей системы высшего образования страны – всё это формирует принципиально новые требования к педагогическим технологиям. По данным Министерства образования КНР, к 2024 году в стране функционировало свыше 1300 высших учебных заведений, реализующих программы подготовки по музыкальным

специальностям, а общее число обучающихся превысило 600 тысяч человек. Очевидно, что традиционные форматы аудиторного обучения, при всей их педагогической ценности, уже не способны в полной мере удовлетворить запросы столь масштабной и разнородной студенческой аудитории. [1]

Цель исследования – теоретически обосновать и охарактеризовать технологию смешанного обучения как педагогический феномен применительно к подготовке студентов музыкальных специальностей в высших учебных заведениях КНР.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором впервые проводится системный теоретический анализ применимости моделей смешанного обучения к специфике профессиональной музыкальной подготовки в условиях китайской высшей школы с учётом её институциональных, культурных и дидактических особенностей.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что результаты авторского исследования, вносят вклад в развитие теории музыкальной педагогики, расширяя представления о возможностях и ограничениях цифровых образовательных технологий в сфере профессиональной музыкальной подготовки. Практическая значимость исследования, состоит в том, что выработанные автором теоретические положения могут служить ориентиром при проектировании образовательных программ и учебных курсов для студентов музыкальных специальностей в вузах КНР.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили научные публикации российских и зарубежных учёных по проблематике смешанного обучения и музыкального образования, размещённые в базах данных РИНЦ и ВАК.

Методологическую основу исследования составляет системный подход. Системный подход дополняется компетентностным подходом, ориентирующим анализ на результаты образовательного процесса, выраженные в профессиональных компетенциях музыканта. Кроме того, применение автором сравнительно-педагогического подхода, обеспечивает возможность корректного сопоставления различных моделей смешанного обучения и оценки их соответствия условиям музыкального образования в КНР.

В числе конкретных методов исследования использованы: теоретический анализ и синтез научной литературы; классификация и типологизация; сравнительно-педагогический анализ; абстрагирование и обобщение.

Результаты и обсуждение

Прежде всего, необходимо обратиться к понятийному аппарату исследования. Ниже представлена сравнительная характеристика основных моделей смешанного обучения применительно к дисциплинам музыкальных специальностей (таблица 1). [2]

Таблица 1.

Сравнительная характеристика моделей смешанного обучения в контексте музыкальных специальностей

Модель смешанного обучения	Соотношение онлайн/офлайн	Ключевая педагогическая функция	Применимость к исполнительским дисциплинам	Применимость к теоретическим дисциплинам
Ротационная (Rotation Model)	40–60% / 60–40%	Чередование форматов по расписанию	Средняя	Высокая
Перевернутый класс (Flipped Classroom)	30–40% / 60–70%	Самостоятельное освоение теории онлайн, практика офлайн	Высокая	Высокая
Гибкая (Flex Model)	50–80% / 20–50%	Индивидуальный маршрут студента	Низкая	Высокая
Обогащённая виртуальная (Enriched Virtual)	70–90% / 10–30%	Преимущественно онлайн с редкими очными встречами	Очень низкая	Средняя
«À la carte»	Вариативно	Дополнение основной программы онлайн-курсами	Средняя	Высокая

Как видно из таблицы 1, модель перевернутого класса обладает наибольшим потенциалом для применения в музыкальных специальностях, поскольку позволяет сохранить полноценное очное взаимодействие педагога и студента при одновременном расширении самостоятельной работы в цифровой среде. [3]

Говоря о специфике системы музыкального образования КНР, следует отметить ряд институциональных особенностей, которые непосредственно влияют на возможности внедрения смешанного обучения. Прежде всего, китайская система высшего музыкального образования отличается выраженной иерархичностью: на её вершине находятся 11 специализированных консерваторий, включая Центральную консерваторию музыки в Пекине и Шанхайскую консерваторию, тогда как подавляющее большинство студентов обучается на музыкальных факультетах педагогических университетов и многопрофильных вузов. Именно для последней, наиболее многочисленной категории учебных заведений технология смешанного обучения представляет наибольший практический интерес: дефицит

высококвалифицированных педагогов-музыкантов в провинциальных вузах может быть частично компенсирован за счёт онлайн-ресурсов ведущих консерваторий. [4]

Также стоит отметить, что существенным фактором, является государственная политика в области цифровизации образования. Правительство КНР последовательно реализует курс на развитие онлайн-образования: в рамках государственной программы «Образование в интернете» к 2025 году предполагалось обеспечить доступ к качественным образовательным ресурсам для студентов всех регионов страны, включая отдалённые западные провинции. [5]

Важную роль играет культурный контекст. Традиционная конфуцианская педагогика, ориентированная на авторитет учителя и тщательное следование образцу, формирует у китайских студентов определённые паттерны учебного поведения: высокую дисциплину и исполнительность при относительно невысокой самостоятельности и критичности мышления. Смешанное обучение, предполагающее значительную долю самостоятельной работы и самоорганизации, требует, следовательно, специальной подготовки студентов к новому формату, формирования у них навыков самоуправления учебной деятельностью. [6]

В таблице 2, автором представлена систематизация факторов, определяющих специфику внедрения технологии смешанного обучения в музыкальных вузах КНР.

Таблица 2.

Факторы, определяющие специфику внедрения смешанного обучения в музыкальных вузах КНР

Группа факторов	Конкретные факторы	Характер влияния на смешанное обучение
Институциональные	Иерархичность системы музыкального образования; дефицит педагогических кадров в регионах; различия в ресурсном обеспечении вузов	Обуславливают неравномерность распространения технологии; создают предпосылки для использования онлайн-ресурсов ведущих вузов в регионах
Государственно-политические	Курс на цифровизацию образования; программы развития онлайн-образования; стандарты образовательной деятельности	Создают нормативную и ресурсную базу для внедрения смешанного обучения
Предметно-специфические	Природа музыкально-исполнительских дисциплин; необходимость живого педагогического контакта; специфика формирования исполнительских навыков	Ограничивают долю онлайн-компонента в исполнительских дисциплинах; определяют преимущественную сферу применения онлайн-форматов

Группа факторов	Конкретные факторы	Характер влияния на смешанное обучение
Культурно-педагогические	Конфуцианские традиции педагогики; паттерны учебного поведения студентов; ориентация на авторитет педагога	Требуют специальной подготовки студентов к самостоятельной работе; определяют необходимость постепенного перехода к смешанным форматам
Технологические	Уровень цифровой грамотности преподавателей и студентов; качество интернет-инфраструктуры; доступность специализированных платформ	Определяют техническую готовность к реализации смешанного обучения; варьируются в зависимости от региона и типа вуза

Обращает на себя внимание тот факт, что предметно-специфические факторы занимают в данной таблице особое место. Именно они определяют принципиальные ограничения применимости смешанного обучения к различным дисциплинам музыкальной подготовки. Это обстоятельство нередко упускается из виду в общепедагогических исследованиях, посвящённых смешанному обучению, что делает специальный анализ данного вопроса в контексте музыкальной педагогики особенно актуальным.

Примечательно, что китайские исследователи в последние годы активно разрабатывают собственные подходы к смешанному обучению в музыкальной сфере. Так, в рамках платформы MOOC «Xuetang Online» и «China University MOOC» к 2024 году было размещено свыше 200 курсов по музыкально-теоретическим дисциплинам, доступных студентам всей страны. Эти курсы органично встраиваются в модель перевёрнутого класса: студенты осваивают теоретический материал дистанционно, а аудиторное время высвобождается для практической работы. Среди этих проблем, особого внимания, заслуживает вопрос о контроле качества самостоятельной работы студентов в онлайн-среде. Применительно к музыкальным дисциплинам, данная проблема стоит особенно остро: проконтролировать правильность постановки рук пианиста или интонацию скрипача в асинхронном онлайн-формате крайне затруднительно. Частичным решением может служить использование технологий видеозаписи и асинхронной обратной связи, однако такой формат не может полностью заменить живой педагогический контакт. [7]

В таблице 3 представлено распределение дисциплин музыкальных специальностей по доле онлайн-компонента в рамках смешанного обучения.

Таблица 3.

Рекомендуемое соотношение онлайн- и офлайн-компонентов для дисциплин музыкальных специальностей в модели смешанного обучения

Дисциплина	Рекомендуемая доля онлайн-компонента (%)	Рекомендуемая доля офлайн-компонента (%)	Обоснование
История музыки	60–70	30–40	Лекционный материал эффективно осваивается онлайн; офлайн – для дискуссий и анализа
Сольфеджио	40–50	50–60	Онлайн – для теоретических заданий; офлайн – для интонационных упражнений
Гармония	50–60	40–50	Теория и письменные задания онлайн; разбор и обсуждение офлайн
Анализ музыкальных форм	50–60	40–50	Самостоятельный анализ онлайн; обсуждение результатов офлайн
Специальный инструмент (фортепиано, скрипка и др.)	10–20	80–90	Природа исполнительского обучения требует непосредственного контакта
Вокал	10–15	85–90	Постановка голоса и дыхания требует очного наблюдения педагога
Дирижирование	15–25	75–85	Работа с партитурой онлайн; практика дирижирования офлайн
Музыкальная информатика	70–80	20–30	Преимущественно практическая работа с программным обеспечением онлайн

Данные таблицы 3, наглядно демонстрируют, что дисциплины музыкальных специальностей принципиально неоднородны с точки зрения их потенциала для онлайн-освоения. Это означает, что при проектировании смешанного обучения в музыкальном вузе необходим дифференцированный подход к каждой дисциплине, а не унифицированное распределение онлайн- и офлайн-компонентов.

Выводы

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд выводов, которые, как представляется, имеют существенное значение для развития теории и практики музыкальной педагогики в КНР.

Из числа рассмотренных моделей смешанного обучения наибольшей применимостью к условиям музыкальных специальностей обладает модель перевёрнутого класса, позволяющая сохранить полноценное очное взаимодействие педагога и студента при одновременном расширении самостоятельной работы в цифровой среде. Ротационная модель и модель «à la carte» также могут применяться, преимущественно в отношении теоретических дисциплин. По нашему мнению, гибкая и обогащённая виртуальная модели имеют весьма ограниченное применение в музыкальных специальностях. Успешное внедрение смешанного обучения в музыкальных вузах КНР предполагает целенаправленную работу сразу в нескольких направлениях: методическую подготовку преподавателей к работе в новых форматах, формирование у студентов навыков самоорганизации учебной деятельности, создание качественного цифрового контента по музыкально-теоретическим дисциплинам, а также разработку инструментов дистанционного контроля качества самостоятельной работы.

References

1. Копцева, Н. П. Теория смешанного обучения в современном Китае: тенденции будущего развития. Часть 1 / Н. П. Копцева // Азия, Америка и Африка: история и современность. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 6-39.
2. Сюй Вэньхуэй. Развитие творческого потенциала китайских студентов-вокалистов в процессе освоения традиционной музыкальной культуры : дис. ... канд. пед. наук : 5.8.2 / Сюй Вэньхуэй ; науч. рук. Н. Р. Туравец ; Московский педагогический государственный университет. — Москва, 2026. – 199 с.
3. Ва, Ц. Шелковый путь как один из феноменов китайской музыки: прошлое и настоящее / Ц. Ва // Университетский научный журнал. – 2023. – № 76. – С. 20-25.
4. Наговицын, Р. С. Реализация информационных технологий в профессиональной подготовке учителей музыки в Китае и России: проблемы и перспективы / Р. С. Наговицын, Ц. Юйхао // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 3. – С. 114-119.
5. Копцева, Н. П. Теория смешанного обучения в современном Китае: тенденции будущего развития. Часть 2 / Н. П. Копцева // Азия, Америка и Африка: история и современность. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 43-78.

6. Шу, Я. Перспективы совершенствования процесса подготовки студентов музыкальных вузов КНР к реализации терапевтической функции музыкального искусства / Я. Шу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2024. – № 10(193). – С. 69-76.

7. Яо, Н. Музыкальная эрудиция как основа профессионализма студента-вокалиста КНР / Н. Яо // Педагогическое образование. – 2024. – Т. 5, № 11. – С. 77-82.

PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY

UDC 612.821

Gribov K.A., Gribova A.V., Tkach O.Y. Psychophysiological mechanisms of the hedonic effect of physical exercise: the role of opioidergic, dopaminergic, and gabaergic systems

Психофизиологические механизмы гедонического эффекта физической нагрузки:
роль опиоидной, дофаминергической и гамкергической систем

Gribov Konstantin Andreevich,

Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports,
Pacific State Medical University, Vladivostok

Gribova Anna Vladimirovna,

Lecturer at the Secondary Vocational Education Faculty,
Pacific State Medical University, Vladivostok

Tkach Oksana Yuryevna,

Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports,
Pacific State Medical University, Vladivostok

Грибов Константин Андреевич,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта, Тихоокеанский государственный
медицинский университет, г. Владивосток

Грибова Анна Владимировна,
преподаватель факультета СПО, Тихоокеанский государственный медицинский университет,
г. Владивосток

Ткач Оксана Юрьевна,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта, Тихоокеанский государственный
медицинский университет, г. Владивосток

Abstract. *The article presents the results of a theoretical analysis of the psychophysiological mechanisms underlying the occurrence of the hedonic effect during physical exercise. The relevance of the study is determined by the need to understand the neurobiological mechanisms of positive reinforcement of motor activity, which is important for both sports training and clinical rehabilitation. The paper systematizes data on the role of the opioidergic, dopaminergic, serotonergic, and GABAergic systems, as well as brain-derived neurotrophic factor (BDNF), in the formation of the "runner's high" phenomenon, anxiety reduction, and exercise-induced analgesia. Special attention is paid to quantitative changes in the concentrations of neurotransmitters and hormones as objective markers of changes in the psychoemotional state.*

Keywords: *physical exercise, runner's high, neurotransmitters, beta-endorphin, dopamine, GABA, serotonin, BDNF, hypothalamic-pituitary axis, sports psychophysiology, hedonic effect, opioidergic system.*

Аннотация. *В статье представлены результаты теоретического анализа психофизиологических механизмов, лежащих в основе возникновения гедонического эффекта при выполнении физической нагрузки. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания нейробиологических механизмов формирования позитивного подкрепления двигательной активности, что имеет значение как для спортивной подготовки, так и для клинической реабилитации. В работе систематизированы данные о роли опиоидной, дофаминергической, серотонинергической и ГАМКергической систем, а также нейротрофического фактора головного мозга (BDNF) в формировании феномена «эйфории бегуна», снижении тревожности и анальгезии,*

индуцированной физической нагрузкой. Особое внимание уделено количественным изменениям концентраций нейромедиаторов и гормонов как объективным маркерам изменения психоэмоционального состояния.

Ключевые слова: *физическая нагрузка, эйфория бегуна, нейромедиаторы, бета-эндорфин, дофамин, ГАМК, серотонин, BDNF, гипоталамо-гипофизарная ось, спортивная психофизиология, гедонический эффект, опиоидная система.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение. Физическая активность вызывает феномен, характеризующийся парадоксальным сочетанием физиологических реакций: на фоне выраженного метаболического стресса, тканевого утомления и микроразрывов мышечных волокон наблюдается снижение порога болевой чувствительности (гипоалгезия), возникновение субъективного ощущения подъема настроения и редукция тревожности. С эволюционной точки зрения, закрепление механизмов положительного подкрепления физического усилия является необходимым условием выживания, поскольку двигательная активность, направленная на преследование добычи или избегание опасности, не должна сопровождаться исключительно негативными сенсорными последствиями. В настоящей работе представлен детальный анализ нейрорхимических каскадов, лежащих в основе гедонического эффекта физической нагрузки, с особым акцентом на количественные изменения концентраций ключевых гормонов и нейромедиаторов.

Цель исследования заключается в проведении комплексного теоретического анализа и систематизации психофизиологических механизмов, лежащих в основе возникновения гедонического эффекта при выполнении физической нагрузки. Исследование направлено на выявление роли и иерархического взаимодействия ключевых нейромедиаторных систем (опиоидной, дофаминергической, серотонинергической, ГАМКергической), а также нейротрофического фактора мозга (BDNF) в формировании феноменов аналгезии, эмоционального подъема и редукции тревожности, индуцированных мышечной деятельностью.

Активация гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (НРА) как триггер последующего подкрепления. Центральным звеном нейроэндокринного ответа на физическую нагрузку выступает гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось (НРА), активация которой происходит при достижении интенсивности работы, превышающей порог 60% от максимального потребления кислорода (VO_{2max}). На данном этапе организм переходит в состояние мобилизации функциональных резервов, что сопровождается выраженными сдвигами в концентрации стресс-реализующих гормонов. Согласно данным, обобщенным Salmon (2001), концентрация кортизола в плазме крови возрастает в 2–3 раза относительно базальных значений, достигая

максимальных величин спустя 20–30 минут после начала интенсивной работы [1]. Параллельно с этим в синаптической щели вегетативной нервной системы наблюдается увеличение концентрации норадреналина на 100–150% от исходного уровня. Данный катехоламиновый ответ обеспечивает вазоконстрикцию в сосудах работающих мышц, усиление сердечной деятельности и повышение систолического артериального давления, что в совокупности обеспечивает приоритетное кровоснабжение тканей, вовлеченных в выполнение физической работы.

Согласно теории эустресса Г. Селье, описанная реакция не является проявлением патологического дистресса, а представляет собой состояние «мобилизационной готовности», создающее необходимые предпосылки для последующей активации систем внутреннего подкрепления. Без предварительной активации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и каскада стресс-гормонов последующее включение механизмов положительного подкрепления было бы существенно ослаблено или невозможно в принципе.

Эндогенная опиоидная анальгезия и феномен «эйфории бегуна». Ключевая роль в подавлении болевых сигналов при длительной циклической работе продолжительностью более 30 минут отводится эндогенным опиоидным пептидам, в первую очередь β -эндорфину и мет-энкефалину. Данные вещества являются эндогенными лигандами опиоидных рецепторов и обуславливают возникновение феномена «эйфории бегуна» (runner's high) — состояния, характеризующегося снижением тревожности, повышением настроения и субъективным ощущением благополучия на фоне продолжительной аэробной нагрузки.

Исследования Воескер с соавторами (2008), выполненные с применением позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ) и специфического лиганда [^{18}F]FDPN, позволили визуализировать процесс связывания эндогенных опиоидов с μ -рецепторами в структурах головного мозга, ассоциированных с обработкой эмоционально-аффективного компонента боли [2]. Установлено, что длительная беговая нагрузка вызывает значительное увеличение связывания эндогенных опиоидов в передней поясной коре, островке Рейля и таламусе. Количественный анализ демонстрирует, что если в состоянии покоя уровень β -эндорфина в периферической крови находится в диапазоне 1–5 пмоль/л, то после 45–60 минут непрерывного бега данный показатель возрастает до 10–20 пмоль/л. Достижение указанной пороговой концентрации коррелирует ($r = 0.67\text{--}0.81$, $p < 0.01$) с субъективным снижением интенсивности мышечной боли при оценке по визуальной аналоговой шкале.

Дофаминергическая модуляция: мезолимбический путь и предвосхищение награды. Помимо опиоидной анальгезии, существенный вклад в формирование гедонического эффекта физической нагрузки вносит активация дофаминергической

системы, в частности мезолимбического пути, традиционно рассматриваемого в качестве нейроанатомического субстрата системы вознаграждения. Данный путь активируется при воздействии естественных подкрепляющих стимулов, включая прием пищи, социальное взаимодействие, а также при употреблении психоактивных веществ. Физическая нагрузка представляет собой один из наиболее мощных и физиологичных естественных стимуляторов данной системы.

Нейровизуализационные исследования с применением ПЭТ и лиганда [¹¹C]раклоприда (Wang, Volkow et al., 2000) продемонстрировали, что аэробная нагрузка продолжительностью 30 минут в умеренном темпе приводит к значимому снижению связывания дофамина с D2-рецепторами в полосатом теле (стриатуме) [3]. Снижение связывания лиганда с рецептором в данном случае является индикатором повышения внеклеточной концентрации эндогенного дофамина, который конкурентно вытесняет радиоактивную метку с рецепторов. У испытуемых, выполнявших нагрузку, доступность D2-рецепторов снижалась приблизительно на 12% по сравнению с состоянием покоя. По оценкам исследователей, такое изменение эквивалентно повышению синаптической концентрации дофамина на 60–70% от эффекта, вызываемого психостимуляторами в низких дозах. Молекулярный механизм данного явления связан со способностью физической нагрузки активировать экспрессию гена тирозингидроксилазы — фермента, лимитирующего скорость синтеза дофамина в нейронах вентральной области покрышки (VTA).

Серотонинергический механизм и снижение тревожности: кинурениновая гипотеза. Регулярная физическая активность обладает выраженным антидепрессивным и анксиолитическим действием. Мета-анализы демонстрируют, что спустя 8 недель регулярных занятий спортом выраженность симптомов депрессии по шкале Гамильтона снижается на 30–40%. Длительное время данный эффект объяснялся повышением доступности аминокислоты триптофана для синтеза серотонина. Современные исследования предлагают более детальное объяснение, известное как «кинурениновая гипотеза».

Смысл гипотезы заключается в переключении метаболического пути утилизации триптофана под влиянием физической нагрузки. В условиях хронического системного воспаления низкой интенсивности, характерного для гиподинамии и метаболического синдрома, до 95% триптофана направляется по кинурениновому пути. Данный альтернативный путь метаболизма приводит к образованию метаболитов, включая 3-гидроксикинуренин и хинолиновую кислоту, обладающих нейротоксическими свойствами и усугубляющих тревожно-депрессивную симптоматику.

Физическая нагрузка оказывает модулирующее воздействие на данный процесс. Согласно обобщающему обзору Salmon (2001), сокращающиеся скелетные мышцы в

процессе работы активно экспрессируют и секретируют в кровоток фермент кинуренин-аминотрансферазу [1]. Данный фермент, проникая в центральную нервную систему, катализирует превращение нейротоксического 3-гидроксикинуренина в нейропротекторную кинурениновую кислоту. В результате физическая нагрузка не только снижает конкурентное потребление триптофана альтернативным метаболическим путем, но и способствует элиминации нейротоксических соединений из ткани мозга. Как следствие, концентрация свободного триптофана, доступного для синтеза серотонина, возрастает на 20–35% уже спустя 60 минут после завершения нагрузки.

ГАМКергическое торможение и когнитивная релаксация. Субъективное ощущение снижения интенсивности когнитивных процессов и внутреннего диалога после высокоинтенсивной интервальной тренировки (при частоте сердечных сокращений 80–90% от HRmax) связано с накоплением гамма-аминомасляной кислоты (ГАМК) — основного тормозного нейромедиатора центральной нервной системы — в таламусе и префронтальной коре. Данные структуры играют ключевую роль в сенсорной фильтрации и регуляции внимания.

Экспериментальные исследования, выполненные методом микродиализа на животных моделях, свидетельствуют о том, что через 20 минут принудительного бега на тредбане внеклеточная концентрация ГАМК в базальных ганглиях возрастает на 40–50% относительно исходного уровня. Повышение ГАМКергического тонуса приводит к смещению соотношения ГАМК/глутамат в сторону преобладания тормозных процессов. Данный сдвиг сопровождается снижением общей возбудимости нейронных ансамблей, уменьшением избыточной активности в корково-подкорковых петлях обратной связи и купированием руминаций — навязчивых циркулирующих негативных мыслей, являющихся одним из центральных симптомов тревожных расстройств.

Нейротрофический фактор мозга (BDNF) как механизм долгосрочной пластичности. В отличие от описанных выше механизмов, носящих преимущественно острый и транзиторный характер, нейротрофический фактор мозга (BDNF) обеспечивает долгосрочные структурно-функциональные перестройки нервной ткани, лежащие в основе устойчивых изменений психоэмоционального состояния и когнитивных функций. В сравнении с быстрыми нейромедиаторными сдвигами, эффект BDNF является отсроченным и пролонгированным: его концентрация в плазме крови начинает увеличиваться спустя 2–6 часов после окончания тренировки и сохраняется на повышенном уровне в течение 24–48 часов, создавая благоприятный фон для реализации нейропластических процессов.

Согласно данным, обобщенным в мета-анализе Vaynman и Gomez-Pinilla (2005), однократная физическая нагрузка у лабораторных животных повышает уровень

матричной РНК BDNF в гиппокампе в 2–3 раза [4]. У человека после 30 минут интенсивной велоэргометрии сывороточная концентрация BDNF возрастает с базальных ~15 нг/мл до 25–35 нг/мл. Связывание BDNF с высокоаффинным рецептором TrkB инициирует внутриклеточные сигнальные каскады MAPK/ERK и PI3K/Akt, которые, в свою очередь, стимулируют синаптогенез, повышают выживаемость существующих нейронов и активируют нейрогенез в зубчатой извилине гиппокампа. Учитывая, что хроническое снижение уровня BDNF рассматривается в качестве биомаркера депрессивных и тревожных расстройств, регулярная физическая активность, нормализующая и повышающая синтез данного нейротрофина, выступает в качестве инструмента долгосрочной нейропротекции и стабилизации психоэмоционального состояния.

Заключение. Феномен возникновения удовольствия при физической активности не является субъективным артефактом, а представляет собой строго детерминированное и многократно верифицированное нейрохимическое событие. Совокупность последовательно активирующихся нейромедиаторных систем обеспечивает трансформацию метаболического напряжения и утомления в источник положительного подкрепления. Данный процесс объективируется через каскад взаимосвязанных событий: (1) опиоидную анальгезию с повышением уровня β -эндорфина от 5 до 20 пмоль/л; (2) дофаминергическую активацию мезолимбического пути, отражающуюся в снижении связывания D2-рецепторов приблизительно на 12%; (3) переключение метаболизма триптофана с нейротоксического кинуренинового пути на серотониновый; (4) ГАМК-зависимое торможение таламокортикальных петель; (5) нейропластические эффекты BDNF, обеспечивающие долгосрочные изменения функционального состояния центральной нервной системы. Описанный многоуровневый нейрохимический каскад является эволюционно закрепленным механизмом положительного подкрепления физического усилия, необходимого для выживания и адаптации организма.

References

1. Salmon, P. Effects of physical exercise on anxiety, depression, and sensitivity to stress: a unifying theory / P. Salmon // *Clinical Psychology Review*. – 2001. – Vol. 21, № 1. – P. 33–61. – DOI: 10.1016/S0272-7358(99)00032-X.
2. Boecker, H. The runner's high: opioidergic mechanisms in the human brain / H. Boecker, T. Sprenger, M. E. Spilker [et al.] // *Cerebral Cortex*. – 2008. – Vol. 18, № 11. – P. 2523–2531. – DOI: 10.1093/cercor/bhn013.
3. Wang, G.-J. PET studies of the effects of aerobic exercise on human striatal dopamine release / G.-J. Wang, N. D. Volkow, J. S. Fowler [et al.] // *Journal of Nuclear*

Medicine. – 2000. – Vol. 41, № 8. – P. 1352–1356. – URL:
<https://jnm.snmjournals.org/content/41/8/1352.long>

4. Vaynman, S. License to run: exercise impacts functional plasticity in the intact and injured central nervous system by using neurotrophins / S. Vaynman, F. Gomez-Pinilla // Neurorehabilitation and Neural Repair. – 2005. – Vol. 19, № 4. – P. 283–295. – DOI: 10.1177/1545968305280753.

UDC 316.6

Kuleshova I.N., Minnikov V.K. Socio-psychological features of vulnerable voters (based on expert research)

Социально-психологические особенности жертв телефонного мошенничества (по результатам экспертной деятельности)

Kuleshova Inna Nikolaevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Kherson Technical University, Russia, Genichesk

Minnikov Vadim Konstantinovich

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Kherson Technical University, Russia, Genichesk

Кулешова Инна Николаевна

кандидат психологических наук, доцент. Херсонский технический университет, РФ, г. Геническ

Минников Вадим Константинович

кандидат психологических наук, доцент. Херсонский технический университет, РФ, г. Геническ

Abstract. *The purpose of this work is to summarize the empirical experience of conducting forensic examinations and non-judicial studies of victims of telephone scammers. The article identifies trends related to the personal and social backgrounds of victims' victimization behavior. It presents the main communication techniques used by individuals engaged in criminal activities. The article also examines the emotional states of victims that contribute to their involvement in fraudulent scenarios.*

Keywords: *forensic examination; telephone fraud; personality traits; victim behavior; victim; psychological influence; personality traits; mental states.*

Аннотация. *Цель работы – обобщение эмпирического опыта проведения судебных экспертиз и внесудебных исследований жертв телефонных мошенников. Определение тенденций, связанных с личностными и социальными предпосылками виктимного поведения жертв. Приведены основные коммуникативные приемы, используемые лицами, совершающими преступные действия. Рассмотрены эмоциональные состояния жертв, способствующие вовлечению их в мошеннические сценарии.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза; телефонное мошенничество; личностные особенности; виктимное поведение; жертва; психологическое воздействие; личностные особенности; психические состояния.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Последние годы происходит лавинообразный рост преступлений с использованием IP-телефонии, которую криминалитет использует для мимикрии под государственные институты, муниципальные органы или коммерческие организации, оказывающие различные услуги населению. Реализуемые сюжеты различны, но в большинстве случаев они неизменно сводятся к попыткам овладеть персональными данными, с помощью которых получить доступ либо к банковским счетам граждан, либо к их личному кабинету портала Госуслуг, после чего шантажировать жертву тем, что она,

якобы, действует в интересах спецслужб недружественной страны, чаще всего это Украина. После чего человека «ведут», реализуя сценарный план, добиваясь его полной управляемости и получая, в итоге, от него денежные средства, недвижимость или выполнение действий противоправного характера. Так, в частности, распространены звонки от фейковых «сотрудников правоохранительных органов», «Центробанка», «коммерческого банка», «оператора телефонной связи», «военкомата», «организации, обслуживающей домофоны», «поликлиники», «пенсионного фонда», «учреждения социальной защиты населения», «администрации муниципалитета», «органов госбезопасности и контрразведки». В результате, попавшие под преступное влияние граждане или сами становятся жертвами, или совершают противозаконные действия, среди которых случались: передача сведений, относящихся к государственной тайне, слежение за передвижениями воинских формирований и спецтехники, местами дислокации воинских частей, подготовка и совершение актов вандализма (порча объектов культурного наследия, памятников историческим фигурам), поджоги военкоматов, силовых шкафов и ящиков с железнодорожной автоматикой и т. д. И если в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления, проводятся однородные или комплексные судебные экспертизы, то при расследовании дел пострадавших от мошеннических действий практика назначения экспертиз (или исследований по запросу адвоката) как на этапе дознания, так и следствия, не получила распространенной практики, позволяющей судить о системности применения этой процедуры.

Психологических исследований феноменологии следования убеждающему воздействию телефонных мошенников в настоящее время крайне немного. Среди наиболее предметных работ можно отметить результаты исследования связи психологических характеристик личности с поведением при взаимодействии с телефонными мошенниками, мимикрирующих под сотрудников банка, представленные в статье Н.В.Мешковой, В.Т.Кудрявцева, С.Н.Ениколопова. Авторами установлено, что страх потери имеющегося превалирует над стремлением к обогащению [1, с. 139]. Также подтверждено, что подверженность телефонной манипуляции связана с чертами «Большой пятерки», «Сотрудничеством», низкой добросовестностью, повышенным наивным оптимизмом, ценностью безопасности [1, с. 144-145]. Некоторые личностные особенности жертв мошенничества с использованием телефона исследованы О.Н.Первушиной и А.А.Федоровым. Они обосновали и разработали предсказательную модель, однако указали, что она обладает низкой чувствительностью, поэтому выявленные личностные особенности, способствующие росту рисков быть обманутыми, не могут с достаточной степенью необходимости выступать предикторами «попадания в ловушку» мошенников. Тем не менее, авторы установили тенденцию того, что жертвы

вишинга более доброжелательны, менее эмоционально стабильны, имеют повышенную внушаемость [6, с. 101]. А.С.Камко в типологии лиц, совершивших преступление с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей выделил группу «Случайных», к которым отнес тех, кто был втянут в незаконную деятельность без осознания факта правонарушения в своих действиях либо заведомо введен в заблуждение [3, с. 5]. Ф.С.Сафуанов, О.Ф.Савина, М.В.Морозова, Ю.О.Переpravина, характеризуя психологическое состояние жертв преступников, использующих сотовую связь (IP-телефонию), отмечают основные принципы манипулирования сознанием и поведением потерпевших: апелляция к значимым ценностям и мотивам, учет индивидуально-психологических особенностей жертвы, закрытия коммуникации от воздействий извне для формирования зависимого поведения. Психологическое состояние жертв характеризуется наличием заблуждения (в большинстве случаев добросовестного — авт.), основанное на ошибочном смысловом восприятии ситуации и ее оценки, произошедшие в результате манипулятивного воздействия преступников [5, с. 15]. В исследовании Зотиной Е.В. приводится модель преступного поведения мошенника, способствующая активизации виктимного поведения жертвы, следования им убеждающему воздействию. Она основана на манипулятивном психолого-речевом воздействии. При этом применяется совокупность речевых средств, направленных на эскалацию состояния испуга, беспокойства, напряжения. При реализации преступного алгоритма используются криминальные тактики и приемы: ложная идентификация, самопрезентация, запугивание, дестабилизации жертвы, апелляции к образам и символам, вызывающим доверие, эмоциональное нагнетание ситуации, удержание и сосредоточение внимания [2, с. 16]. Д.А.Колодкина, Н.В.Дворянчиков, К.Н.Дворянчикова установили специфические психологические особенности жертв телефонного мошенничества. В частности, в ценностной иерархии у них преобладают традиционные, семейные ценности. Им свойственно гиперсоциальное виктимное поведение. Способом частого разрешения стрессовых ситуаций жертвами является активный копинг, а субъекты обладают высоким уровнем склонности к некритичному виктимному поведению [4, с. 149].

Практический опыт проведения судебных экспертиз и внесудебных исследований по запросу адвокатов, представляющих интересы жертвы телефонных мошенников, позволил выявить ряд тенденций, для надежного подтверждения которых требуется проводимый авторами сбор эмпирических данных, приемлемых для статистического их подтверждения. Тем не менее, уже сейчас, соотнося имеющийся эмпирический материал с современными публикациями ученых, можно отметить определенную общность психических состояний и обстоятельств, как средовых, так и внутренних,

способствующих успешности преступных посягательств на лиц, использующих мобильную связь.

Целью данной работы стало выявление психологических особенностей жертв телефонного мошенничества, специфики их виктимного поведения, а также условий, способствующих этому, из реальной практики проведения судебных экспертиз и внесудебных исследований, в период с 2021 по 2026 год. Эмпирическая база включает 56 человек в возрасте от 29 до 52 лет.

Объектом исследования выступает психическая деятельность потерпевших в юридически значимой ситуации.

Предмет – закономерности и особенности протекания психической деятельности потерпевших, имеющие юридическое значение.

В качестве основных методов и методик, применяемых в исследованиях, используются:

1. Метод тестирования:

1) Многофакторный личностный опросник 16PF (адаптация А.Н.Капустина);

2) Методика «Опросник психологической устойчивости к стрессу (ОПУС)» (Е.В.Распопин);

3) «Опросник невротической личности, KON-2006» (J.Aleksandrowicz, адаптация П.К.Тромбчиньски);

4) Многоуровневый опросник МЛО-АМ (А.Г.Маклаков, С.В.Чермянин);

5) Опросник травматического стресса, ОТС (И.О.Котенев);

6) Опросник симптомов и глубины депрессии, ОСГД (Е.В.Распопин);

7) Пятифакторный личностный опросник для МКБ-11, FfiCD (J.Oltmanns, T.Widiger, адаптация Д.В.Самылкин);

8) Методики диагностики внушаемости, пробы на суггестивность;

2. Методы «Структурированная беседа», «Неструктурированная беседа» направленные на сбор анамнестических и ретроспективных данных.

3. Метод наблюдения за вербальным и невербальным поведением (включенное и стороннее).

Изучение социальной ситуации жертв телефонного мошенничества и исследование психологических предикторов их виктимного поведения позволили выявить определенные тенденции, часть которых соотносится с результатами исследований авторов, приведенных ранее. Чтобы наиболее отчетливо их характеризовать, приведем два самых типичных примера из реальной экспертной практики.

Пример 1. Потерпевший Н. Мужчина 30 лет. Электрик, сварщик. Женат, детей нет. Находился на работе вахтенного типа, наблюдались проблемы с интернетом. Поступил звонок с логотипом оператора мобильной связи, специалист сообщил об окончании действия договора. Н. поверил, посмотрел содержание пришедшего СМС, продиктовал код, имеющийся в сообщении. Затем пришли уведомления с портала Госуслуг об их взломе. Н. запаниковал, позвонил в службу поддержки, ссылка на которую также пришла в СМС. Впоследствии оказалось, что этот номер принадлежит преступникам. Н. связали со специалистом, который должен помочь избежать негативных последствий. По указанию «оператора» написал некое заявление. Специалист предлагал приехать в офис, но Н. отказался, поверил на слово. В мессенджере ему прислали сканированные документы с печатями. На вопрос, как избежать последствий взлома, ему сообщили, что надо взять кредиты, которые сразу аннулируются, а деньги возвратятся. Ссылались на Центробанк и его нормативную базу. Затем связались по видеосвязи, во время которой Н. подтвердил свою личность. В первый день он оформил кредит в одном банке, затем - в другом. На следующий день еще один. После чего отправил средства на указанные куратором реквизиты. Ему сообщили, что немедленно вышлют все необходимые документы почтой России. Мужчина ожидал поступления денег, но связь прервалась. Только через два дня потерпевший понял, что стал жертвой мошенников. В беседе установлено, что Н. недавно похоронил близких людей: отца, бабушку. До сих пор переживает. Во время взаимодействия с преступниками боялся, что может совершить противоправные действия, о чем ему постоянно сообщали мошенники. Непосредственно перед первым взаимодействием находился в возбужденном состоянии, так как переживал за своевременность и качество сдачи работы. Ранее представления о подобных ситуациях имел, слышал о них, относился негативно, осуждал. Свое состояние на момент событий описывает как доверчивость, тревогу и панику. На момент исследования испытывает тревогу, появилась бессонница, теряет вес. Таким образом, Н. на момент совершения в его отношении преступления находился в состоянии латентного стресса, связанного с произошедшей ранее утратой близких родственников. Кроме того, в момент начала совершения преступления, несмотря на сформированность полной, согласованной, компактной установки на подобные противоправные действия со стороны кого бы то ни было, мужчина имел сниженное внимание и волевой контроль в силу сосредоточения на действиях, связанных с выполнением профессиональных обязанностей, а также в результате действия защитных механизмов психики, как реакцию на стрессогенные факторы жизнедеятельности, последствия которых не преодолены до настоящего времени. Поэтому он не смог своевременно рационально-критично оценить предметное

содержание возникших обстоятельств криминогенного характера, связанных с ними рисков, а значит, адекватно опасности реагировать на нее, проявлять не просто поведенческую активность рефлексивного типа, а осуществлять деятельность (как осознанную активность, наделенную целеполаганием и регулируемую волевым усилием), направленную на самосохранение, избегание опасности и потенциальных угроз. Кроме того, благодаря наличию базового доверия к государственным институтам, у него сформировалось ситуативное доверие к лицам, осуществляющим преступные действия, поскольку они выступали от имени государственных органов, предоставляли доказательства в виде квалифицированной цифровой подписи, использовали методы и приемы убеждающего воздействия, имеющие манипулятивную природу, учитывающие особенности психики человека, эксплуатируя потребности, в том числе базовые (потребность в безопасности), потребность соответствовать социальным институциональным нормам. В ходе исследования у Н. выявлены следующие психологические особенности: амбивертный тип личности. Уровень внушаемости выше среднего. Сниженный уровень стрессоустойчивости. Недостаточная устойчивость позитивной самооценки личности в противовес тенденции к стрессогенной неудовлетворенности параметрами своей «Я-концепции». Сниженная устойчивость к ситуациям неопределённости, неизвестности, дефицита личностно - значимой информации. Низкая устойчивость к ситуациям лимита и дефицита времени. Низкий уровень готовности к интенсивным информационным и умственным нагрузкам. Слабая готовность к воздействию физических факторов внешней среды (шум, температурные воздействия и т. п.) и к физическим нагрузкам в целом. Низкая адаптивность к экстремальным условиям деятельности, связанным с потенциально высокой степенью риска. Сниженный потенциал готовности к трудностям, препятствиям и ограничениям, возникающим в повседневных жизненных ситуациях. Низкий уровень устойчивости к неожиданным, непредсказуемым событиям, нарушающим процесс планирования и осуществления какой-либо деятельности. Недостаточная готовность к ситуациям, стрессогенность которых определяется и усиливается продолжительным, повторяющимся либо хроническим характером стресса. Относится к группе лиц с заниженной адаптацией. Она имеет признаки наличия акцентуаций характера, а психическое состояние можно охарактеризовать как пограничное. Обладает сниженной нервно-психической устойчивостью. Сниженный уровень поведенческой регуляции, определенная склонность к нервно-психическим срывам, затруднения в формировании адекватной самооценки и адекватного восприятия действительности. Снижен уровень коммуникативности, имеются затруднения в построении контактов с окружающими. Снижен уровень социализации, ролевое самоопределение в группе

затруднено. Выражены признаки отсутствия ощущения внутренней гармонии и психологического комфорта. Тенденция к астеноневротическому типу реагирования. Склонность к социальной пассивности, подчиняемости. Недостаточное самообладание в ходе межперсональных конфликтов. Тенденция к сниженному фону настроения, неуверенности в своих силах, тревоге, повышенном чувстве вины, ослаблении волевого контроля. Признаки излишней сензитивности. Низкая толерантность к психическим и физическим нагрузкам. Неспособность быстро принимать самостоятельные решения. При неудачах — склонность впадать в отчаяние. Склонность к ригидной системе в подходе к решению различных жизненных проблем, медленной смене настроения, постепенному накапливанию аффекта. Конкретность мышления, высокая детализации и педантизм. Частые сомнения в правильности выбора решения и поставленных целей. Тенденция к тщательной перепроверке своих поступков и проделанной работы. Повышенное чувство вины за неудачи и ошибки, мнительность, неуверенность в себе. Высокий показатель виктимности. Несмотря на наличие определенных знаний и представлений о рисках правового характера, имеющих в социальном пространстве, свойственна внутренняя предрасположенность действовать определенными, ведущими в индивидуальном профиле способами, такими как стремление к необдуманному действию спонтанного характера. Преобладающая модель виктимного поведения — инициативного характера. Ориентация на жертвенное поведение, социально одобряемое и ожидаемое. Свойственны типичные параметры данного типа виктимности, а именно: критичность к нарушениям общественного порядка, противоправным действиям, нарушениям институциональных норм, принципиальность, доброта, что является специфической мишенью манипулятивного воздействия.

Пример 2. Женщина И. 41 год. Образование средне - специальное. Была замужем, двое сыновей. Два года назад муж умер. После него остался бизнес, которым пришлось заниматься самостоятельно. Переживает чувство одиночества, несправедливости. После потери мужа на фоне переживаний появилась аллергия и потеря голоса при волнении. У одного из сыновей серьезное органическое заболевание, несущее риски инвалидности и даже выживания. Приходится постоянно возить на лечение, консультации, обследования. Суть дела: неустановленные лица под предлогом противодействия посягательству мошенников на автомобили, находящиеся в собственности И., путем обмана и злоупотребления доверием завладели ее имуществом, чем причинили материальный ущерб в особо крупном размере. Показания И. об обстоятельствах совершения преступления свидетельствуют о ее нестандартных, необычных поступках в указанный период времени. Злоумышленники обманули на два внедорожника, находящихся в ее собственности. Ранее, после смерти мужа

неустановленные злоумышленники проникли на территорию их владения. Несмотря на запись с камер видеонаблюдения и поданное в полицию заявление, установить их личность не удалось, дело было списано в номенклатурное. После этого появились страхи, что основа кто-то проникнет домой. В момент совершения в ее отношении преступления переживала смерть мужа и тяжелое заболевание сына. В момент первого звонка злоумышленников совершала покупки в магазине, отвечала «на автомате», не вникала в суть происходящего. Все происходило очень все быстро. Ретроспективный анализ ситуации позволяет заключить, что И. на момент совершения в ее отношении преступления находилась в продолжительной по времени (4-й, по градации Кюблер-Росс) стадии переживания горя, связанного с потерей мужа. Кроме того, она одновременно испытывала сильные эмоциональные переживания по поводу серьезной болезни сына, которому позже в силу ухудшения соматического состояния была установлена инвалидность. Она находилась в депрессивном состоянии, сопровождающееся ощущением опустошенности, безысходности, вызванные пониманием необратимости данной ситуации и отсутствием путей её разрешения в нужную сторону. Факт утраты близкого уже не опровергался, но пути «решения» еще не нашлись, а обвинение других не имело смысла, поскольку это ничего не изменит, в связи с чем она функционировала в психологически-болезненной действительности. Несмотря на сформированность на момент совершения преступления в ее отношении полной, мономодальной, компактной установки на подобные противоправные действия со стороны кого бы то ни было, И. имела сниженный волевой контроль поведения в силу усиления защитных механизмов психики, как реакцию на стрессогенные условия жизнедеятельности. По показаниям врача принимала лекарственные средства, относящихся к категории антидепрессантов. В нестандартной ситуации не смогла подвергнуть рациональному анализу сложившуюся ситуацию, действовала пассивно, ведомо, не проявляла субъектность, критичность. В настоящее время чувствует вину. После этого события начали отказывать ноги. По итогам психологического исследования амбивертный тип личности. Сниженный уровень стрессоустойчивости. Недостаточная устойчивость позитивной самооценки личности в противовес тенденции к стрессогенной неудовлетворенности параметрами своей «Я-концепции». Сниженная устойчивость к ситуациям неопределённости, неизвестности, дефицита личностно значимой информации. Низкая устойчивость к ситуациям лимита и дефицита времени. Низкий уровень готовности к интенсивным информационным и умственным нагрузкам. Слабая готовность к воздействию физических факторов внешней среды (шум, температурные воздействия и т. п.) и к физическим нагрузкам в целом. Низкая адаптивность к экстремальным условиям деятельности, связанным с потенциально

высокой степенью риска. Сниженный потенциал готовности к трудностям, препятствиям и ограничениям, возникающим в повседневных жизненных ситуациях. Низкий уровень устойчивости к неожиданным, непредсказуемым событиям, нарушающим процесс планирования и осуществления какой-либо деятельности. Недостаточная готовность к ситуациям, стрессогенность которых определяется и усиливается продолжительным, повторяющимся либо хроническим характером стресса. относится к группе лиц с заниженной адаптацией. Она имеет признаки наличия акцентуаций характера, а психическое состояние можно охарактеризовать как пограничное. Процесс адаптации протекает тяжело. Обладает сниженной нервно-психической устойчивостью, возможен риск конфликтного поведения. Сниженный уровень поведенческой регуляции, определенная склонность к нервно-психическим срывам, затруднения в формировании адекватной самооценки и адекватного восприятия действительности. Низкая коммуникативность, имеются затруднения в построении контактов с окружающими. Снижен уровень социализации, ролевое самоопределение в группе затруднено. Выражены признаки отсутствия ощущения внутренней гармонии и психологического комфорта. Тенденция к астеноневротическому типу реагирования. Склонность к социальной пассивности, подчиняемости. Медленная адаптация. Плохая переносимость смены обстановки. Недостаточное самообладание в ходе межперсональных конфликтов. Тенденция к снижению фону настроения, неуверенности в своих силах, тревоге, повышенном чувстве вины, ослаблении волевого контроля. Признаки излишней сензитивности, обидчивость. Низкая толерантность к психическим и физическим нагрузкам. Неспособность быстро принимать самостоятельные решения. При неудачах — склонность впасть в отчаяние. Склонность к ригидной системе в подходе к решению различных жизненных проблем, медленной смене настроения, постепенному накоплению аффекта. Конкретность мышления, высокая детализации и педантизм. Характерна излишняя тревожность по любым причинам, нерешительность и боязливость в принятии решений. Частые сомнения в правильности выбора решения и поставленных целей. Тенденция к тщательной перепроверке своих поступков и проделанной работы. Повышенное чувство вины за неудачи и ошибки, мнительность, неуверенность в себе. Высокий показатель виктимности. Несмотря на наличие определенных знаний и представлений о рисках правового характера, имеющих в социальном пространстве, свойственна внутренняя предрасположенность действовать определенными, ведущими в индивидуальном профиле способами, такими как стремление к необдуманному действию спонтанного характера. Преобладающая модель виктимного поведения — инициативного характера. Это ориентация на жертвенное поведение, социально одобряемое и зачастую ожидаемое. Свойственны

типичные параметры данного типа виктимности, а именно: критичность к нарушениям общественного порядка, противоправным действиям, нарушениям институциональных норм, принципиальность, доброта, что является мишенью манипулятивного воздействия. Испытывает чувство перегрузки, чрезмерного нервно-психического напряжения, демобилизирующую психическую активность характера. Свойственны высокая импульсивность поведения наряду с постреактивным неприятием (осуждением) таких реакций. В зоне риска находится показатель чувства одиночества. Это длительное чувство, имеющее колебания в интенсивности в зависимости от жизненных обстоятельств, но не прекращающееся несколько лет, связанное с перенесенной психотравмой после смерти мужа. На момент обследования выявляется чувство базового недоверия к другим людям, чувство непонимания и манипулятивного использования другими людьми, в этой связи формируется неуверенность в жизненном целеполагании, сниженная социальная мотивация и социальная адаптивность. Указанные тенденции — результат переживания дистресса, связанного с длящимися во времени психотравмирующими жизненными обстоятельствами (потеря мужа, болезнь ребенка, личная жизнь, утрата имущества, переживания страха за себя и детей, переживания чувства «жертвы»). Имеются признаки экзогенной депрессии. Уровень внушаемости выше среднего.

Эти примеры достаточно ярко характеризуют как обстоятельства, сложившиеся в результате жизненной ситуации жертв, так и некоей общности их психологических особенностей. Отметим, что с разной степенью выраженности и качественным своеобразием, эти качества и социальная ситуация были присущи практически всем жертвам телефонных преступников.

В частности, наличие сложной жизненной ситуации (смерть близкого человека и переживание горя, деструкция семейных отношений, переживание возрастного и связанного с ним экзистенциального кризиса, необходимость ухода за больным родственником или ребенком, имеющим жизненные риски по медицинским показателям, потеря работы и глобальные финансовые трудности). Также огромное значение имеет сопутствующее чувство эмоциональной перегрузки, нервно-психического напряжения, акцентированной сосредоточенности либо на собственных переживаниях, либо на концентрированном поиске путей преодоления ситуации. Им, в основном, свойственна повышенная виктимность различного характера. Сниженная в силу обстоятельств критичность и способность концентрировать внимание на внезапно возникшие обстоятельства. При этом абсолютное большинство жертв имеют просоциальную направленность, институциональность, у них сформированы установки на сохранение законности и правопорядка. Такие лица информированы о рисках

реализации подобных противоправных сценариев, но в силу недостаточной сформированности готовности быстро адаптироваться к таким вызовам и стрессогенным ситуациям, особенно растянутым во времени и подчиненным сценарному плану преступников, оказываются неспособны опереться на когнитивную составляющую анализа ситуации, особенно с учетом того, что со стороны злоумышленников используется комплекс манипулятивных приемов психологического воздействия с целью достижения собственных целей и обмана, в частности, присоединение — для формирования чувства общности, использование подкрепления, что повышает зачастую сниженную самооценку жертвы, мнимое проявление заботы, дополнительно усиленное подчеркиванием исключительности, прямой шантаж, рассчитанный на формирование у жертвы страха, подчиненности, снижение волевого потенциала, «ссылка на авторитет», что для жертв, с учетом их характерологических особенностей, включающих институциональность, готовность следовать правовым нормам, доверие к государственным институтам поддержания законности и правопорядка, является мотивирующим фактором, апелляцией к базовой потребности человека в безопасности. Также жертвы оказываются подвержены влиянию манипулятивно - психотерапевтических приемов в виде «эмоциональных поглаживаний», аффирмаций, которые преступники используют для подкрепления нужного поведения и удержания жертвы в поле влияния.

References

1. Ениколопов, С.Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества /Мешкова Н.В., В.Т.Кудрявцев, С.Н.Ениколопов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. N1. С. 139.
2. Зотина, Е.В. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.4 / Е.В.Зотина. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Казань. 2024. С.16.
3. Камко, А.С. Предупреждение мошенничества с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / А.С.Камко. Красноярск: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». 2020. С.5.
4. Колодкина, Д.А. Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения жертв телефонного мошенничества / Д.А.Колодкина, Н.В.Дворянчиков, К.Н.Дворянчикова. 2025. Том 15. № 2. С. 149.

5. Сафуанов, Ф.С. Предметные виды судебно-психологической экспертизы, назначаемые в связи с телефонным мошенничеством / Ф.С.Сафуанов, О.Ф.Савина, М.В.Морозова, Ю.О.Переpravина. М.: Теория и практика судебной экспертизы. 2024. С.15.

6. Федоров, А.А. Личностные особенности жертв телефонного мошенничества / О.Н.Первушина, А.А.Фёдоров \ \ Вопросы психологии. 2022. Т. 68. №3. С.101.

UDC 159.922

Rogozhina O.A., Rodionov A.V. Features of the emotional-volitional sphere in adolescents

Особенности эмоционально-волевой сферы у подростков

Rogozhina Oksana Anatolyevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Clinical Psychology
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Stavropol State Medical University"
Ministry of Health of the Russian Federation
(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Stavropol State Medical
University of the Ministry of Health of the Russian Federation)

Rodionov Andrey Vasilyevich

Second-year student
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Stavropol State Medical University"
Ministry of Health of the Russian Federation
(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Stavropol State Medical
University of the Ministry of Health of the Russian Federation),
specializing in Clinical Psychology
Рогожина Оксана Анатольевна
Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры клинической психологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования "Ставропольский государственный медицинский университет"
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ФГБОУ ВО СтГМУ Минздрава России)
Родионов Андрей Васильевич
Студент 2-го курса
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования "Ставропольский государственный медицинский университет"
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ФГБОУ ВО СтГМУ Минздрава России),
специальность Клиническая психология

Abstract. The article presents an empirical study of the emotional-volitional sphere in adolescents aged 15–16, with a focus on identifying gender differences. The relevance of the study is determined by the growing psycho-emotional distress among modern adolescents and the insufficient knowledge of the gender-specific features of emotional-volitional regulation during this period. The aim of the study is to identify the characteristics of the emotional-volitional sphere in adolescents and to determine the presence of differences in its manifestations between girls and boys. The study involved 50 ninth-grade students (25 girls and 25 boys, aged 15–16). A set of methods was applied: the Spielberger State-Trait Anxiety Inventory (adapted by Yu.L. Khanin), the Buss–Perry Aggression Questionnaire (adapted by M.M. Lobaskova, S.B. Malykh et al.), and the Volitional Qualities of Personality questionnaire by M.V. Chumakov. Statistical processing included descriptive statistics and the non-parametric Mann–Whitney U-test. It was found that girls showed significantly higher levels of state anxiety than boys ($U=107.00$; $p=0.0001$). Boys demonstrated significantly higher physical aggression ($U=191.00$; $p=0.0189$) and significantly outperformed girls in most volitional qualities: initiative, decisiveness, self-control, perseverance, energy, and the overall level of self-regulation. The hypothesis about significant gender differences in the emotional-volitional sphere of

adolescents was confirmed. The results are of practical significance for the development of differentiated psychological and pedagogical support programs for adolescents, taking into account their gender characteristics.

Keywords: emotional-volitional sphere, adolescence, anxiety, aggressiveness, volitional qualities, self-regulation, gender differences.

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому изучению эмоционально-волевой сферы у подростков 15–16 лет с акцентом на выявление половых различий. Актуальность исследования определяется ростом психоземotionalного неблагополучия среди современных подростков и недостаточной изученностью половозрастной специфики эмоционально-волевой регуляции в данный период. Цель работы – выявить особенности эмоционально-волевой сферы подростков, а также установить наличие различий в ее проявлениях у девочек и мальчиков. В исследовании приняли участие 50 учащихся 9-х классов (25 девочек и 25 мальчиков, возраст 15–16 лет). Применялся комплекс методик: шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина), опросник агрессивности Басса–Перри (адаптация М.М. Лобасковой, С.Б. Малых и др.), опросник «Волевые качества личности» М.В. Чумакова. Статистическая обработка включала описательную статистику и непараметрический U-критерий Манна–Уитни. Установлено, что у девочек уровень ситуативной тревожности статистически значимо выше, чем у мальчиков ($U=107,00$; $p=0,0001$). Мальчики демонстрируют достоверно более высокие показатели физической агрессии ($U=191,00$; $p=0,0189$), а также значимо превосходят девочек по большинству волевых качеств: инициативности, решительности, выдержке, настойчивости, энергичности и общему уровню саморегуляции. Гипотеза о наличии значимых половых различий в эмоционально-волевой сфере подростков подтвердилась. Результаты имеют практическое значение для разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения подростков с учетом их половых особенностей.

Ключевые слова: эмоционально-волевая сфера, подростковый возраст, тревожность, агрессивность, волевые качества, саморегуляция, половые различия.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Подростковый возраст представляет собой один из наиболее значимых и сложных этапов онтогенеза, в рамках которого происходит интенсивная перестройка личностных структур, формирование самосознания и становление механизмов саморегуляции поведения. Ключевую роль в этих процессах играет эмоционально-волевая сфера: именно она обеспечивает адаптацию подростка к новым социальным условиям, определяет характер его взаимодействия со сверстниками и взрослыми, а также влияет на успешность учебной деятельности [1; 2]. В условиях современных социальных вызовов – информационной перегрузки, ускоренного темпа жизни, высоких учебных требований – эмоционально-волевая регуляция подростков испытывает значительное напряжение, что находит отражение в росте тревожности, агрессивности и снижении волевого потенциала [3].

Особую научную и практическую ценность представляет изучение половых различий в эмоционально-волевой сфере подростков. Мальчики и девочки демонстрируют неодинаковые паттерны эмоционального реагирования и волевой активности, обусловленные как биологическими, так и социокультурными факторами [4; 5]. Понимание этой специфики необходимо для разработки адресных программ психолого-педагогического сопровождения. Цель данной статьи – представить

результаты эмпирического исследования особенностей эмоционально-волевой сферы подростков 15–16 лет и установить наличие значимых различий по полу.

В отечественной психологии эмоционально-волевая сфера рассматривается как единая динамическая система, обеспечивающая сознательную регуляцию поведения и деятельности человека. Е.П. Ильин подчеркивает, что эмоции и воля выступают обязательными взаимосвязанными компонентами управления поведением, общением и деятельностью [6]. Эмоциональная составляющая данной системы охватывает эмоциональные состояния, чувства, настроения и стрессовые реакции [7]. В рамках когнитивных подходов (П.В. Симонов, С.Л. Рубинштейн) эмоция понимается не как простая реакция на раздражитель, а как результат субъективной оценки ситуации, определяющей её значимость для индивида [6].

Волевая составляющая эмоционально-волевой сферы традиционно определяется как способность человека достигать поставленных целей в условиях преодоления препятствий [8]. В.А. Иванников выделяет три ключевых подхода к пониманию воли: мотивационный (Л.С. Выготский), регуляционный (М.Я. Басов) и подход свободного выбора (С.Л. Рубинштейн) [9]. В рамках современной концепции осознанной саморегуляции В.И. Моросановой волевой компонент операционализируется через такие функциональные звенья, как планирование, моделирование, программирование и оценивание результатов [10].

Старший подростковый возраст (15–16 лет) является критическим периодом для развития эмоционально-волевой сферы. Согласно периодизации Д.Б. Эльконина, в этот период ведущей становится учебно-профессиональная деятельность, что требует от учащихся более высокого уровня волевой регуляции и умения соподчинять сиюминутные импульсы долгосрочным целям [11]. Е.П. Ильин, опираясь на данные А.И. Высоцкого, указывает, что ключевым механизмом волевой активности старшеклассника выступает самостимуляция – способность самостоятельно формировать внутренние мотивы для продолжения деятельности [6].

Эмоциональная сфера подростков 15–16 лет характеризуется переходом от импульсивных реакций к более зрелым дифференцированным переживаниям [6]. Современные данные фиксируют активное развитие эмоционального интеллекта и эмпатии в данном возрастном диапазоне [12], а также рост устойчивости эмоциональных реакций, обусловленный формированием навыков волевой регуляции [13].

Половая специфика эмоционально-волевых проявлений в подростковом возрасте подтверждается рядом исследований. Девушки 15–17 лет демонстрируют более высокий уровень тревожности и острее переживают межличностные конфликты

[14]. М.В. Фадеева и В.А. Горфинкель фиксируют у девушек 15–16 лет высокий уровень личностной тревожности на фоне сниженной самооценки [15]. Ю.А. Кочетова и М.В. Климакова указывают, что эмоциональная сфера юношей отличается лабильностью при успешном контроле внешних проявлений, тогда как у девушек чаще наблюдается ригидность – склонность к «застреванию» на негативных переживаниях [4]. В области агрессивного поведения А.А. Сапаров и О.Г. Базуева выявили, что для юношей более характерна физическая агрессия, тогда как у девушек преобладают вербальная агрессия и чувство вины [5]. Применительно к волевой сфере С.В. Ковалев отмечает, что юноши чаще проявляют решительность в действиях, тогда как у девушек активнее формируется моральный компонент воли – ответственность и упорство в достижении социально значимых целей [16].

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средняя общеобразовательная школа №7 города-курорта Кисловодска, в апреле 2026 года. Выборку составили 50 учащихся 9-х классов в возрасте 15–16 лет: 25 девочек и 25 мальчиков. Тестирование осуществлялось в групповом формате при соблюдении принципов добровольности и конфиденциальности.

Для диагностики применялся следующий комплекс методик.

1. Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина, рестандартизация В.П. Зайцева и Ю.М. Хвана, 2011). Методика позволяет дифференцированно оценить ситуативную тревожность (СТ) как реакцию на текущие обстоятельства и личностную тревожность (ЛТ) как устойчивую черту.

2. Опросник агрессивности Басса–Перри (адаптация М.М. Лобасковой, С.Б. Малых и др.). Диагностирует четыре компонента агрессии: физическую агрессию, вербальную агрессию, гнев и враждебность, а также интегральный показатель общей агрессивности.

3. Опросник «Волевые качества личности» (ВКЛ) М.В. Чумакова. Предназначен для диагностики девяти базовых волевых качеств (ответственность, инициативность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность, целеустремленность), а также интегрального показателя общего уровня саморегуляции.

Статистическая обработка данных включала расчет описательной статистики (среднее арифметическое M , процентное распределение по уровням) и сравнительный анализ с применением непараметрического U -критерия Манна–Уитни. Обработка проводилась в пакетах Microsoft Excel и Statistica 10.0.

Результаты

Средние значения ситуативной и личностной тревожности в общей выборке составили $M=5,7$ балла по обоим шкалам, что соответствует уровню «средняя тревожность с тенденцией к высокой». При анализе по полу выявлены существенные различия. Среднее значение ситуативной тревожности у девочек ($M=7,2$) соответствует высокому уровню, тогда как у мальчиков ($M=4,3$) – среднему с тенденцией к низкому. По личностной тревожности девочки также демонстрируют более высокие показатели ($M=6,3$) по сравнению с мальчиками ($M=5,1$), хотя оба значения укладываются в диапазон «средняя с тенденцией к высокой».

Анализ распределения по уровням в группе девочек показал преобладание высокого (40%) и очень высокого (28%) уровней ситуативной тревожности при полном отсутствии низкого. В группе мальчиков, напротив, доминируют средний с тенденцией к низкой (36%) и средний с тенденцией к высокой (28%) уровни; очень высокая ситуативная тревожность не зафиксирована ни у одного испытуемого.

Таблица 1

Результаты U-критерия Манна–Уитни по показателям тревожности

Показатель	Сумма рангов (девочки)	Сумма рангов (мальчики)	U	p
Ситуативная тревожность	843,00	432,00	107,00	0,0001
Личностная тревожность	732,00	543,00	218,00	0,0682

По ситуативной тревожности выявлены статистически значимые различия ($U=107,00$; $p=0,0001$): девочки демонстрируют достоверно более высокий уровень ситуативной тревожности. По личностной тревожности значимость не достигнута ($p=0,0682$), однако значение p находится вблизи критического порога, что свидетельствует о выраженной тенденции к более высоким показателям личностной тревожности у девочек.

Все показатели агрессивности в общей выборке находятся в пределах нормативных значений методики, соответствуя среднему уровню (общий показатель $M=71,8$). Мальчики демонстрируют более высокое среднее значение физической агрессии ($M=21,8$) по сравнению с девочками ($M=15,2$). Показатели гнева (девочки $M=19,6$; мальчики $M=18,2$) и враждебности (девочки $M=20,6$; мальчики $M=19,0$) несколько выше у девочек, тогда как вербальная агрессия практически одинакова в обеих группах (девочки $M=14,8$; мальчики $M=14,5$).

В общей выборке средний уровень интегрального показателя агрессивности зафиксирован у 76% подростков, высокий – у 16%, низкий – у 8%. В группе мальчиков

низкий уровень не представлен (0%), тогда как у девочек доля с низким уровнем составила 16%.

Таблица 2

Результаты U-критерия Манна–Уитни по показателям агрессивности

Показатель	Сумма рангов (девочки)	Сумма рангов (мальчики)	U	p
Физическая агрессия	516,00	759,00	191,00	0,0189
Гнев	667,00	608,00	283,00	0,5737
Враждебность	661,00	614,00	289,00	0,6554
Вербальная агрессия	650,00	625,00	300,00	0,8159
Общий показатель	593,00	682,00	268,00	0,3933

Единственным показателем, по которому зафиксированы статистически значимые различия, является физическая агрессия ($U=191,00$; $p=0,0189$): мальчики достоверно превосходят девочек. По остальным шкалам и интегральному показателю значимые различия отсутствуют ($p>0,05$).

В общей выборке большинство волевых качеств соответствует среднему уровню. Наиболее сформированными в общей группе являются ответственность ($M=5,5$) и инициативность ($M=5,3$). Наименее развиты настойчивость ($M=4,2$) и энергичность ($M=4,4$). Общий уровень саморегуляции в выборке составил $M=4,7$ балла.

При сравнении групп мальчики демонстрируют более высокие средние значения практически по всем волевым качествам. Инициативность у мальчиков достигает высокого уровня ($M=6,3$). У девочек особого внимания заслуживают низкие значения настойчивости ($M=2,7$) и энергичности ($M=3,6$ стэна). Общий уровень саморегуляции у мальчиков ($M=5,8$) соответствует среднему уровню, тогда как у девочек ($M=3,7$) – низкому.

Таблица 3

Результаты U-критерия Манна–Уитни по показателям волевых качеств

Показатель	Сумма рангов (девочки)	Сумма рангов (мальчики)	U	p
Ответственность	543,50	731,50	218,50	0,0697
Инициативность	471,00	804,00	146,00	0,0013
Решительность	516,50	758,50	191,50	0,0194
Самостоятельность	590,50	684,50	265,50	0,3669
Выдержка	526,00	749,00	201,00	0,0313
Настойчивость	374,00	901,00	49,00	0,0000
Энергичность	492,50	782,50	167,50	0,0051
Внимательность	536,50	738,50	211,50	0,0512
Целеустремленность	582,50	692,50	257,50	0,2903
Общий уровень саморегуляции	468,50	806,50	143,50	0,0011

Статистически значимые различия в пользу мальчиков зафиксированы по инициативности ($U=146,00$; $p=0,0013$), решительности ($U=191,50$; $p=0,0194$), выдержке ($U=201,00$; $p=0,0313$), настойчивости ($U=49,00$; $p=0,0000$), энергичности ($U=167,50$; $p=0,0051$) и общему уровню саморегуляции ($U=143,50$; $p=0,0011$). По ответственности ($p=0,0697$) и внимательности ($p=0,0512$) различия не достигли уровня значимости, однако наблюдаются отчетливые тенденции к более высоким значениям у мальчиков.

Полученные данные согласуются с результатами ряда современных исследований и в целом укладываются в теоретические представления о половых различиях в эмоционально-волевой сфере подростков.

Более высокий уровень ситуативной тревожности у девочек соответствует выводам Е.Н. Сириной, В.И. Кошелевой и Т.Б. Сергеевой о том, что девушки острее реагируют на стрессовые ситуации [14], а также данным М.В. Фадеевой и В.А. Горфинкель, зафиксировавших высокую личностную тревожность у девушек 15–16 лет [15]. Близкое к значимому значение p по личностной тревожности ($p=0,0682$) указывает на устойчивую тенденцию, согласующуюся с концепцией о более широком «веере» ситуаций, воспринимаемых девушками как угрожающие [3]. Ю.А. Кочетова и М.В. Климакова объясняют это эмоциональной ригидностью девушек – склонностью к «застреванию» на негативных переживаниях [4], что также соотносится с нашими данными о концентрации девочек в зонах высокой и очень высокой СТ.

Значимое превосходство мальчиков по физической агрессии закономерно в контексте полоролевой социализации: социальные нормы традиционно поощряют у мальчиков более прямые формы выражения агрессии [5]. Этот результат полностью согласуется с данными А.А. Сапарова и О.Г. Базуевой [5] и И.С. Якиманской, которая рассматривает физическую агрессию как преимущественно мужской инструмент конкуренции [17]. Отсутствие значимых различий по гневу и враждебности может свидетельствовать о том, что когнитивный и эмоциональный компоненты агрессии в равной мере характерны для обоих полов в данном возрасте.

Наиболее выраженные различия зафиксированы в волевой сфере. Доминирование мальчиков по настойчивости ($U=49,00$; $p=0,0000$) и общему уровню саморегуляции ($U=143,50$; $p=0,0011$) может быть обусловлено ориентацией мужской полоролевой социализации на достижение цели, соревновательность и автономность. С.В. Ковалев указывает на более выраженную решительность юношей в действиях [16], что подтверждается нашими данными ($p=0,0194$). Низкие показатели настойчивости и энергичности у девочек, на наш взгляд, не свидетельствуют об общем дефиците волевой регуляции: более высокая ответственность у девочек (сравнительно с нижней границей нормы) указывает на иной профиль волевых качеств, ориентированный на исполнение

социальных обязательств, а не на активное преодоление препятствий. Это согласуется с выводом С.В. Ковалева о том, что у девушек активнее формируется моральный компонент воли [16].

Таким образом, различия в волевой и эмоциональной сферах мальчиков и девочек носят системный характер и обусловлены как биологическими, так и социокультурными факторами, определяющими специфику полоролевой социализации в подростковом возрасте.

Выводы

1. В исследуемой группе подростков 15–16 лет преобладают средние и высокие уровни тревожности при сохранности показателей агрессивности в пределах нормативных значений. Большинство волевых качеств и общий уровень саморегуляции соответствуют среднему уровню.

2. У девочек зафиксирован статистически значимо более высокий уровень ситуативной тревожности по сравнению с мальчиками ($U=107,00$; $p=0,0001$). По личностной тревожности наблюдается выраженная тенденция к более высоким значениям у девочек ($p=0,0682$).

3. Мальчики достоверно превосходят девочек по уровню физической агрессии ($U=191,00$; $p=0,0189$). По остальным компонентам агрессивности значимых различий не выявлено.

4. Мальчики демонстрируют статистически значимо более высокие показатели инициативности, решительности, выдержки, настойчивости, энергичности и общего уровня саморегуляции. Наиболее выраженные различия зафиксированы по настойчивости ($U=49,00$; $p=0,0000$).

5. Гипотеза о существовании значимых половых различий в показателях эмоционально-волевой сферы у подростков подтвердилась. Полученные результаты указывают на необходимость дифференцированного подхода в психолого-педагогическом сопровождении подростков с учетом их половых особенностей.

References

1. Еникеева А.М. Эмоционально-волевая сфера в подростковом возрасте // Матрица научного познания. 2021. № 6-1. С. 373–376.
2. Чумаков М.В. Эмоционально-волевая сфера в структуре личностных черт // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина. 2016. № 2(41). С. 81–84.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2023. 784 с.
4. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Гендерные различия в эмоциональном

интеллекте у старших подростков // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 4. С. 65–74.

5. Сапаров А.А., Базуева О.Г. Гендерные особенности агрессивного поведения подростков в средних общеобразовательных учреждениях // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 74-5. С. 121–124.

6. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2023. 784 с.

7. Калинин М.А. Характеристика понятия «эмоциональная сфера» // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 7(71). С. 127–131.

8. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 2009. 976 с.

9. Иванников В.А. Культурно-историческая психология волевого действия: От прогноза – к поступку. Избранные труды. М.: Когито-Центр, 2021. 504 с.

10. Моросанова В.И. (в кн.: Фомина Т.Г., Филиппова Е.В., Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция и школьная вовлеченность как ресурсы субъективного благополучия обучающихся) // Психолого-педагогические исследования. 2024. Т. 16, № 3. С. 156–173.

11. Барсукова А.Е. Возрастная периодизация психического развития по Даниилу Борисовичу Эльконину // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 6(110). С. 42.

12. Гайнанова Л.Р. Особенности развития эмоционального интеллекта в подростковом возрасте // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 150–152.

13. Кулькова М.Е. Сравнительный анализ показателей эмоциональной сферы младших и старших подростков // Молодой ученый. 2020. № 42(332). С. 273–276.

14. Сирина Е.Н., Кошелева В.И., Сергеева Т.Б. Исследование уровня тревожности юношей и девушек, обучающихся в профильных классах лицея // Физиологические, педагогические и экологические проблемы здоровья и здорового образа жизни: сб. науч. тр. IX Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: РГППУ, 2016. С. 347–353.

15. Фадеева М.А., Горфинкель В.А. Исследование тревожности и самооценки подростков // Новые информационные технологии в образовании и науке. 2023. № 10. С. 39–43.

16. Пучкова Е.Б. Гендерные различия в эмоционально-волевой сфере подростков цифрового поколения // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. № 3(12). С. 84–88.

17. Якиманская И.С. Гендерные особенности агрессивности и адаптивности подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 1. URL: <https://mir->

nauki.com/PDF/28PSMN121.pdf.

18. Игнатович С.С., Магдалинова Ю.Д., Мамбеталина А.С. Психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков // Педагогика: история, перспективы. 2023. Т. 6, № 1-2. С. 170–191.

19. Михалькова Е.И., Радченко С.А. Воля личности в современной психологии // Молодой ученый. 2023. № 33(480). С. 95–104.

20. Соловьева Е.Ю. Связь особенностей волевой регуляции и самоотношения молодых людей // Молодой ученый. 2025. № 41(592). С. 214–218.

REVIEWS AND ANALYSIS

UDC 070

Kanibolotsky V.V. Multimedia formats as a tool for increasing audience engagement (case study of the regional media holding primamedia)

Мультимедийные форматы как инструмент повышения вовлечённости аудитории
(на примере регионального медиахолдинга primamedia)

Kanibolotsky Vyacheslav Vyacheslavovich

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
School of Arts and Humanities, 4th year.

Academic Supervisor: Vasilyeva Lyudmila Alekseevna, Doctor of Philology, Professor
(Journalism and Philological Sciences).

Каниболоцкий Вячеслав Вячеславович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Школа искусств и гуманитарных наук, 4 курс.
Научный руководитель: Васильева Людмила Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
(10.01.10 Журналистика филологические науки)

Abstract. *This article examines the problem of declining audience engagement in regional media outlets in the context of accelerated digital transformation and the dominance of short-form vertical content. Using the official website primamedia.ru as a case study, this study explores the hypothesis that the systematic use of multimedia formats (interactive longreads, maps, short videos, infographics, and combined photo reports) is an effective tool for increasing engagement. Using content analysis, statistical data analysis, and comparative analysis, the authors identified the ratio of traditional and multimedia materials, as well as their impact on key engagement metrics (time spent on page, viewing depth, social media shares, and readability). The study's results confirm that the integrated use of multimedia formats on primamedia.ru significantly increases audience engagement. A conclusion is drawn about the role of multimedia communications as a strategic factor in the competitiveness of regional media holdings in the digital environment.*

Keywords: *multimedia communications, audience engagement, regional media, convergence, PrimaMedia, interactive formats, digital journalism, longreads, storytelling.*

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения вовлечённости аудитории региональных СМИ в условиях ускоренной цифровой трансформации и доминирования короткого вертикального контента. На примере официального сайта primamedia.ru исследуется гипотеза о том, что системное использование мультимедийных форматов (интерактивные лонгриды, карты, короткое видео, инфографика, комбинированные фоторепортажи) выступает эффективным инструментом повышения вовлечённости. С помощью методов контент-анализа, анализа статистических данных и сравнительного анализа выявлено соотношение традиционных и мультимедийных материалов, а также их влияние на ключевые показатели вовлечённости (время пребывания на странице, глубина просмотра, шеры в социальных сетях, дочитываемость). Результаты исследования подтверждают, что комплексное применение мультимедийных форматов на сайте primamedia.ru значительно повышает вовлечённость аудитории. Делается вывод о роли мультимедийных коммуникаций как стратегического фактора конкурентоспособности региональных медиахолдингов в цифровой среде.

Ключевые слова: мультимедийные коммуникации, вовлечённость аудитории, региональные СМИ, конвергенция, PrimaMedia, интерактивные форматы, цифровая журналистика, лонгриды, сторителлинг.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

В последние годы в России наблюдается кардинальная трансформация медиапотребления. По данным Mediascope (2025), доля коротких вертикальных видео в общем объёме медиапотребления россиян превысила 68 %, в то время как время чтения традиционных текстовых материалов устойчиво сокращается. Региональные СМИ, традиционно опиравшиеся на текстовый контент и локальную повестку, сталкиваются с серьёзным вызовом: снижение вовлечённости аудитории, падение времени пребывания на сайте и уменьшение лояльности читателей [1; 2].

Одной из наиболее острых проблем современной региональной журналистики является преобладание линейных, моноформатных материалов над мультимедийными. В условиях высокой конкуренции с федеральными платформами и социальными сетями отказ от системного использования мультимедийных инструментов приводит не только к снижению вовлечённости, но и к ослаблению позиций медиа на локальном рынке. Как справедливо отмечают исследователи, именно комплексное применение мультимедийных форматов позволяет региональным СМИ сохранять конкурентоспособность, увеличивать время взаимодействия с контентом и формировать более лояльную аудиторию [3; 4; 5].

В свете вышеизложенной проблемы возникают насущные вопросы: насколько эффективны мультимедийные форматы для повышения вовлечённости аудитории региональных СМИ? Какие именно форматы дают наибольший эффект в условиях Дальнего Востока? В чём специфика их применения на сайте primamedia.ru? Какова роль специализированного отдела мультимедиа в реализации конвергентной стратегии?

В стремлении получить ответы были сформулированы следующие гипотезы исследования:

1) Мультимедийные форматы (интерактивные лонгриды, карты, короткое видео, инфографика) выступают эффективным инструментом повышения вовлечённости аудитории регионального медиахолдинга.

2) Системное, а не точечное использование мультимедийных технологий даёт значительно больший эффект, чем отдельные эксперименты.

3) Наличие специализированного отдела мультимедиа и регулярное обучение журналистов современным инструментам (Tilda, CapCut, Flourish) является ключевым условием успешной реализации мультимедийной стратегии.

Таким образом, **цель исследования** – проанализировать влияние мультимедийных форматов на вовлечённость аудитории на примере официального сайта primamedia.ru.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе практического опыта применения мультимедийных технологий именно в региональном медиахолдинге Дальнего Востока на базе сайта primamedia.ru, а также в выявлении наиболее эффективных форматов для повышения вовлечённости аудитории в условиях географической удалённости региона, специфики локального медиарынка и ограниченных ресурсов. Ранее подобные исследования в основном касались федеральных или крупных столичных СМИ [6; 7], в то время как опыт дальневосточных региональных холдингов оставался недостаточно изученным.

Для проведения эмпирического исследования были выбраны материалы официального сайта primamedia.ru за период январь 2023 – февраль 2026 гг. В общей сложности проанализировано 420 публикаций. Применялся метод контент-анализа с выделением мультимедийных элементов (интерактивный лонгрид, интерактивная карта, короткое вертикальное видео, инфографика, комбинированный фоторепортаж). Дополнительно использовались внутренние статистические данные холдинга (время на странице, глубина просмотра, шеры в социальных сетях, показатель дочитываемости) и открытые отчёты о медиапотреблении. Выбор объекта исследования обусловлен несколькими факторами. Во-первых, primamedia.ru является ведущим региональным медиахолдингом Дальнего Востока с многолетней историей и высоким уровнем доверия аудитории. Во-вторых, на сайте активно реализуется стратегия мультимедийной конвергенции: создан специализированный отдел мультимедиа под руководством Е. Кулешова, журналисты регулярно проходят обучение работе с конструкторами Tilda, CapCut и инструментами визуализации данных Flourish и Datawrapper. В-третьих, сайт представляет собой единую цифровую платформу, что позволяет проводить чистый анализ мультимедийных практик.

На первом этапе исследования было изучено общее соотношение традиционных и мультимедийных материалов. Анализ показал, что мультимедийные форматы составляют около 38 % от общего объёма публикаций на primamedia.ru. При этом материалы, содержащие два и более медиаэлемента, демонстрируют в среднем в 2,8 раза большее время пребывания на странице и в 3,4 раза больше шервов в социальных сетях по сравнению с обычными текстовыми новостями.

Для наглядности приведём сравнительные данные по вовлечённости (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение показателей вовлечённости материалов на primamedia.ru (2024–2025 гг.)

Тип материала	Время на странице (среднее)	Глубина просмотра	Шеры в соцсетях (среднее)	Дочитываемость
Традиционный текст	1 мин 40 сек	42 %	18	51 %
Интерактивный лонгрид (раздел «Story»)	4 мин 50 сек	71 %	87	68 %
Интерактивная карта	3 мин 20 сек	74 %	64	74 %
Короткое вертикальное видео	2 мин 10 сек	68 %	112	65 %
Комбинированный фоторепортаж + инфографика	3 мин 45 сек	69 %	79	72 %

Источник: внутренние данные PrimaMedia и анализ автора

Наиболее эффективными форматами на сайте primamedia.ru оказались:

- Интерактивные лонгриды в разделе «Story», где текст дополняется видео, аудиоцитатами, инфографикой и интерактивными элементами (рост времени на странице до 4–6 минут). Примером может служить материал о последствиях тайфуна, где лонгрид включал хронологию событий, интерактивную карту затоплений и интервью с очевидцами [11].

- Интерактивные карты по актуальным региональным темам (экология, безопасность дорожного движения, мониторинг ЧС) – средний показатель дочитывания достигает 74 %. Такие материалы позволяют пользователю самостоятельно выбирать интересующие районы и получать персонализированную информацию.

- Короткие вертикальные видео, подготовленные отделом мультимедиа (рост охвата в VK Clips на 34–40 % по сравнению с текстовыми материалами). Отдел под руководством Е. Кулешова регулярно выпускает вертикальные ролики, которые органично дополняют текстовые публикации.

- Комбинированные материалы, сочетающие фоторепортаж с встроенной инфографикой и аудиоцитатами, что создаёт эффект полного погружения.

На втором этапе исследования был проведён сравнительный анализ жанрово-форматного состава. Выявлено, что системное применение мультимедийных технологий (правило «три формата на значимое событие», регулярное обучение журналистов, наличие специализированного отдела) даёт значительно больший эффект, чем точечные эксперименты. Материалы, созданные с использованием нескольких мультимедийных элементов одновременно, показывают на 180–220 % более высокие показатели вовлечённости, чем традиционные тексты.

Кроме того, анализ позволил выявить определённые закономерности. Так, мультимедийные материалы, посвящённые социально значимым темам (экология, ЧС, здравоохранение), демонстрируют наибольший рост вовлечённости. Это объясняется тем, что интерактивные элементы помогают аудитории лучше понять сложные процессы и сформировать собственное мнение. В то же время развлекательные и культурные материалы показывают меньший эффект от мультимедиа, что подтверждает необходимость дифференцированного подхода к выбору форматов в зависимости от тематики.

Полученные данные убедительно подтверждают выдвинутые гипотезы. Мультимедийные форматы действительно выступают мощным инструментом повышения вовлечённости аудитории на сайте primamedia.ru. При этом системное внедрение данных технологий позволяет региональному медиахолдингу не только конкурировать с федеральными платформами, но и формировать более глубокое взаимодействие с локальной аудиторией, повышая её лояльность и доверие.

Таким образом, можно сделать **ключевой вывод**: в условиях цифровой трансформации именно мультимедийные коммуникации становятся одним из главных стратегических преимуществ региональных медиахолдингов. Опыт primamedia.ru демонстрирует успешный переход от традиционной модели к полноценной конвергентной модели, где мультимедийные форматы выступают не дополнением, а самостоятельным драйвером вовлечённости, лояльности и конкурентоспособности.

Данное исследование имеет практическую значимость для редакций других региональных СМИ. Ориентация на системное использование мультимедийных форматов, создание специализированных отделов мультимедиа, регулярное обучение сотрудников работе с современными инструментами (Tilda, CapCut, Flourish) позволяет повысить вовлечённость аудитории, увеличить время пребывания на сайте и улучшить показатели монетизации. Рекомендуется внедрять правило «три формата на значимое событие» и формировать отдельный отдел мультимедиа, что позволит региональным медиа успешно конкурировать в цифровой среде.

В качестве перспектив дальнейших исследований представляется важным провести сравнительный анализ эффективности мультимедийных стратегий нескольких дальневосточных медиахолдингов, изучить влияние различных мультимедийных форматов на монетизацию контента, а также оценить долгосрочное воздействие мультимедийных практик на лояльность региональной аудитории в условиях меняющихся алгоритмов социальных платформ и развития искусственного интеллекта в журналистике.

References

1. Качкаева А.Г. Мультимедийная журналистика. – М.: Изд-во ВШЭ, 2018.
2. Вартанова Е.Л. Региональные медиа в условиях цифровой трансформации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 3–20.
3. Нигматуллина К.Р. Региональные редакции в цифровой среде: новые модели работы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – № 1. – С. 88–97.
4. Жилавская И.В. Мультимедийные форматы в региональной журналистике // Журналистика и медиарынок. – 2022. – № 4. – С. 18–26.
5. Лепилкина О.И. Мультимедийный контент как фактор развития региональных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 4. – С. 45–52.
6. Осмоловская С.М. Мультимедийный сторителлинг в онлайн-СМИ // Медиаскоп. – 2024. – № 2.
7. Давыдов С.Г. Цифровые медиакоммуникации и региональная аудитория // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2024. – № 2. – С. 61–70.
8. Павлушкина Н.А. Мультимедийный контент и вовлечённость аудитории региональных медиа // Медиаскоп. – 2025. – № 1.
9. Мансурова В.Д. Региональная журналистика в условиях медиаконвергенции // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 74–82.
10. Бодрюнова С.С. Цифровые платформы и трансформация медиакоммуникаций // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 22–41.
11. <https://primamedia.ru/news/457726/>

UDC 316.77

Solomatina E.N., Sumarno Lhotse. Internet memes in digital communication of youth

Интернет-мемы в цифровой коммуникации молодежи

Solomatina Elena Nikolaevna,

PhD Sci., Associate Professor of the Department of Sociology,
Russian State Social University, Moscow

Sumarno Lhotse,

Graduate student, Department of Sociology, Russian State Social University, Moscow

Соломатина Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва

Сумарно Лхотсе,

магистрант, 2 курс, кафедра социологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва

Abstract. *The article examines internet memes as an important element of digital communication in the youth environment. The study analyzes the features of their use, as well as the communicative functions they perform in the process of interaction. Particular attention is paid to the role of memes in transmitting information and expressing emotional states. The research concludes that internet memes play a significant role in modern communication practices among young people.*

Keywords: *internet memes, digital culture, digital society, youth, identity, digital communication*

Аннотация. В статье рассматриваются интернет-мемы как важный элемент цифровой коммуникации в молодежной среде. Анализируются особенности их использования, а также коммуникативные функции, которые они выполняют в процессе взаимодействия. Особое внимание уделяется роли мемов в передаче информации и выражении эмоциональных состояний. Делается вывод о значимости интернет-мемов в современных коммуникативных практиках молодежи.

Ключевые слова: интернет-мемы, цифровая культура, цифровое общество, молодежь, идентичность, цифровая коммуникация

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Современное общество характеризуется активным развитием цифровых технологий, которые существенно трансформируют формы коммуникации и социального взаимодействия. Интернет-коммуникация становится ведущим каналом обмена информацией, особенно среди молодежи. В условиях сетевого общества, по мнению М. Кастельса, коммуникация выступает ключевым элементом социальной структуры, определяющим характер взаимодействия между людьми [1]. Актуальность темы исследования обусловлена появлением новых форм передачи информации, отличающихся высокой скоростью и визуальной выразительностью, они вступают в противоречие с традиционными коммуникационными формами и зачастую вытесняют

последних. Особый исследовательский интерес непосредственно связан с формированием цифровых коммуникативных практик.

Одной из таких практик являются интернет-мемы, которые получили широкое распространение в цифровой среде. Мемы представляют собой сочетание визуального и текстового контента, обладающее способностью быстро распространяться и трансформироваться. Как отмечает Л. Шифман, интернет-мемы являются важным элементом цифровой культуры и отражают особенности восприятия социальной реальности [2]. Они позволяют пользователям не только передавать информацию, но и интерпретировать происходящие события.

Так, функционируя как особый тип символических форм, через которые пользователи интерпретируют социальные события, они выражают оценки и выстраивают взаимодействие в онлайн-среде. Для представителей молодежи, особенно поколения Z, интернет-мемы приобретают особую значимость, поскольку именно данное поколение формировалось в условиях постоянного взаимодействия с цифровыми медиа [3].

Ю.И. Деревянченко и С.П. Лимасова провели исследование роли исторических интернет-мемов в цифровых практиках молодежи (на примере г. Омска) в 2023–2024 гг. Эмпирическая база включала: 1) контент-анализ (N=600) наиболее популярных исторических мемов из тематических сообществ социальных сетей; 2) серию из пяти фокус-групп с участием 39 респондентов; 3) онлайн-опрос учащихся 11 классов (N=357). Авторы выделяют три ключевые функции исторических мемов в молодежной среде: коммуникативную (инструмент групповой идентификации и поддержания социальных связей), мнемоническую (способ эмоционального закрепления исторических знаний) и персонализирующую (форма личной интерпретации официальных исторических нарративов) [4].

В молодежной среде интернет-мемы, в первую очередь, выполняют важную коммуникативную функцию. Они позволяют выразить эмоции, формировать отношение к событиям и поддерживать взаимодействие между пользователями. Мемы также способствуют упрощению коммуникации, заменяя развернутые сообщения краткими визуальными образами. По мнению ряда исследователей, мемы становятся своеобразным языком цифрового общения [5].

Во-вторых, интернет-мемы играют важную роль в формировании групповой идентичности. Использование общих мемов способствует созданию чувства принадлежности к определенному сообществу. Мемы выступают как культурные маркеры, понятные ограниченному кругу пользователей. Они также могут отражать

отношение к социальным и культурным явлениям. В этом смысле мемы выполняют не только коммуникативную, но и социокультурную функцию [6].

В-третьих, интернет-мемы следует рассматривать как специфический инструмент коммуникации, обладающий рядом особенностей. Прежде всего, они обеспечивают быструю передачу информации, что особенно важно в условиях информационной перегруженности. Мемы позволяют передавать сложные смыслы с помощью визуальных образов и коротких текстов. Это делает их удобным средством взаимодействия в цифровой среде. В результате мемы становятся частью повседневной коммуникации молодежи.

В целом интернет-мемы являются значимым элементом современной цифровой коммуникации. Они отражают особенности восприятия информации в условиях цифрового общества. Мемы объединяют информационную, эмоциональную и культурную составляющие общения. Их использование свидетельствует о трансформации коммуникативных практик. Это подтверждает их значимость для социологического анализа.

Таким образом, интернет-мемы играют важную роль в современной системе цифровой коммуникации. Они обеспечивают эффективную передачу информации, способствуют выражению эмоций и формированию социальных связей. В молодежной среде мемы становятся одним из ключевых инструментов взаимодействия. Их использование отражает изменения в характере коммуникации в условиях цифрового общества. Это позволяет рассматривать интернет-мемы как значимый объект социологического исследования.

Таким образом, исследование интернет-мемов как формы коммуникации приобретает особую актуальность в условиях цифрового общества. Они отражают изменения в структуре взаимодействия между людьми. Мемы позволяют выявить особенности восприятия информации в молодежной среде. Их анализ способствует более глубокому пониманию цифровой культуры. В связи с этим данная тема является важным направлением современной социологической науки.

References

1. Кастельс М. Власть коммуникации. — М.: ВШЭ, 2016.
2. Shifman L. Memes in Digital Culture. — Cambridge, 2014.
3. Ермоченко М.Е., Сажнова А.Д. Мемы как язык поколения Z: социологический анализ цифровой коммуникации // 2025. С. 95-101.

4. Деревянченко Ю.И., Лимасова С.П. Функции исторических мемов в цифровых практиках молодежи (на примере г. Омска) // Социологические исследования. 2025. № 6. С. 15-27.
5. Шомова С. А. Интернет-мем как феномен медиакультуры // Медиаскоп. 2018.
6. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы в массовой культуре // Вестник РУДН. 2020.

SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY

UDC 316.647

Bocharnikov A.A. Protest: types, forms, and manifestations

Протест: виды, формы и способы проявления

Bocharnikov Alexey Alekseevich

Postgraduate Student of Belgorod State National Research University,
Бочарников Алексей Алексеевич

аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ФФ, Белгородская область, г. Белгород

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the phenomenon of protest as a form of expression of disagreement in society. Protest is defined as an active way of expressing disagreement, which is due to its multidimensionality and the lack of a unified definition in the scientific literature. The article emphasizes that protest is an integral part of public life, allowing citizens to express their demands and ideas. The study of protest movements is important for analyzing social changes and developing strategies for responding to current issues, and peaceful protest is seen as a key tool for achieving positive changes and strengthening democratic values.*

Keywords: *protest, social protest, political protest, forms of protest.*

Аннотация. *Статья посвящена анализу феномена протеста как формы выражения несогласия в обществе. Протест определяется как активный способ выражения несогласия, что связано с его многоаспектностью и отсутствием единого определения в научной литературе. В статье подчеркивается, что протест является неотъемлемой частью общественной жизни, позволяя гражданам выразить свои требования и идеи. Изучение протестных движений важно для анализа общественных изменений и разработки стратегий реагирования на актуальные проблемы, а мирный протест рассматривается как ключевой инструмент для достижения позитивных изменений и укрепления демократических ценностей.*

Ключевые слова: *протест, социальный протест, политически протест, формы протеста.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Протест является неотъемлемой частью общественной жизни, который отражает реакцию людей на происходящие изменения, несправедливость или ущемление их прав и свобод. На протяжении всей истории человечества протестные настроения становились катализатором социальных, политических и культурных трансформаций. Так в 1917 году Россия переживала переломный период своей истории, когда страна вступала в совершенно новую эпоху. Этот год ознаменовался двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Первая революция привела к свержению монархии и установлению Временного правительства, которое оказалось неспособным справиться

с кризисом власти и экономическими проблемами. Вторая революция завершилась приходом к власти партии большевиков под руководством Владимира Ленина.

Большевики, понимая необходимость кардинальных изменений, начали активно внедрять свою программу преобразований, направленную на построение социалистического государства. Они стремились создать общество, основанное на принципах равенства, справедливости и коллективизма. Для достижения этой цели были предприняты многочисленные реформы и инициативы, охватывающие практически все сферы жизни российского общества.

Однако реализация планов большевиков столкнулась с серьезными трудностями. Одной из главных проблем стало непостоянство общественных настроений. Народ, уставший от войны, голода и экономических трудностей, был готов поддержать любые изменения, обещающие улучшение условий жизни. Но когда первые шаги новых властей привели лишь к усилению хаоса и нестабильности, доверие населения начало постепенно снижаться.

Кроме того, многие представители интеллигенции, среднего класса и крестьянства негативно восприняли идеи большевиков. Реформы, направленные на национализацию промышленности, земли и банков, вызвали недовольство среди тех слоев населения, чьи права собственности оказались ущемлены. Крестьяне, получившие землю после аграрной реформы, вскоре столкнулись с реквизициями продовольствия и ограничениями свободы торговли, что вызвало широкое сопротивление.

Эти обстоятельства породили ряд социальных движений протеста против действий большевиков. Наиболее значительными стали восстания рабочих и крестьян, организованные оппозиционные группы внутри самой коммунистической партии, а также деятельность белых армий, выступавших против советской власти. Несмотря на жесткую репрессивную политику большевиков, направленную на подавление любого сопротивления, напряженность в обществе сохранялась на протяжении многих лет.

Понимание многообразия форм протеста, их причин и последствий позволяет глубже осмыслить динамику общественных процессов, выявить тенденции развития гражданского общества и оценить эффективность различных способов воздействия на власть.

Понятие протеста берет своё начало от латинского слова «protestari», которое имеет несколько значений в зависимости от источника цитирования. Так, согласно словарю иностранных языков [4;415], протест переводится как «свидетельствовать» или «заявлять». Другое толкование данного термина представлено словарем иностранных языков под редакцией И.В. Лёхина, Ф.Н. Петрова [5;572]: трактуется как «возражать», а

в Советском энциклопедическом словаре данный термин трактуется как «публично доказывать» [6;1072].

Исходя из выше сказанного, мы можем сказать, что изначальная семантика латинского глагола *protestari* состояла именно в публичном выражении своего несогласия или аргументированной презентации своей точки зрения перед широкой общественностью.

Сегодня понятие протест имеет множество интерпретаций. Так согласно словарю иностранных языков под редакцией И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова термин «протест» представлен тремя дефинициями:

1) активная контраверза, выражающаяся в резком опровержении каких-либо актов либо поступков, воспринимаемых субъектом как неправомерные;

2) документально оформленное обращение компетентных органов прокуратуры и суда относительно повторного рассмотрения ранее вынесенных судебных вердиктов и постановлений;

3) юридически закреплённое действие кредитора — официальное объявление нотариусом или судебными инстанциями неплатежеспособности должника (векселедателя), выразившейся в неоплате обусловленной суммы по долговому обязательству (вексельному документу) [5; 572].

Словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова содержит аналогичные трактовки понятия протеста:

1) решительная конфронтация путём активного выражения отрицания какого-либо положения или мероприятия;

2) формализованное сообщение о разногласиях субъекта с принятым решением, актом или действием другой стороны.

3) официальное подтверждение отсутствия своевременного платежа по вексельной сделке [7].

Советский энциклопедический словарь уточняет значение термина, определяя протест как одну из методологических категорий контроля над соблюдением законности в правоприменительной практике [6; 1084].

Современные исследователи, включая Е.А. Здравомыслову, А.В. Кинсбургского, И.А. Климова, Ю.А. Леваду, М.М. Назарова, В.В. Сафронова, О.Н. Яницкого, предлагают иное понимание данного феномена: протест рассматривается ими как специфическая разновидность социально-политического противостояния власти, проявляющаяся преимущественно в краткосрочных формах коллективного поведения (демонстрациях, стачках, столкновениях), сопровождающихся определёнными нарушениями установленного правопорядка [2; 52-57].

Исходя из выше сказанного, можно сказать, что точное и однозначное определение такого сложного и многогранного явления, как «протест», до сих пор отсутствует в современной научной литературе. Такое положение дел обусловлено несколькими важными факторами:

1) многоаспектность: протест охватывает широкий спектр проявлений — от индивидуальных высказываний недовольства до массовых общественных движений, включающих разнообразные формы борьбы (мирные акции, митинги, демонстрации, пикеты, забастовки);

2) междисциплинарность: изучение феномена протеста требует интеграции знаний различных наук — социологии, политологии, психологии, истории, философии и даже культурологии. Каждая дисциплина рассматривает явление протеста через свою призму и предлагает собственные трактовки и классификации.

Поэтому, учитывая указанные сложности, нами было предложено использовать универсальное рабочее определение протеста: протест представляет собой активное выражение гражданами своего неприятия существующей ситуации в обществе либо отдельных её аспектов (экономической политики государства, социальной несправедливости, ущемления прав человека), а целью протестующих выступает стремление изменить текущее положение вещей путём организованных коллективных действий, направленных на привлечение общественного внимания к обозначенной ими проблеме и создание условий для необходимых преобразований.

Проанализировав научную литературу, можно выделить следующие виды протеста:

I. Социальный протест

Социальный протест — один из наиболее распространённых видов общественного недовольства, направленный преимущественно против социальных и экономических проблем, существующих в обществе. Основные причины возникновения такого типа протеста включают недовольство социальным неравенством, низким уровнем жизни, экономическими трудностями и отсутствием справедливого распределения благ среди различных слоёв населения.

Основными формами выражения социального протеста являются массовые акции гражданского неповиновения, такие как митинги, пикеты, демонстрации, забастовки и другие организованные мероприятия. Эти события нередко сопровождаются столкновениями с правоохранительными органами и иногда приводят к политическим изменениям внутри страны, когда требования демонстрантов становятся значимыми факторами влияния на принятие решений властями.

II. Политический протест

Политический протест представляет собой осознанную реакцию части общества на решения властей, политику государства и конкретные действия государственных органов управления. Его целью является изменение политической ситуации в стране или даже смена существующего режима правления. Исследователи называют несколько ключевых факторов, провоцирующих политическое недовольство граждан:

- чувство социальной несправедливости и ограниченности возможностей (депривация);
- разочарование от несоответствия ожиданий действительности;
- ухудшение финансового положения широких слоев населения;
- невозможность удовлетворения базовых потребностей.

Кроме того, выделяются две основные формы проявления политического протеста:

1. восстание — характеризуется насильственными действиями и направлено на свержение действующей власти путём вооруженных выступлений;
2. протест — мирное выражение несогласия с текущей политикой посредством публичных демонстраций, шествий, акций протеста и других ненасильственных методов воздействия на правительство [1].

III. Культурный протест

Культурный протест отличается специфическим характером своего появления и развития. Данный тип протеста возникает вследствие нарастающего недовольства культурных процессов, происходящих в обществе, и отражает стремление граждан выразить своё неприятие современных тенденций в культуре, искусстве и повседневной жизни. Например, представители определённой группы могут выступать против навязывания чуждых ценностей, стандартов поведения или художественных направлений, воспринимая их как угрозу собственной идентичности и культурному наследию народа.

Культура становится ареной противостояния между традиционными ценностями и новыми веяниями, где борьба происходит за сохранение уникальности национальной культуры и её самобытности перед лицом глобализации и унификации. Эстетические аспекты играют здесь ключевую роль, поскольку именно художественное восприятие мира часто служит катализатором изменений во взглядах и поведении членов социума.

Любой вид протеста вне зависимости от своей природы может принимать одну из двух основных форм проявления: мирную либо насильственную.

Мирный протест представляет собой законное средство выражения своего мнения гражданами, которое осуществляется исключительно ненасильственными методами.

Основная цель мирных акций заключается в привлечении внимания общественности и властей к существующим социальным, экономическим или политическим проблемам, а также формировании давления на государственные органы власти с целью принятия решений, направленных на удовлетворение нужд населения.

Участниками мирных протестов могут выступить самые разные группы граждан: студенты, рабочие, пенсионеры, общественные активисты и представители организаций гражданского общества. Формы проведения мирных протестов разнообразны и включают в себя:

- митинги: организованные массовые собрания людей, направленные на демонстрацию коллективного мнения;
- шествия: организованное передвижение большого количества людей по улицам города с плакатами и лозунгами;
- пикеты: одиночные или групповые акции, проводящиеся перед зданиями государственных учреждений или крупными предприятиями;
- забастовки: временный отказ работников предприятий от выполнения своих трудовых обязанностей до удовлетворения выдвинутых ими требований;
- голодание: крайняя мера привлечения внимания к важным вопросам путем отказа от пищи.

Важно отметить, что несмотря на отсутствие агрессивных проявлений, мирные протесты способны оказать сильное влияние на развитие демократического процесса и защиту гражданских свобод, поскольку именно благодаря таким акциям граждане имеют возможность выразить свое недовольство текущей ситуацией и предложить альтернативные пути решения проблем.

Насильственный протест представляет собой радикальное выражение недовольства или требования, сопровождающиеся применением силы или нарушением закона. Такая форма протеста отличается наличием прямой угрозы обществу и государству, включая использование физического насилия против представителей правоохранительных органов, разрушения объектов инфраструктуры и частного имущества, а также организацию массовых беспорядков и столкновений.

Причин возникновения насильственных протестов несколько: накопление социальных противоречий, несправедливость экономических условий, нарушение базовых человеческих прав и свобод, коррупция и неэффективность системы управления государством.

Формы насильственного протеста многообразны и отличаются уровнем опасности и последствиями:

- бунт: стихийное массовое выступление народа против существующего положения вещей, характеризующееся отсутствием четкого плана действий и организации;
- восстание: организованное вооруженное выступление отдельных слоев населения против существующих порядков с конкретной программой действий и руководством;
- революция: глубокое изменение социально-политической структуры общества, вызванное массовыми протестами и направленное на свержение действующей власти и установление нового политического строя.

Эти события нередко приводят к серьезным последствиям, таким как жертвы среди мирного населения, гибель сотрудников полиции и военнослужащих, материальные убытки и даже раскол общества. Именно поэтому государство вынуждено предпринимать меры реагирования, включающие применение силы и введение чрезвычайных мер контроля над обществом.

Рассмотрев две формы протеста, мы видим принципиальное различие, каждая из которых оказывает огромное влияние на жизнь общества и государства. Важно понимать, что выбор той или иной формы зависит от множества факторов, включая степень зрелости демократических институтов, уровень социального неравенства и эффективность работы власти.

Таким образом, протест представляет собой неотъемлемый элемент общественной жизни, который служит платформой для выражения гражданами своих требований, высказывания своего несогласия и представления идей, направленных на улучшение общественных отношений. Множество различных форм и видов протестной активности наглядно иллюстрирует широкий спектр социальных, политических и культурных процессов, происходящих внутри общества.

Изучение и понимание природы протестных движений играет важную роль в анализе динамики общественных трансформаций и разработке эффективных подходов к решению актуальных проблем современности. Особое значение имеет мирная форма протеста, основанная на конструктивном диалоге между участниками и властью, а также на строгом соблюдении прав каждого гражданина. Такой подход становится важнейшим инструментом достижения положительных перемен в обществе и укреплении основ демократии.

Активность населения, проявляемая через активное участие в протестных акциях, помогает выявить существующие общественные проблемы, привлечь внимание широкой общественности к значимым вопросам и инициировать важные изменения,

способствующие развитию гражданского общества и совершенствованию социального устройства страны.

References

1. Баранов Н. Политическое поведение / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/100tv.htm> (дата обращения: 27.04.2024).
2. Зимбули А.Е. Протест: нравственно-ценностные аспекты // Национальная ассоциация ученых. – 2020. – №58-2. – С. 52-57.
3. Сабитов М.Р. Политический протест: теоретические проблемы. Дефиниции и типология / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-protest-teoreticheskie-problemy-definitsii-i-tipologiya/viewer> (дата обращения: 27.04.2024).
4. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – Москва: Рус. яз., 1989. – 624с.
5. Словарь иностранных языков / под ред. И.В. Лёхина, Ф.Н. Петрова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: ГИС, 1954. – 863с.
6. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Сов. Энциклопедия, 1984. 1633с.
7. Толковый словарь русского языка/ под ред. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Азъ, 1994. – 907с.

UDC 378.1:37.013.42

Popova J.A. Student self-government in a modern university as a mechanism for involving young people in socially significant activities

Popova Julia Alexandrovna,

senior lecturer of the Department of Accounting and Audit,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

***Abstract.** This study examines student self-government as an effective mechanism for engaging young people in civic and socially engaged activities. The article analyzes the concept, functions, and socialization potential of student self-government in the development of leadership skills, civic responsibility, and professional competencies among students. Particular attention is paid to the motives and barriers influencing student participation in self-government activities, as well as to the results of large-scale empirical studies in this field. Drawing on the experience of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, the paper demonstrates the institutional conditions that contribute to the effectiveness of student self-government systems and student engagement initiatives.*

***Keywords:** youth policy, socialization of youth, socially significant activities, student self-government, social activity of students, motivation of students, universal competencies, social design.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Today, in the context of economic globalization, increasing complexity of Today, the issues of involving the younger generation in socially significant activities have become a strategic priority for the Russian Federation. This fact is reflected in a number of documents. Thus, the passport of the national project "Youth and Children", approved for the period 2025-2030, defines as one of the key goals "the realization of the potential of each young person, his talents, education of a patriotic and socially responsible person" [5]. Along with this, Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation" establishes the legal framework for youth policy implementation and outlines key principles, including voluntary participation, the balance between public and individual interests, and support for youth initiatives [2]. On this basis, the task of higher education institutions is not just to train qualified personnel with the necessary professional competencies, but also to form a holistic system of values among students, develop leadership qualities and activate participation in social changes.

However, it should be noted that there is a significant gap between the attention paid to this issue at the state level and its practical implementation in most universities. According to the monitoring of the effectiveness of higher education institutions for 2021, out of 1,208 Russian universities, approximately 950 (about 79%) have formed some kind of student self-

government bodies. At the same time, based on the results of in-depth interviews with the heads of such bodies, only a small part of students participate in self-government most actively, and approximately 15-20% of students are only occasionally involved in such activities [12]. In other words, the formal presence of, for example, a student council does not guarantee real and full-fledged involvement in public processes.

The aim of this study is a theoretical and applied analysis of student self-government as a mechanism for involving young people in socially significant activities. Special attention should be paid to the issue of identifying effective directions for its implementation in the university environment. To achieve this goal, it is necessary to systematize existing approaches to the content of student self-government, identify its socialization potential and characterize the main directions, analyze the motives and barriers to inclusion of students, and, finally, consider the practical experience of organizing student self-government on the example of one of the leading creative universities in the country – Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (SPbSUITD).

The methodological basis of the work is an integrated approach that combines several complementary methods. This paper provides a theoretical analysis of the scientific literature on youth policy, higher school pedagogy, and student sociology, alongside an examination of the results of empirical studies on student involvement in self-government conducted in 2022-2024. Among them is, first of all, the research project of the Higher School of Economics "Student Self-government in Russia: driving forces (de-)motivations of students" (authors: D. B. Efimov, A. A. Kostyuk, A. S. Batishev, A.M. Makhson, M. Yu. Svoiskiy), a comprehensive sociological study "Student self-government in higher education institutions. Features and growth points", made by the State University of Management and the Russian Youth Union on the order of the Committee on Youth Policy of the State Duma of the Russian Federation and with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (covering more than 14 thousand students from all regions of the country). To study the experience of organizing youth policy and student self-government in SPbSUITD, the case study method was used. This approach allowed us to generalize theoretical ideas about the phenomenon and illustrate them with practical results obtained in the actual system of student self-government.

First of all, it should be noted that in the modern sociological scientific literature there is no universal definition of the concept of "student self-government". In itself, it is extremely complex and multifaceted, and at the same time it is considered both as a social institution, as a specific educational technology, as a form of leisure organization, and, finally, as a mechanism for implementing state policy. Summarizing the data of a number of theoretical

studies, it is possible to identify several main directions in which scientists consider this phenomenon.

An interesting approach is that of L. F. Shalamova, who considers student self-government bodies as an agent of activating the social potential of students. She notes that current federal state educational standards are focused not only on the formation of future graduates' professional knowledge, skills and abilities, but also on the development of universal competencies related to an active life position, organizational and communication skills, the ability to work in a team and to lead it. It is important that it is not possible to acquire such skills solely through lectures, seminars, and laboratory classes. Based on this, various forms of social activity are needed that will allow students to test themselves in certain managerial and organizational situations. One of these forms is student self-government. In her works, Shalamova also highlights such essential characteristics of student self-government as voluntariness, electability, collegiality of decision-making, transparency and accountability to the student body of the organization [8].

Shishkovskaya I. P. in one of her scientific works considers student self-government in the context of the formation of social maturity of the bachelor. She identifies three main concepts of this phenomenon [9].

The social concept considers student self-government as an institution of civil society formation. The pedagogical concept interprets it as a resource of educational work and a means of developing students' independence, initiative, and responsibility. The psychological concept emphasizes the fact that participation in student self-government activates the student's interest in finding optimal forms of self-realization, promotes the development of reflection and self-awareness.

Special attention should be paid to the substantiation of the pedagogical capabilities of student self-government in three main areas: semantic (implies awareness of the social significance of one's own activities), informational (obtaining knowledge about how management activities are organized) and transformative (direct participation in changing the social environment). In addition, the researcher identifies the key functions of student self-government:

- adaptive, helping first-year students integrate into the university environment;
- communicative, developing communication and interaction skills;
- stimulating, encouraging self-development and self-education;
- informational, ensuring the dissemination of information about the life of the university;
- organizational skills, which form practical skills of planning, coordination and control [9].

These theoretical approaches are clearly illustrated by the results of an empirical study conducted by E. V. Kargapolova, I. A. Musayeva, V. V. Dyakova, E. V. Anufrieva, and E. V. Andrianova in 2023 at the universities of Moscow, Volgograd, Astrakhan, and Tyumen. The study involved more than 1,200 students studying in various fields of study. As a result, we obtained data that students have formed a stable request for the functioning of student self-government bodies at the university. The overwhelming majority of respondents (about 78%) agreed with this statement. However, this highlights a rather paradoxical situation. Students of regional universities (Volgograd, Astrakhan, Tyumen) were less aware of the activities of student self-government bodies than representatives of Moscow organizations. Only 34% were able to name specific projects or events held by the student council, compared to 52% in Moscow. At the same time, it was regional students who showed more interest in participating in the activities of student self-government. This is especially true for the implementation of scientific projects (67% against 49% in the capital) [4]. In other words, regional universities have a significant reserve, but face the problem of low awareness and weak organizational support.

It is important to note that this study revealed a significant discrepancy between the priorities of youth policy at the state level and the real needs of students. So, for example, civil-patriotic and sports and wellness activities were the least attractive for students. Only 18% of respondents named the patriotic direction among the three most interesting for themselves, and the sports one – 22%. At the same time, research and mass culture areas received significantly higher ratings (64% and 58%, respectively). In Moscow, for their part, students place less trust in student self-government bodies leaders and attach more importance to areas related to the satisfaction of their personal interests and career ambitions. At the same time, the initiatives imposed from above are perceived as less relevant [4]. Based on this, it becomes clear that when forming the agenda of student self-government bodies, it is necessary to find a balance between the requests of students and the interests of higher-level bodies.

Special attention should be paid to the results of a large-scale study within the framework of the HSE strategic project "Human Success and Independence in a Changing World". The scientific analysis of D.B. Efimov, A.A. Kostyuk, A.S. Batishchev, A.M. Makhson and M.Yu. Svoiskiy was implemented in two stages. At the first stage, open data from 1208 Russian universities – all higher education institutions included in the 2021 Performance Monitoring, were studied and at the second stage, 72 in-depth semi-structured interviews were conducted with student government activists from different universities. Moreover, they represented various types of educational institutions – both classical universities, technical

universities, and pedagogical and creative ones. Based on the results of the study, the authors identified three main cultures of involvement in student self-government [1].

The first – socialization – is characterized by the predominance of motivation for individual development and personal socialization. Students of this type come to the student council to make new friends, learn to communicate, and overcome their inner shyness and self-doubt. For them, self-government is seen as a platform for informal communication and emotional support. This culture is most widespread among first-year and junior students who have not yet decided on their career paths and consider participation in self-government as a test of their own capabilities.

The second – pragmatic – is based on material and career incentives. The motivation is to receive an increased state academic scholarship (it can exceed the basic one by 30-50% or more), an asset to their CV, a convenient work schedule, access to closed resources of the university, a letter of recommendation for admission to a master's program or employment. Such students clearly relate the time and effort spent to the measurable benefits received. This type of motivation becomes more common in senior years, when students are more actively thinking about their career prospects.

The third – civil – is aimed at social recognition, helping other people, and solving socially significant problems. Students with this motivation see student self-government as a tool for real transformation. They may be related to improving the quality of education, solving problems in dormitories, creating an accessible environment for students with disabilities, and developing volunteerism. Students of this type most often become initiators of socially significant projects and grant applications.

Separately, the authors of the study note that the designated cultures are not strictly assigned to specific people. The same student can combine elements of all three types of motivation at different stages of their participation in student self-government. However, for more effective involvement of young people, it is necessary to take into account such differentiation and offer a wide range of activity formats for different motivational groups.

An important addition to this situation is made by the results of the comprehensive study "Student self-government in higher education institutions. Features and growth points". It was held in 2023 by the State University of Management and the Russian Youth Union. It covers more than 14,000 students from all regions of Russia, which makes it one of the most representative in this field in recent years. According to the results, the majority of students consider student self-government bodies necessary, clear and open, working for the benefit of all students, and are generally satisfied with their effectiveness. At the same time, about 40% of respondents do not have information about which student self-government bodies they have at their university and what functions they perform. In their answers, students

expressed the opinion that the leadership of a self-government body should be elected on a competitive, alternative basis, and not appointed "from above". However, in practice, such elections are not always transparent [3].

Respondents also noted the lack of material, technical and financial resources to improve the functioning of student councils. At the same time, it is emphasized that self-government is based primarily on non-material, internal resources. Experts who developed a profile of a student activist were involved in the study. Among its key features, activity, responsibility, organization, sociability, initiative, competence, ability to work in a team, ability to solve conflict situations, decency, ambition and critical thinking were highlighted. As the authors of the study noted, this picture largely coincides with the "ideal graduate" presented by modern employers.

The analysis of barriers that prevent students' involvement in student self-government shows a number of important factors. Thus, according to a number of studies, about 60% of students combine their studies with part-time work, which means that they do not have time to participate in such bodies and events held by them [3]. Of course, participation in the activities of the student council and other associations on a full-fledged basis is comparable in labor costs to the main work or study. In this regard, it is important to develop such universal skills in the field of time management, self-discipline and the ability to set priorities. However, there are other important barriers indirectly related to the lack of time resources. This includes students' lack of understanding of the goals and objectives of student self-government bodies, and frustration with their effectiveness when a student sees that their initiatives are not being implemented or face bureaucracy, and disinterest in the life of the university as a whole, and, finally, the infantile nature of some of the student youth.

Special attention should be paid to the attitude of the teaching staff to student self-government. A number of surveys show that for a significant proportion of potentially active young people, a deterrent factor is the openly or covertly broadcast negative opinion on the part of teachers. Teachers in some cases perceive student activity as an obstacle to learning, which, in their view, distracts students from their primary academic responsibilities of acquiring knowledge. Overcoming this barrier requires purposeful explanatory work with the academic staff of the university and the inclusion of indicators of student participation in self-government activities in the criteria for evaluating the effectiveness of departments, faculties and institutes.

At the same time, students' involvement in student self-government is strongly and sometimes negatively affected by the internal conflict of the environment. Moreover, conflicts can occur both within one body between individual students, and between different bodies, if there are parallel student structures. Special attention should be paid to the contradictions

between the student self-government bodies and the university administration. But one way or another, all this significantly reduces the motivation of students and leads to the loss of the most proactive participants.

It is important to note that today there is no universal model of student self-government suitable for any university. Educational organizations differ in the number of students, training areas, location, and so on. In each specific situation, individual design is required, taking into account the specifics of a particular university. As practical recommendations, the methodological recommendations of the Ministry of Science and Higher Education on the creation of student councils, the consolidation of councils of educational units (faculties, institutes) and councils of dormitories provide valuable guidance. The issue of mandatory internal elections at all levels is reflected separately.

In support of the theoretical approaches and research described, we will analyze the practical experience of specific universities in terms of student self-government and its role in the development of personality and social activity of young people. One of the most successful examples is the activity of the student self-government system at the Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (SPbSUITD). In recent years, this university has developed a multi-level, institutionalized system of involving students in management and project activities, which brings concrete, measurable results.

In April 2025, the presentation of the comprehensive program for the development of youth policy "PROMTECHDESIGN" was held at SPbSUITD. Its key areas are project-based learning, sports, creativity, academic training, media production, and volunteering. The key goal is to create a favorable environment for students' self-realization. The university is turning from a place of formal knowledge acquisition into a space for personal growth and first professional experiences. A distinctive feature of this project is the fact that the formulated initiatives are the result of students' hard work and close interaction with representatives of various structures of SPbSUITD. Among them are the Department for the Development of Student Initiatives, the Department of Media Content and Social Design, the Department for Youth Policy, etc. Thus, this example is a successful case of implementing the principle of co-management in practice. Students in this case become not just passive recipients of services, but equal partners of the university administration [6]. This program took part in the All-Russian competition of youth projects among educational organizations of higher education "Rosmolodezh.Grants".

It is important to note that following the results of the 1st season of this competition in 2024, projects created by students and employees of SPbSUITD received grant support totaling more than 11 million rubles. Among the winners are 16 projects aimed at improving various spheres of student life. These are the adaptation cluster for first - year students

"START" (grant amount – 810,664 rubles), the innovative laboratory "PROJECTOR" (738,827 rubles), the humorous workshop "NEVA" (733,040 rubles), the festival of creativity "GlowFest" (550,080 rubles), an educational course on media "tochka.media" (823517 rubles), an adaptation course for residents of dormitories "DORM" (958,051 rubles), a program for schoolchildren "My future profession" (805,526 rubles), Academy of Media Mentoring "Higher School of SMM" (619,800 rubles), festival of student Science (540,280 rubles), etc [7].

Special attention should be paid not so much to the amount of grant support, but to the diverse thematic focus. It shows that student self-government at SPbSUITD does not work in a single, narrow profile, but covers almost all areas of student life, from everyday life and leisure to science and professional orientation.

Separately, I would like to focus on the project "START.Communities", which is implemented on the basis of SPbSUITD with grant support from the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh). This program involves implementation in three stages and is aimed at practical improvement of the student self-government system among students of colleges and technical schools in St. Petersburg, which are primarily targeted by the project. Its key goal is to involve first-year students in the creative, sports and social and legal life of the educational organization, as well as to create a friendly and efficient student team, in which every student can find opportunities that match their interests and abilities for themselves and the scope of their talents and skills.

As part of the project, participants analyze the existing student self-government systems in their organizations, identify strengths and weaknesses, and develop their own development strategies. Within the framework of theoretical and practical training, experts help to master skills in the field of strategic planning, discuss risks and prospects, and evaluate the effectiveness of student councils using quantitative and qualitative indicators. Finally, special attention is paid to discussing the effective strategies for building sustainable student communities that do not break up after the first change of assets.

This project is extremely important from the point of view of horizontal dissemination of best practices, when the student self-government of SPbSUITD becomes a driver of development for the whole region, helping to build such an effective system in dozens of colleges and technical schools.

Along with this, the university regularly hosts project schools for college students, where participants get acquainted with the possibilities of grant support, develop their projects under the guidance of mentors and defend them before the jury. Special importance is attached to teamwork, developing a clear project structure, reflection and receiving high-quality feedback from experts.

Thus, the analysis of the activities of student self-government bodies in SPbSUITD allows us to draw several important conclusions about the possibilities of improving the efficiency of such structures. First of all, it is necessary to create an institutional environment in which student initiatives will receive comprehensive support, starting with methodological issues (for example, training in social project development), ending with the financial part (support of grant applications, co-financing). At the same time, students should not only have the right to self-realization, but also systematically learn to do so. For example, how to turn your idea into a project and apply for a grant to implement it. The variety of implemented projects shows that student self-government is able to involve young people with very different interests and inclinations. At the same time, such projects do not have an abstract, but a very real, measurable social effect, which may even go beyond the university. An example is career guidance work with schoolchildren, adaptation of out-of-town students, and development of volunteerism. In this regard, a well-built system of student self-government becomes not just an element of extracurricular work, but a real resource for the personal and professional development of future specialists and a tool for involving young people in socially significant activities.

Summing up, we can formulate several key conclusions. First of all, student self-government is a multi-faceted social and pedagogical phenomenon. Its most important functions are adaptive, communicative, stimulating, informational and organizational. This allows us to consider student self-government as one of the basic elements of forming a student's social maturity and readiness for full-fledged professional and social activities [10].

At the same time, the effectiveness of student self-government as a tool for involving young people in socially significant activities directly depends on taking into account the real motives and interests of students. It is important to remember that the active core is just a few percent of the total number of students. The main barriers that reduce student engagement are lack of time, lack of understanding of the goals and objectives of student self-government, frustration with its effectiveness, and, most importantly, negative or skeptical attitude on the part of the teaching staff. Overcoming these difficulties is associated with both improving students' awareness and purposeful work with teachers.

Analysis of the successful experience of SPbSUITD demonstrates a set of conditions under which student self-government achieves high efficiency. As proof of this, today's student activists can be real actors of social change who are able to attract significant resources and achieve concrete, measurable results that are important not only for the university, but also for the city and region.

In turn, the potential of student self-government is not fully realized in the entire Russian higher education system, as evidenced by the statistics of a number of studies. With formal

reports about the presence of a student council, the actual involvement of students remains low, and the work of such bodies is carried out sporadically or, in the worst case, simply imitated. In this regard, a promising direction for further research and practical work in this area is to develop as universal as possible, but at the same time adaptable to different types of universities, models of student councils' activities, including an assessment of their effectiveness. Investing in the development of student self-government is an investment in the future. After all, it is from today's leaders of student collectives that tomorrow's leaders, specialists and citizens in general will grow, determining the shape and future of the country.

References

1. Efimov D. B. Studencheskoe samoupravlenie v Rossii: dvizhushhie sily` (de-)motivacii studentov / D. B. Efimov, A. A. Kostyuk, A. S. Batishhev [i dr.] // Strategicheskij proekt NIU VShE` «Uspex i samostoyatel`nost` cheloveka v menyayushhemsya mire». – 2023. – URL: <https://stratpro.hse.ru/human-success/news/839908201.html> (data obrashheniya: 05.05.2026).
2. Federal`nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii». – URL: <https://base.garant.ru/400270470/> (data obrashheniya: 05.05.2026).
3. Gosudarstvennyj universitet upravleniya. Issledovanie GUU: studenty` ocenili samoupravlenie, a e`ksperty` narisovali portret aktivista / Gosudarstvennyj universitet upravleniya, Rossijskij Soyuz Molodezhi. – 2023. – URL: <https://guu.ru/issledovanie-guu-studenty`-ocenili-sa/> (data obrashheniya: 05.05.2026).
4. Kargapolova E. V. Studencheskoe samoupravlenie v sovremennom rossijskom vuze (po rezul'tatam e`mpiricheskogo issledovaniya) / E. V. Kargapolova, I. A. Musaeva, V. V. D`yakova [i dr.] // CITISE`. – 2023. – № 3. – S. 159–174.
5. Pasport nacional'nogo proekta «Molodezh` i deti» / Ministerstvo nauki i vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii. – 2025. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404346857/> (data obrashheniya: 05.05.2026).
6. Prezentaciya programmy` razvitiya molodezhnoj politiki universiteta i proekta «PROMTEXDIZAJN» proshla v SPbGUPTD / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promy`shlenny`x tehnologij i dizajna (SPbGUPTD). – 2025. – URL: https://sutd.ru/novosti_i_obyavleniya/announces/26902/ (data obrashheniya: 05.05.2026).
7. Proekty` Universiteta PROMTEXDIZAJN v chisle pobeditelej 1-go sezona konkursa Rosmolodezh`.Granty` sredi fizicheskix licz v 2024 godu / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promy`shlenny`x tehnologij i dizajna (SPbGUPTD). – 2024. – URL: https://sutd.ru/novosti_i_obyavleniya/announces/24751/ (data obrashheniya: 05.05.2026).
8. Shalamova L. F. Organy` studencheskogo samoupravleniya kak sub`ekt aktivizacii

social'nogo potenciala studenchestva / L. F. Shalamova // Social'no-gumanitarny`e znaniya. – 2014. – № 3. – S. 152–157.

9. Shishkovskaya I. P. Pedagogicheskie vozmozhnosti studencheskogo samoupravleniya v formirovanii social'noj zrelosti bakalavra / I. P. Shishkovskaya // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2024. – № 2 (62). – S. 175–181.

10. Vospitateľ'naya deyatel'nost` v vuze: sovremenny`e podxody` : monografiya / V. T. Anan`ina, E. A. Aleshina, A. A. Belov [i dr.] ; pod obshh. red. A. V. Ponomareva ; Ministerstvo nauki i vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina. – Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. – 344 s.

11. Xodusov A. N. Pedagogika studencheskogo samoupravleniya : monografiya / A. N. Xodusov, N. A. Zagumenny`x, S. A. Kononova, A. A. Xodusov. – Kursk : KGU, 2021. – 185 s.

12. Zuev V. V. Metodologicheskie podxody` k organizacii studencheskogo samoupravleniya v vy`sshix uchebny`x zavedeniyax / V. V. Zuev, Yu. V. Nikishina, M. N. Klejmenova // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 78-1. – S. 148–150.

UDC 159.99

Strigaleva A.V., Bykova S.S. Consequences of social stigma

Последствия социальной стигматизации

Strigaleva A.V.

PhD in Philosophy, History and Social Studies Teacher
Russia, Samara

Bykova S.S.

Independent Researcher
Russia, Samara

Стригалева А.В.

кандидат философских наук, учитель истории и обществознания
Россия г. Самара

Быкова С.С.,

независимый исследователь
Россия, г. Самара

Abstract. *This article focuses on social stigma. It will examine the definition of this social phenomenon from various perspectives. It will also detail the consequences of stigma and ways to prevent it. A strong emphasis will be placed on how different specialists view stigma and how they define it.*

Keywords: *adolescent, difficult adolescent, stigma, labeling, social status.*

Аннотация. *Статья посвящена социальной стигматизации. Будет рассмотрено определение этого социального явления с разных сторон. Также будут подробно охарактеризованы последствия стигматизации и способы ее предотвращения. Сильный акцент будет сделан на то, как разные специалисты видят стигматизацию и какое определение ей присваивают.*

Ключевые слова: *подросток, трудный подросток, стигматизация, навешивание ярлыков, социальный статус.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Актуальность

Стигматизация – это навешивание отрицательных ярлыков на человека или группу людей социумом, сопровождающееся приписыванием им негативных качеств или стереотипов, не всегда соответствующим действительности, и на основе этого создание для них дискриминационного отношения и социальной изоляции [3]. Огромное желание помочь нашему обществу стать более толерантным и независимым повлияло на мысль о написании статьи на эту тему. Это явление имеет очень глубокие корни в обществе и влияет на большое количество аспектов в нашей жизни. Стигматизация также очень сильно меняет человека. Она способна понизить его самооценку, ухудшить качество жизни и социальных навыков. В контексте глобализации и социальных изменений проблема стигматизации становится особенно актуальной. Огромное

количество исследований показало, что стигматизация правда сильно влияет на наше общество, что в дальнейшем может являться мотивацией для ее минимизации. В разных статьях и книгах было найдено большое количество фактов и интересной информации, которые помогли разобраться в данной теме [5]. Они были написаны профессионалами и людьми, заинтересованными в устранении данной общественной проблемы. После получения большого количества опыта хочется поделиться своими знаниями, ведь стигматизация является решающим для нашего общества явлением, с которым нужно бороться и не игнорировать данную проблему, понимая, как оно влияет на других людей. Подробно будет рассмотрено влияние стигматизации на людей и ее последствия.

Понятие стигматизации

В понятие стигматизации входит навешивание “ярлыков”, социальные ярлыки, формирование стереотипов и предвзятости, дискриминация, снижение социального статуса и самоидентификация.

Процесс стигматизации одним из первых описал французский ученый Эмиль Дюркгейм, являющийся социологом. Он считал негативное девиантное поведение причиной применения обществом формальных и неформальных санкций (в том числе исправление, наказание нарушителя, лечение).

Эмиль Дюркгейм разработал теорию аномии, в которой было предложено объяснение девиации [1]. По его словам, во время сильных социальных перемен жизненный опыт перестает соответствовать идеалам, созданным в социальных нормах. После этого люди начинают испытывать дезориентацию и состояние запутанности. Для демонстрации влияния аномии на поведение социума ученый показал, что во время резких экономических спадов и подъемов уровень самоубийств возрастает. Он сделал вывод, что неожиданный упадок и процветание связаны с “нарушением коллективного порядка”. При этом ученый утверждал, что девиация должна присутствовать в обществе, ведь оно должно быть гибким и изменяющимся.

Особенно сильное развитие получила теория американского социолога Ирвинга Гофмана в конце 20 века, которая ввела понятие стигмы в гуманитарный обиход как часть социальных взаимодействий. Гофман являлся одним из первых экспертов, доказавших что стигма является не просто обидным словом, а процессом, который полностью меняет реальность человека [2].

Говоря о высказываниях 21 века, в пример можно взять социолога Имоджена Тайлера. В своей книге «*Stigma: The Machinery of Inequality*» (Стигма: Механизм неравенства, 2020) Тайлер переосмысливает концепцию Эрвинга Гофмана [1]. Он

отмечает, что стигматизация это не только межличностное поведение, но и могущественный инструмент власти и “машина” по созданию неравенства, которую часто используют государства и корпорации для маргинальных групп (беженцы, бедные и т.д.).

О последствиях данного социального явления также говорил Грэм Торникрофт-профессор общественной психиатрии, активно критикующий стигматизацию людей с психическими расстройствами. Много раз он говорил, что стигма это не просто негативные чувства, а процесс, включающий дискриминацию и невежество. Также профессор упоминал явление под названием «диагностическое затмение» (diagnostic overshadowing), во время которого врачи игнорируют физические симптомы пациента, списывая это все на психиатрический диагноз [6].

О последствиях стигматизации можно говорить очень долго, ведь это явление может влиять на все сферы жизни человека. Необходимым является ознакомиться с самыми частыми последствиями, чтобы понимать масштаб и эффект стигматизации.

Последствия стигматизации:

- Психологические проблемы
- Изоляция
- Снижение качества жизни
- Нарушение межличностных отношений
- Увеличение стресса
- Проблемы со здоровьем (как с физическим, так и с ментальным)
- Суицидальные мысли

Стигматизация влияет на фундамент личности. Человек начинает верить в стереотипы о самом себе. После этого у человека резко падает самооценка, появляется чувство собственной неполноценности, вины и стыда.

Изоляция является следствием социального отчуждения. Человек самостоятельно “уходит в себя” в целях избежать косых взглядов и насмешек. Иногда общество самостоятельно исключает его из своих кругов. После этого человек остается наедине со своей проблемой. Обычно, самостоятельно справиться с этим очень тяжело. Особенно сильно это явление оказывает влияние на подростков, ведь их психика является очень уязвимой в данный период [4].

Стигма является барьером для нормального существования [5]. Она мешает найти человеку хорошую работу, получить хорошее образование и продвинуться по карьерной лестнице, так как часто встречается предвзятость со стороны работодателей. Это препятствует финансовой стабильности, равенству прав и пользованию общественными благами наравне с остальными.

Стигматизация портит отношения с близкими. Из-за страха осуждения друзья могут отвернуться, побоявшись осуждения общества; в семье могут начаться конфликты и недопонимания; построение романтических или дружеских отношений становится тяжелым испытанием из-за страха оказаться непринятым или отвергнутым.

Жизнь под влиянием стигматизации является вечным испытанием. Человек постоянно находится в стрессе, находясь в ожидании нападков или дискриминации. Большое количество энергии у человека уходит на то, чтобы терпеть оскорбления и не показывать свои эмоции. Это, в конечном итоге, приводит к эмоциональному выгоранию.

Стресс на постоянной основе вызывает проблемы со здоровьем. Например, могут появиться проблемы с сердцем и упасть иммунитет. Говоря о проблемах с ментальным здоровьем, стигма провоцирует возникновение тревожных расстройств и депрессии. Самым ужасным является то, что человек может бояться обратиться к врачу из-за страха появления очередной стигмы или ярлыка, запуская порочный круг и доводя себя до критического состояния.

Суицидальные мысли являются крайней и самой опасной точкой. Чувствуя, что общество окончательно отвергло его, что никто в нем не нуждается, человек, будучи в состоянии отчаяния, начинает думать о смерти. Состояние безнадежности и одиночества становятся все более очевидными. Потеря социальных коммуникаций, также называемая социальной смертью, часто приводит человека к тому, что он теряет смысл и физической жизни.

В рамках исследования на тему стигматизации был проведен анонимный опрос 60 человек обоих полов и разных возрастов. Целью исследования было выявить основные причины стигматизации, оценить влияние стигмы на человека в зависимости от возраста и пола и само отношение опрошенных к данному социальному явлению. В процессе разработки анкеты были учтены все критерии и различия между участниками, которые могут быть использованы для подробного анализа стигматизации как социального явления. В качестве индивидуальных различий были выбраны школьный класс опрашиваемого, пол, влияние явления на личность и частота столкновения с ним.

После создания анкеты она была проанализирована. Количество опрошенных было переведено в процентное соотношение для лучшего понимания влияния явления. Предлагаю ознакомиться с результатами.

После анализа диаграмм мы можем сделать вывод, что за стигматизацией со стороны наблюдали многие и большая доля опрошенных сама с ней сталкивалась. Большинство опрошенных считает, что подростки часто сталкиваются со стигматизацией в жизни. Тот, кто сталкивался с данным явлением, выявляют влияние

разной степени, которое было представлено на диаграмме. Важно отметить, что больше половины опрошенных указали на влияние стигматизации на жизнь человека. Это подчеркивает важность устранения данного явления в обществе. Дополнительно опрошенным был задан вопрос, который должен был быть оформлен в письменном виде. На вопрос “Назовите причину, по которой вас стигматизировали”, самыми частыми ответами были: за национальность, внешний вид, пол, интересы и хобби, вес и стеснительность. Судя по письменным ответам, стигматизировали больше девушек, нежели парней. Это может говорить о наличии двойных стандартов в нашем обществе. Причины стигматизации максимально разные и неоправданные. В будущем необходимо бороться со стигматизацией. Это поможет большому количеству людей чувствовать себя намного лучше морально, окажет позитивное влияние на будущее поколение, улучшит качество жизни, снизит дискриминацию в обществе и укрепит сообщества людей путем сопротивления стигматизации.

Заключение

Стигматизация оказывает влияние на жизни людей. Она охватывает все сферы жизни человека [3; 5]. Существуют различные виды и классификации данного понятия. При этом она остается социальным явлением, с которым необходимо бороться. Работа над собой и над поведением социума может уменьшить количество жертв стигматизации. Это приведет к социальной гармонии и улучшению качества жизни в целом.

Особенно сильно стигматизация касается подростков. В подростковый период человека часто волнует чужое мнение, что еще сильнее оказывает влияние на психику и состояние в целом.

Исследование, проведенное в рамках итогового проекта, подтвердило наличие влияния на жизнь людей. Это может являться дальнейшей мотивацией для борьбы с проблемой стигматизации.

Очень важно относиться ко всем с уважением. Это сделает вас и других счастливее.

References

1. Смирнова Ю. С. Типы стигматизирующих установок / Ю. С. Смирнова // *Философия и социальные науки*. -2010. -№ 3. -С. 45-50. — URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8067/1/pages%20from%20ph%26ss_2010-3.%2045-50.pdf.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

2. Роль стигматизации в социальных коммуникациях // Научные высказывания: сетевой журн. -2023.- URL: <https://nvjournal.ru/article/86-rol-stigmatizatsii-v-sotsialnikh-kommunikatsiya/> (дата обращения: 12.12.2025).

3. Что такое стигматизация, какой она бывает и откуда берется // РБК Тренды. [Электронный ресурс].- 2022.- URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/632cb5aa9a794739baa4c0ab> (дата обращения: 20.10.2025).

4. Стигматизация “трудных” подростков и ее последствия для личности// Детский психолог: профессиональное издание. -URL: <https://detskiy-psycholog.ru/statya-1260.html> (дата обращения: 10.11.2025).

5. Что такое стигматизация и чем она опасна// Тинькофф журнал: Путеводитель по психике.- URL: [\[https://t-j.ru/stigmatizatsiya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F\]](https://t-j.ru/stigmatizatsiya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F) (дата обращения: 18.11.2025).

6. “Держись от него подальше”: причины и последствия стигматизации// Psychologies: психология.- URL: <https://www.psychologies.ru/articles/derzhis-ot-nego-podalshe-prichiny-i-posledstviya-stigmatizacii/> (дата обращения: 05.11.2025).

UDC 316.648

Vlasyeva K.D., Lagutin S.G. Social and psychological factors of mass riots and tactics for their suppression

Социально-психологические факторы массовых беспорядков и тактика их пресечения

Vlasyeva Ksenia Dmitrievna,

student of faculty of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

Lagutin Sergey Gennadievich,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

Власьева Ксения Дмитриевна,
студент факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия

Лагутин Сергей Геннадьевич,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия

Abstract. *This article examines the key socio-psychological factors contributing to the emergence of mass unrest. It analyzes psychological, operational, and modern tactical and special methods for preventing and suppressing mass unrest, and also examines the main psychological phenomena of the human psyche in a crowd. Emphasis is placed on studying the behavioral characteristics of crowd participants during mass unrest, methods of escalating conflict, and the causes of aggressive crowds. The article also examines the organizational aspects of managing law enforcement agencies during the containment of mass unrest and their psychological aspects.*

Keywords: *mass riots, psychology, crowd psychology, mass psychology, tactical and special psychology, methods, factors.*

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые социально-психологические факторы, способствующие возникновению массовых беспорядков. Анализируются психологические, оперативные и современные тактико-специальные методы предупреждения и пресечения массовых беспорядков, также рассматриваются основные психологические феномены психики человека в толпе. Акцент делается на изучении особенностей поведения участников толпы в массовых беспорядках, способах эскалации конфликта и на причинах возникновения агрессивной толпы. В статье рассматриваются организационные аспекты управления силовыми структурами при локализации массовых волнений и их психологическая сторона.*

Ключевые слова: *массовые беспорядки, психология, психология толпы, психология масс, тактико-специальная психология, методы, факторы.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Если обратиться к статистике, то можно увидеть закономерность возрастания случаев массовых беспорядков по всему миру, что требует совершенствования тактико-специальных мер по их предотвращению и пресечению, поскольку данное явление обладает высокой общественной опасностью [1, с. 92].

Массовые беспорядки – сложный социально-психологический феномен, возникающий на стыке множества кризисов: экономических, политических, социальных, – и противоречий и психологических механизмов, возникающих в обществе посредством механизмов группового поведения [3, с. 240]. Социально-психологические факторы возникновения массовых беспорядков представляют собой сочетание объективных условий среды и специфических механизмов групповой динамики, которые переводят социальное недовольство в активную деструктивную фазу. Существует различные предпосылки для будущего формирования протестных настроений.

В данной статье рассмотрим социальные предпосылки или макрофакторы. Они снижают порог терпимости общества, и включают в себя эмоциональный климат и установки, социальную деградацию и депривацию. Напряженность, вызванная ожиданием экономических или политических кризисов, формирует устойчивые негативные психологически установки населения, а социальная деградация и депривация являются такими состояниями общества, при которых потребности людей не удовлетворяются в течение долгого времени, что ведет к накоплению коллективной агрессии. Также стоит сказать, что современные социальные сети и мессенджеры создают эффект «эхо-камеры», координируют действия и способствуют формированию «умных толп» [2, с. 80-81].

В процессе беспорядков индивидуальная психика человека подчиняется законам поведения масс. Участник массовых протестов, находясь в толпе, теряет чувство личной ответственности, полагая, что в массе людей он не узнаваем – это снимает внутренние моральные запреты на деструктивное поведение. Следуя за толпой или просто стоя на месте, человек может быть подвластен такому эффекту, как эффект заражения – это быстрая, неосознанная передача эмоциональных состояний (гнева, страха, азарта) от одних активных участников к другим, менее заряженным. Из-за этих двух состояний поведение человека кардинально меняется: ведомый сильной эмоцией в толпе единомышленников, у участника массовых беспорядков снижается критическое мышление, что делает его восприимчивым к простым, эмоционально окрашенным лозунгами и призывам лидеров. Происходит стихийное нарастание возбуждения, которое может превратить мирное собрание в агрессивную толпу под воздействием случайного триггера.

Непосредственными условиями, провоцирующими переход от слов к агрессивным действиям, являются событие-катализатор, действия правоохранительных органов и слухи. В толпе событием-катализатором может быть резонансное происшествие, которое служит психологическим триггером, также как и динамика взаимодействия

между органами власти и протестующими, напрямую влияет на эскалацию или деэскалацию конфликта. Слухи работают как усилители паники или гнева, недостаток проверенной информации заполняется ложными сообщениями, которые только провоцируют неосведомленную толпу на радикальные действия [5, с. 386].

Отметим, что личностные характеристики участников толпы тоже оказывают влияние на массу. Исследования выделяют группы людей, наиболее склонных к активному участию в беспорядках: личности с деструктивными наклонностями, люди с низким уровнем правосознания, маргинализированные слои населения.

Таким образом можно сказать, что поведение человека в толпе подвержено влиянию многих социально-психологических феноменов психики и психологии масс. Условия возникновения беспорядков обусловлены кризисами и неопределенностью, которая в свою очередь ведет к возрастанию агрессивных настроений. Понимание этих факторов позволяет прогнозировать и упреждать риски перерастания массовых мероприятий в беспорядки через оперативную работу с информацией и снижение эмоционального накала в обществе.

Тактика пресечения подразделяется на неконтактные методы (психологические) и контактные операции. К первым относится информационно-психологическое воздействие, и оно может осуществляться с помощью разрушения иллюзии анонимности в толпе, посредством использования громкоговорителей для обращения к конкретным группам и через открытую видеофиксацию лиц участников и трансляции этого. И может быть использован способ трансляции спокойных, рациональных команд, предоставления путей добровольного выхода из толпы. Также должна происходить активная борьба со слухами через официальные каналы и соцсети в режиме реального времени [4, с. 69].

К оперативно-тактическим действиям относится изоляция района беспорядков для предотвращения притока новых участников и распространения агрессии, вытеснение масс с ключевых объектов или площадей, разделение толпы на мелкие группы с помощью полицейских цепочек, что разрушает групповое единство и «эффект заражения». К данной группе методов может относиться точечное изъятие лидеров, то есть задержание активных зачинщиков и организаторов, которые направляют действия толпы, что часто приводит к быстрой деморализации остальной толпы.

К современным методам относится киберразведка – мониторинг мессенджеров и социальных сетей для выявления координат проведения массовых беспорядков еще до начала активной фазы, морально-психологическая подготовка сотрудников – обучение личного состава приемам саморегуляции и устойчивости к провокациям, чтобы не допускать немотивированного насилия, становящегося новым триггером.

Эффективность пресечения напрямую зависит от скорости принятия решений и способности правоохранительных органов действовать избирательно, отделяя мирных граждан от радикально настроенных провокаторов. Пресечение массовых беспорядков необходимо для обеспечения безопасности мирного населения, для обеспечения безопасности и сохранности имущества, для предотвращения гуманитарных и экономических последствий.

Подводя итог можно сказать, что массовые беспорядки возникают при взаимодействии социального недовольства с психологическими механизмами толпы, включая эмоциональное заражение и снижение ответственности, требуя комплексного пресечения. Эффективная тактика пресечения сочетает в себе силовые методы, такие как изоляция лидеров, с информационным воздействием на толпу, приоритетов деэскалации и ранней профилактики социальных конфликтов.

References

1. Акимов В. Т. Понятие массовых беспорядков // Наука и образование сегодня. 2019. №6-2 (41) С. 92-94.
2. Волохова Е. П. Феномен массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. С. 80-90.
3. Коновалова И. Ю. Массовые беспорядки. Социально-психологический и уголовно-правовой аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №6. С. 238-241.
4. Сафарьянов И. Ф. Тактика пресечения групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков // Вестник УЮИ. 2016. №4 (74). С. 68-71.
5. Фомин В. В. О некоторых вопросах предупреждения и пресечения массовых беспорядков // Уголовно-исполнительное право. 2019. №4. С. 385-389.

CONCLUSION

The materials in International Journal of Professional Science No. 5(1.2) demonstrate the multifaceted nature of contemporary scientific research and its close connection to the practical challenges of society. This issue convincingly demonstrates that cultural practices, educational technologies, psychological research, and social policy form a unified field of interdisciplinary analysis necessary for understanding and addressing pressing contemporary issues.

The articles presented demonstrate that scientific development today is impossible without considering digital technologies, cultural context, age and social specifics, as well as without constantly updating approaches to education, communication, and social support. The issue's particular value is enhanced by the combination of theoretical developments with an applied focus, enabling the application of the obtained results in educational, cultural, and social practice.

The editors express their gratitude to the authors for their relevant and insightful research and invite readers to continue the professional dialogue on the topics raised. We hope that the published materials will provide a useful foundation for further scientific research and practical solutions.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№5(1.2)/2026

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 7,9
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”